СОДЕРЖАНИЕ

І. ИСТОРИЯ

ШУРДУМОВА Д. В. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ У АДЫГОВ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА			
МАКИЕВА Е.Г. К ВОПРОСУ О РОЛИ МАЛЫХ ГОРОДОВ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ			
ТОМАЕВ М. ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА В ОСЕТИИ (КОНЕЦ XVIII — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВВ15			
БУЗАРОВА И. В. ГРАЖДАНСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АГ. КЕШЕВА .22			
ХУБУЛОВА Д. В. МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА34			
ТАБУНЩИКОВА Л.В., ШАДРИНА А.В. АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ БОРЬБА В 1923 Г. В ДОНСКОМ РЕГИОНЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ И СИЛОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ВЕРУЮЩИХ			
ТАТАРОВ А.А. ВЫСОКОГОРНЫЙ ФРОНТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (АВГУСТ 1942-ЯНВАРЬ 1943 ГГ.)51			
ІІ. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ			
АХМАТОВА М.Т. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЕВОГО ИЗУЧЕНИЯ АЛХАН-КАЛИНСКОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ В ЧЕЧНЕ			
КОЧИЕВА А.Г. ПОЛНЫЙ ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК Д.И. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ71			
ЖУРТОВА А.А. ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВАЙНАХСКИХ НАРОДОВ С РОССИЕЙ В XVI-XIX ВВ76			
НИКАЕВ Х. Р. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ83			
МАМХЕГОВА Л.Х. ЭТНОГЕНЕЗ АДЫГОВ В РАБОТАХ ШКОЛЫ РОМАНТИЗМА91			
ІІІ. ЭТНОНОЛОГИЯ			
ДАУЕВА Т.Т. РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ			
ДЗАГОЕВА Э.П. НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ КОНЕЦ XVIII-XIX ВВ			
САБАНОВА Д.Т. ОСЕТИНСКАЯ СКАЗКА КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ СКАЗКИ «КАК ПОЛАДИЛИ ЮНОША И ДЕВУШКА»)112			
МАКИЕВ А.А. ПРОЕКТ «ПОТЕРЯННАЯ ОСЕТИЯ» КАК РЕСУРС ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО БРЕНДИРОВАНИЯ			
МАГОМЕТОВ А.А. ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК РЕЗУЛЬТАТ АККУЛЬТУРАЦИИ			
IV. ФИЛОЛОГИЯ			
ДЗЛИЕВА Д.М. ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИГРОВЫХ ХОРОВОДОВ В КОНТЕКСТЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ОСЕТИН			
КУМАХОВА З.Х. ОБРАЗ КАРТИНЫ МИРА ЧЕРКЕШЕНКИ В НАРОДНОЙ ПЕСЕННОЙ			
КУЛЬТУРЕ			

	ХУДАЛОВА М.Т. СИДÆН ÆMÆ СИДÆНЫ ФУНКЦИТÆ ИРОН ÆВЗАДЖ (НАРТЫ КАДДЖЫ' ÆРМÆГМÆ ГÆСГÆ)			
	ЦАЛЛАГОВА И. Н. О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ В ДИАЛЕКТОЛОГИИ	166		
	ЦОКОЛАЕВА Е. Х. ОБРАЗ-СИМВОЛ «ЦЫКУРАЙЫ ФÆРДЫГ»: ДИНАМИКА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ	173		
	ТАВАСИЕВА Э.И. ОБРАЗ НУЦЫ В ПЬЕСЕ ДАВИДА ТУАЕВА «СИДЗÆРГÆС» 1	82		
	ПЛАЕВА З.К. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ОБРАЗЕ АЦАМАЗА В ОСЕТИНСКОМ НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ	87		
	v. политология			
	ДУЛАЕВА З. С. НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ КОНЦА 80-X — НАЧАЛА 90-X ГГ. XX В	193		
	ЕЗЕЕВА Д. В. К ВОПРОСУ О РОЛИ КАЗАЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ РСО-АЛАНИЯ).	201		
	КЕЛЕХСАЕВ Р.К. СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ (КОНЕЦ XX —НАЧАЛО XXI ВВ.)	210		
	АЙЛАРОВ А.Э. АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ 2	216		
СТУПЕНЬ В НАУКУ				
	ХАПСАЕВА Д. КУЛЬТУРА ДЕТСКОГО ДОСУГА В СТАРОМ ВЛАДИКАВКАЗЕ	221		
	ДАРЧИЕВ А., ЦУЦИЕВ З. АВСТРАЛИЙСКИЙ ОСЕТИН КУЛЬЧУК АЗИЕВ:ЗАБЫТЫЙ СОЛДАТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ	228		
	ДЖИКАЕВА Л. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНОГО ДЕВИЧЬЕГО АЛЬБОМА (на примере альбомов учениц средней школы сел. Дзуарикау)			
	ПОТАПЕНКО А. ИЗ ИСТОРИИ МОЗДОКСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА	254		
	СИПОВИЧ В., РАДАЕВ О., ГОРЛОВА Е. ИСТОРИЯ, БЫТ И НРАВЫ КАЗАКОВ СТАНИЦЫ ПАВЛОДОЛЬСКОЙ 1777-1913 ГГ	268		
	ГРИЦАЕНКО К. БРАТЬЯ ДУБИНИНЫ — ПИОНЕРЫ НЕФТЕПЕРЕРАБОТКИ. ВКЛАД В ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	283		
	ХАДАРЦЕВ С. ИСТОРИЯ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ГОСПИТАЛЯ	292		
	НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	305		

Д.В. ШУРДУМОВА, магистрант КБГУ им. Х.Б. Бербекова (г. Нальчик)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ У АДЫГОВ В КОНЦЕ XVIII— НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

B данной статье рассматриваются факторы, повлиявшие на активизацию миграционных процессов у адыгов в конце XVIII — начале XIX века. Показано, что в данный период миграции адыгов носили в основном внутренний характер. Особое внимание уделяется вопросу об изменении численного соотношения отдельных адыгских народов под влиянием внутренних миграций.

Ключевые слова: адыги в XVIII веке, черкесы, миграционные процессы, народы Северного Кавказа, политика России на Кавказе, численность адыгов, миграции черкесов в XVIII веке, «демократические» группы адыгов, «аристократические» группы адыгов.

MIGRATION PROCESSES ADYGEA IN THE LATE XVIII — EARLY XIX CENTURY

This article discusses the factors that influenced the intensification of migration processes in the Adygs in the late XVIII — early XIX century. It is shown that in this period of migration

Adygs were largely domestic in nature. Particular attention is paid to the question of change in the ratios of individual Adyghe people under the influence of internal migrations.

Key words: adygs in the XVIII century, circassians, migration, peoples of the North Caucasus, number adygs, migration of the Circassians in the XVIII century, «democratic» group adygs, «aristocratic» group adygs.

Миграции всегда играли важную роль в формировании социально-демографической и этнической структуры населения северокавказского региона, хотя масштабы ее, конечно, изменялись во времени и пространстве. Благоприятные природно-климатические условия всегда делали этот регион привлекательным для длительного проживания, но с конца XVIII в. динамика миграционных процессов усиливается. Это было связано с его геополитическим положением, привлекавшим особый интерес у крупнейших держав мира: Персии, Турции, России, Англии и др. Их политика, направленная на то, чтобы укрепиться в регионе, найти поддержку местных народов, активизировала внутренние и внешние миграции населения.

По мнению Г. А. Дзидзария [1, 3], начало переселенческого процесса народов Кавказа в Турцию восходит к периоду установления господства Турции на Кавказском побережье в XV-XVI вв. Известные случаи переселения были обусловлены, главным образом, религиозной политикой Османской империи. Следует отметить, что внешние миграции в этот период еще не получают такого размаха, как со второй половины XIX в.

С конца XVIII в. Россия стала рассматривать, наряду с военными действиями, миграционные процессы в качестве дополнительного инструмента борьбы за покорение Северного Кавказа, а ко второй половине XIX в. миграции стали одним из ключевых механизмов колониальной политики России в этом регионе [2, 1].

В частности, новым явлением этнической жизни адыгов в XVIII — начале XIX в. явился мощный приток русского населения в регион — казаков, солдат, крестьян. Царское правительство, с одной стороны, было заинтересовано в дальнейшей колонизации всего Северного Кавказа, а с другой — опасалось поощрять переселение, чтобы не стимулировать массового самовольного ухода крестьян. Поэтому правительство предпочитало военно-казачью колонизацию края. Казачество оставалось опорой царизма во всех начинаниях, особенно, в военных действиях [3, 128].

Со временем усилились факторы социально-экономического характера, обусловившие миграцию отдельных групп населения. Одним

из них было малоземелье в горах, остро ощущавшееся в XVIII веке, еще более усилившееся в XIX веке и вызвавшее движение чеченцев, ингушей, осетин, балкарцев на равнину [4, 645].

Коренное изменение российской политики по отношению к Кабарде, обозначившееся в 1763 г. и выражавшееся в аннексии части кабардинской территории привело к усилению миграционной активности населения. Нужно отметить, что «западный» вектор миграции в сторону бассейна р. Кубань обозначился практически сразу же после начала кабардино-российского противостояния [5, 1].

В 1793 году Российская империя перешла к прямому подчинению Кабарды. К практиковавшимся методам захвата территории и подавления сопротивления различных групп уоркской знати, прибавилось стремление контролировать внутреннюю жизнь Кабарды посредством «родовых судов и расправ». В ходе борьбы с российской администрацией кабардинское общество вплотную столкнулось с дилеммой — остаться на своих местах и потерять свободу или уйти в закубанские земли и сохранить независимость.

Массовые восстания в Кабарде 1804, 1813, 1822 гг. были жестоко подавлены и вызвали уход значительных масс кабардинцев в Закубанье. Переселялись в основном княжеские и дворянские семьи со своими крепостными. Большие группы недовольных, откровенно грабительской и захватнической политикой правительства, уходили в долины рек Малый и Большой Зеленчук, Теберда, Лаба, Уруп, Кубань. Начиная с 1804 г., в Закубанье образуется группа адыгского (кабардинского) населения, известная в литературе как «беглые» кабардинцы [6, 1]. Именно они возглавили беспощадную борьбу против колонизаторской политики России и совершали набеги на «русскую» территорию. Связи, которые они сохранили со своими соотечественниками, проживающими в долинах, облегчали эти нападения [6, 3]. Правда, процесс миграции был двусторонним, многие из «беглых» кабардинцев возвращались в Кабарду.

Одновременно зависимые крестьяне, борясь с усиливающимся феодальным гнетом, уходили от своих владельцев в Моздок, Георгиевск, станицу Екатериноградскую и другие. Некоторая часть адыгов ушла на юго-восток, в Чечню, в армию Шамиля [4, 726].

Вытеснение кабардинцев из районов Кумы и Пятигорска на западе и районов Сунжи и Владикавказа на востоке привело к регулируемой кавказской администрацией миграции в центральную часть Кабарды на Малку, Баксан, Черек. Можно выделить и инонациональный ми-

грационный поток в Кабарду. Сюда в поисках земли, политической защиты, социальной поддержки, защиты от кровной мести переселялись дагестанцы, чеченцы, ингуши, осетины, балкарцы, карачаевцы, абазины, абхазы, русские, казаки, армяне и др. В начале XIX в. резко обострились отношения между Кабардой и Россией. Военные походы царских генералов Якоби, Фабрициана, Глазенапа усилили миграцию в Закубанье. Десятки адыгских селений были сожжены, а жители изгнаны, что можно характеризовать как насильственную миграцию [4, 743].

Аннексия земель, проводимая российской администрацией, шла двумя путями: первый, военный, предотвратил возможную внешнюю агрессию (Турция, Иран) и возвел военную Кавказскую линию, отсекающую степное Предкавказье от горцев; второй предполагал массовое переселение сюда из Центральной России крестьян и намечал мирные торговые и хозяйственные формы освоения плоскостных районов Кавказа. Результатом этой целенаправленной деятельности стало частичное, в основном добровольное, переселение горцев (осетин и ингушей) на равнину, что вызвало мощный миграционный поток: юг — север, горы — плоскость. Активизировала миграционные движения и Кавказская война. Резко увеличивается количества зон выхода мигрантов и зон вселения [4, 758].

После начала Кавказской войны (1763 г.) динамика этнодемографических процессов в Западной Черкесии возросла. Первыми жертвами карательных акций стали приграничные княжеские владения Западной Черкесии. Многочисленные погромы, сопровождавшиеся уничтожением посевов и поселений, вызвали массовые миграции населения, спасавшегося в труднодоступных местах [7, 120]. Одновременно в конце XVIII — первой половине XIX вв. у западных адыгов активизировалось крестьянское антифеодальное движение, вылившееся в форму миграции зависимых крестьян, покидавших «аристократические» этнические общности и находивших приют и поддержку у «демократических» народов. И, наоборот, из последних в «аристократические» переселялись представители социальной верхушки. Мощь шапсугов постоянно укреплялась за счет притока новых беженцев, которые здесь получали права гражданства и ассимилировались. Абадзехи, натухаевцы, шапсуги гордились тем, что свергли своих князей и живут свободно. Свобода порождала чувство гордости и самоуважения, поэтому не случайно, что именно они возглавили национально-освободительную борьбу против

колонизаторских устремлений России. Благодаря этим качествам они пользовались у своих соотечественников славой непобедимых, их влияние на другие черкесские субэтносы было велико [6, 1]. Усиливающийся миграционный поток крестьян, искавших свободу, привел к тому, что в 1830-е гг. численность хамышеевцев сократилась более чем в 2 раза, а число жителей в Шапсугии и Абадзехии значительно возросло.

Таким образом, у северо-западных адыгов происходил своеобразный процесс социальной рокировки, обусловленный ходом борьбы, крайне обострившейся в это время у всех адыгских народов. Увеличение численности жителей Западной Черкесии происходило за счет уменьшения численности восточных групп адыгов. Рост населения привел и к расширению территории. В начале XIX века шапсуги, натухайцы и абадзехи заняли земли «аристократических» жанеевцев, бжедугов, темирогоевцев и других [8, 90]. Демократические порядки, сложившиеся у натухайцев, шапсугов и абадзехов в начале XIX в. привлекали к ним выходцев и из среды неадыгского населения, в частности из абазин и ногайцев [8, 92]. Активные миграционные потоки внутри адыгских субэтносов привели к «разбуханию» одних и сокращению численности других. В отдельных случаях это приводило к поглощению более мелких народов более крупными и к полному исчезновению некоторых из них. К примеру, к 30-м годам XIX в. численность бжедухов значительно уменьшилась. По имеющимся архивным данным, к абадзехам и шапсугам отошло 1200 только одних хамышеевских «простых дворов, плативших дань» хамышеевским князьям [9, 1].

Итак, можно утверждать, что на рубеже XVIII-XIX вв. передвижение адыгского населения носило, в основном, характер внутренней миграции. В частности, массовые переселения в первой половине XIX века крепостных крестьян из княжеских владений в область проживания «демократических адыгов» способствовали увеличению численности абадзехов, шапсугов и натухайцев. В результате к середине XIX в. удельный вес «демократических адыгов» достиг 2/3 от общего числа адыгов.

Примечания

1. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.

- 2. Хачетлова С. М. Проблемы миграций народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в конце XVIII в. начале XX в. Автореф. дисс. на соискание степени к.и.н. Нальчик, 2008. [Электронный ресурс] URL http://www.dissercat.com (дата обращения: 27. 10. 2013)
- 3. Дзагов Р. Н. Переселенческие процессы и формирование многонационального населения Кабарды в конце XVIII первой половине XIX века // Перспектива 2010. Нальчик, 2010.
- 4. Кузьминов П. А. Этнодемографическая карта народов Терека: размещение, численность и миграция населения в конце XVIII первой половине XIX века // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX начале XX в. Нальчик, 2004.
- 5. Алоев Т.Х. «Беглые» кабардинцы: формирование в Закубанье массива кабардинского населения и его участие в Кавказской войне в 1799-1829 гг. Автореф. дисс. на соискание степени к.и.н. Нальчик, 2006. [Электронный ресурс] URL http://www..dissercat.com (дата обращения: 21. 09. 2013)
- 6. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа/пер. с франц., предис. и комм. И. М. Назаровой. М., Изд-во: Надыршин, 2010. [Электронный ресурс] URL http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (дата обращения: 12.12.2013)
- 7. Кожев З.А., Прасолов Д.Н. Этнотерриториальное деление Западной Черкесии/Адыгская (черкесская) энциклопедия/гл. ред. М.А. Кумахов. М, 2006.
- 8. Гарданов В. К. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX века // Советская этнография. 1963. Вып. 4.
- 9. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII первой половине XIX века. Очерк первый. Социально-экономическое положение адыгов в конце XVIII первой половине XIX в. [Электронный ресурс] URL http://www.budetinteresno.info (дата обращения: 26. 04. 2013).

К ВОПРОСУ О РОЛИ МАЛЫХ ГОРОДОВ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Статья посвящена истории основания и развития города-крепости Моздок в XVIII-XIX вв. Особое внимание в статье уделяется политическим и социально-экономическим факторам формирования городской среды. Историческая реконструкция позволила выявить роль Моздока в системе общероссийских преобразований в исследуемый период.

Ключевые слова: Северный Кавказ, военное укрепление, Моздок, Городовое положение, город-крепость.

THE ROLE OF SMALL TOWNS IN THE HISTORY OF RUSSIAN STATEHOOD

The article is devoted to the history of foundation and development of the fortress city of Mozdok in the XVIII-XIX centuries. In the article special attention is paid to the political and socio-economic factors of development of the urban environment. Historical reconstruction has revealed allowed to identify the role of Mozdok in the system of nationwide reforms in the analyzed period.

Keywords: North Caucasus, a military fortification, Mozdok, city regulations, the fortress city.

Город — многостороннее социокультурное явление, важный элемент пространственной организации общества. Это действенная и активная форма «культурной памяти» человечества, поскольку отражает целенаправленную программу своего создания, актуальные потребности и адаптированные нормы прошлого [1, 17]. Изучение малого города в качестве отдельного объекта актуализировано выделением в современной исторической науке проблемы повседневности, факторов и структурообразующих элементов развития провинциальных городов России.

В городе Моздоке — административном центре Моздокского района Республики Северная Осетия-Алания — отчетливо проявляются общие для городов проблемы регулирования жизнедеятельности городской среды. Между тем, большинство современных проблем Моздока, как и почти всех российских городов, порождены стремительностью процессов урбанизации, и возможно игнорированием исторического опыта функционирования городов. На наш взгляд, из всей богатой двухвековой биографии Моздока особенно выделяется отрезок времени, когда он являлся войсковым городом, что во многом предопределило дальнейший характер развития.

Возникновение Моздока было косвенно связано с целым рядом мер царского правительства по освоению Северного Кавказа и Предкавказских степей. По плану, представленному князем Г.А. Потемкиным императрице Екатерине II, предполагалось сомкнуть линию от Азова до Моздока путем строительства и заселения ее новыми поселенцами-казаками. С осуществлением этого плана, как утверждал Г.А. Потемкин, России представится возможность прикрыть от «набегов соседних племен границу между Астраханью и Доном, отделить разного звания горских народов от тех мест, коими нашим поданным пользоваться следует, положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, хлебопашество...» [2, 36]. Кавказская линия также обеспечивала установление прочной коммуникации с Грузией: от Моздока через Дарьяльское ущелье шла трасса будущей Военно-Грузинской дороги. В 1763 году началось строительство Азово-Моздокской оборонительной линии; 5 июля заложена крепость Моздок. Императрица Екатерина Великая обозначила Моздок стратегической точкой, форпостом России на Кавказе, тем самым определив его историческое будущее.

Основание городов империи в XVIII — первой половине XIX в., путем придания статуса города крепостям на пограничных укрепленных линиях, было проявлением государственной политики освоения присоединенных окраин и официально оформлялось «высочайшими указами» [3, 502-503]. Так, в обширном докладе Сената, в котором рассматривалось прошение Кургоки Кончокина, владельца Малой Кабарды, спасавшегося от преследования недругов из Большой Кабарды, и просящего защиты российского правительства, предлагалось отвести для поселения Кончокина место, с тем, чтобы со временем там можно было поставить крепость, оказывать финан-

совую поддержку всем переселенцам на новое место и христианизировать население, была наложена резолюция Екатерины II — «Быть по сему», и далее: «конфирмовано октября 9 дня 1762 году» [4; Л. 64, 66]. Очевидно, место под будущее поселение было выбрано не случайно; оно отвечало не только военно-стратегическому назначению, но и хозяйственным нуждам будущих поселенцев. Согласно карте-плану, составленному инженером-капитаном Алексеем Дудиным в 1765 году, урочище Моздок представляет собой плато, имеющее форму эллипса, который одним основанием по длине большой оси упирается в реку Терек, а другим — выходит на просторы моздокской степи. Справа у границ плато — труднопроходимый лес, который тянется по всей линии от Терека до болота, что исключает возможность нападения неприятеля с этой стороны. Слева — такой же дремучий лес и далеко выступающая лука Терека [5, 23]. Таким образом, крепость была практически неуязвимой с трех сторон. Такое выгодное стратегическое положение как нельзя лучше подходило для основания на нем пограничного поселения, каковым стал и долгое время был Моздок.

Устройство в управлении городов в России основывалось на одном из наиболее значительных документов законодательства Екатерины Великой – «Жалованной грамоте на права и выгоды городам Российской империи», изданной 21 апреля 1785 года [6, ст. 16188]. Городовое положение («грамота») Екатерины II, утверждая характерные для эпохи Просвещения представления о государстве с сословной структурой, определяла всесословный порядок городского управления, просуществовавшего до 1870 года, при котором все «градское общество» разделялось на шесть разрядов, имевших характер сословных групп: «настоящих городовых обывателей» (имеющих в городе недвижимость), «гильдейских граждан», «цеховых граждан», «именитых граждан» (выборных чиновников, дипломированных ученых и художников, банкиров, оптовых торговцев и др.), «иногородних и иностранных гостей» и «посадских», то есть всех остальных [7, 244].

Городовое Положение вводилось только в официально признанных городах которые имели официальный статус города; а проведение самой реформы предусматривалось, прежде всего, в губернских и областных центрах. В остальных городах предполагалось реформирование постепенное, с учетом местных условий и на усмотрение Министерства Внутренних Дел. [8, 105].

Город Моздок попадал под Городовое положение и был построен по предварительно утвержденному плану. Участок земли в пределах города выделяли не только под новый дом, но и под сад. Но вскоре такие возможности были исчерпаны, и землю в черте города новоселы получали только под домовое строение, а участок под сад отводился поодаль — у городских стен. «Устройство Моздока отчасти производилось по произволу жителей, и отчасти по указанию местных гарнизонных инженеров. В 1842 году строительная часть была подчинена общему порядку. Убраны развалины городских зданий и заборы;...и вообще наружность города стала благовиднее» [9, 615].

К концу XVIII века Моздок становится важным военно-политическим пунктом России на Кавказе, имея статус города-крепости. Именно этот статус, непосредственно связанный с функциональным назначением города, определил военную, административную и экономическую специфику Моздока. Он входил в систему политических городов Северного Кавказа — Владикавказа, Ставрополя, Кизляра, Екатеринодара и занимал в ней определенное место. Один из видных руководителей российской администрации на Кавказе генерал Нейдгардт, в рапорте военному министру России князю А.И. Чернышеву от 1 августа 1843 года писал, что охрана Военно-Грузинской дороги, Малой Кабарды и Моздока и защита окрестностей Владикавказа тесно связаны с управлением края, а в Константиновском укреплении военный отряд размещен для обеспечения охраны [10, № 22].

В 1802 году Моздок был возведен в ранг уездного города. После восстановления Военно-Грузинской дороги и присоединения грузинских княжеств к России Моздок на некоторое время оказался в центре военно-политических, торговых и культурных связей России с Грузией. В 1825 году Моздокский уезд был преобразован в округ. При этом армяне и помещичьи крестьяне округа и города Моздока были подчинены Пятигорскому земному суду [11, 793]. Перенос Военно-Грузинской дороги с правого берега Терека на левый отрицательно сказался на экономическом и политическом статусе Моздока. Начальным пунктом Военно-Грузинской дороги вместо Моздока стала станица Екатериноградская. Это сузило торгово-экономические операции Моздока, ослабило его военно-политическое значение на Кавказе, однако не было утрачено значение Моздока как военно-политического центра России на Северном Кавказе.

Помимо военного статуса, Моздок практически со времени осно-

вания имел ряд особенностей административного устройства и организации муниципальной власти. При преобразовании Кавказской области в Ставропольскую губернию, Моздок был ей подчинен. Кавказский комитет 22 августа 1853 года открыл Моздокскую городскую ратушу, в составе которой были городской голова, два бургомистра и четыре атамана [12, 650]. В числе сотрудников также значились секретарь, столоначальник, надсмотрщик-архивариус, регистратор, четыре писца и сторож.

Со временем Моздок становится и центром ярмарочной торговли. В Моздок везли товары купцы из отдаленных районов Северного Кавказа и Закавказья. В Моздоке проводили две ярмарки в год весной и осенью. Важную роль в развитии торговли играли базары. Совершенно новым товаром на рынке был керосин, полученный на одном из первых в мире нефтеперегонном заводе братьев Дубининых. Завод братьев Дубининых перерабатывал в день 8-10 пудов нефти, добываемой из источников Терского хребта. Продукция завода имела большой спрос не только у жителей Моздока и окружающих станиц, но вывозилась на Нижегородскую ярмарку и в Москву «на продажу купцам и аптекам» [13, 15-17]. Завод Дубининых просуществовал в Моздоке более 20 лет и давал тысячи пудов керосина, хотя и было примитивным предприятием небольшого размера. Но важна была не его величина, а то, что это было одно из первых в истории нефтяной промышленности предприятий по промышленной переработке нефти, которое начало действовать здесь за 37 лет до того, как «фетоген» из нефти стали получать американцы и за 7 лет до того, как немецкий ученый Рейхенбах выделил в своей лаборатории керосин из нефти.

Но деятельность братьев Дубининых не получила нужной поддержки. Талантливые изобретатели терпели постоянную нужду, они не имели возможности расширить свое производство. В 1844 году Дубинины обратились к Кавказскому наместнику князю Воронцову с просьбой об оказании помощи. Желая заинтересовать правительство, они подробно излагали выгоды от внедрения их способа, видя их в уменьшении ввоза нефти из Персии и значительном ее удешевлении. Они предлагали расширить нефтяную промышленность и торговлю «и здесь и в России», для чего просили о денежной субсидии в 7 тысяч рублей. Но грозненские нефтяные источники находились в то время в ведении Кавказского линейного казачьего войска, и местное начальство не нашло возможным разрешить бесплатное пользование нефтью, поэтому аппарат был скоро забыт. Уровень

развития промышленности Моздока в период его существования как города-крепости определялся преимущественно потребностями населения самого города. Промышленное производство носило не рыночный, а потребительский характер. В городе было 12 фабрик и заводов, в основном кожевенных, на которых работало 42 человека рабочих.

Период существования Моздока как города-крепости знаменовался выполнением важных государственных функций: военной, административной, коммуникативной и экономической.

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить, что исследование города-крепости Моздока XVIII века как политической и социально-экономической реальности дает нам возможность реконструировать отдельные аспекты жизнедеятельности города и выявить его роль в системе общероссийских процессов.

Примечания

- 1. Туаева Б. В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX начале XX вв. Владикавказ, 2008.
- 2. Малахова Г.Н. Становление российской администрации на Северном Кавказе в конце 18 начале 19 века. М., 1990.
 - 3. Городские поселении в Российской империи. СПб., 1863. Т. 3.
- 4. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А.). Ф.12. Оп. 1. Д. 93.
 - 5. Попов И. А. Станица Луковская. М., 1963.
- 6. Полное Собрание Законов Российской империи. Собр.1. Т.22. СПб., 1829.
 - 7. Российское законодательство X-XX веков. М., 1987. Т.5.
- 8. Туаева Б. В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX начала XX века. Владикавказ, 2013.
- 9. Акты Кавказской Археологической Комиссии (далее АКАК). T. VI. ч. 2. М., 1878.
- 10. Крюков М. Города Ставропольской губернии, Заштатный город Моздок // Ставропольские епархиальные ведомости. 27 мая 1850.
 - 11. AKAK, т. VIII, Тифлис, 1881.
 - 12. Там же, т. XI, Тифлис, 1883.
- 13. Лозгачев Т.М. 130 лет нефтезаводу братьев Дубининых // Нефтяное хозяйство. 1955. №12.

ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА В ОСЕТИИ (КОНЕЦ XVШ-ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВВ.

В статье рассматривается история становления и развития архивного дела в Осетии, основные вехи которой были связаны с формированием государственной культурной политики на российском уровне. Выявляется роль отдельных ведомств, энтузиастов, благодаря деятельности которых были сохранены архивные фонды.

Ключевые слова: архивные фонды, исторические документы, делопроизводство, главное архивное управление, горский исторический архив

HISTORY OF ARCHIVING IN OSSETIA

The article examines the history of formation and development of archival work in Ossetia, milestones which have been associated with the formation of the state cultural policy at the Russian level. Shows the role of the individual departments, enthusiasts, thanks to the activities which have been preserved archival collections.

Keywords: archives of historical documents, paperwork, important archival management, highland historical archive

Конец 18 — начало 19 века — время становление архивного дела в Осетии. Гражданско-административные, духовные и военные ведомства Терской области — Духовная консистория, Канцелярия начальника Терской области, Терское областное правление — имели значительные архивные фонды, отложившиеся в делопроизводстве учреждений Владикавказа, Моздока, Ставрополя, Кизляра, Пятигорска и других мест. Со временем дела накапливались, и возникала такая проблема, как выявление наиболее важных исторических документов и уничтожение не имеющих исторического и бытового значения. Но эта работа проводилась эпизодически и не имела четких критериев.

В связи с этим в 1884 году был издан — Высочайший Указ об учреждении губернских исторических архивов и ученых архивных ко-

миссий. С 1884 по 1886 г. проводилась разборка архивных материалов городов Владикавказ, Нальчик, Моздок, Грозный и некоторых казачьих станиц. Затем 1889 году они приступили к работе с архивами Терского казачьего войска [1].

Военная администрация Терской области серьезно интересовалась архивами Северного Кавказа. Великий князь Михаил Николаевич, Командующий войсками на Кавказе, в 1876 году в письме военному министру отмечал: «Было бы непростительно для нашего времени оставлять без внимания этот ежегодно уничтожающийся временем научный материал».

Более двухсот ведомственных архивов насчитывалось в Терской области к началу XX века. Архив Терского областного правления был наиболее значительным, в нем хранилось более 60 тысяч дел, все эти дела хронологически охватили период с 1871 по 1917 год. Около 8 тысяч единиц хранения за 1860-1917 годы содержал в себе архив канцелярии начальника Терской области. Также объемными архивами владели — штаб Терского казачьего войска, управление Владикавказского округа и Сунженского отдела, управление межевой частью Терской области, Дирекции народных училищ.

Но, к сожалению, тогда не было единого государственного подхода к организации архивов, что привело к гибели ценнейших документов предшествующих эпох. Это событие очень сильно волновало передовую российскую интеллигенцию. Для изучения архивных материалов местных правительственных учреждений в 1912 году при императорском русском историческом обществе была создана специальная комиссия. На 1 октября 1913 года в Терском областном правлении было сконцентрировано 4724 книги и 123 тысячи 241 дело. Для них было выделено пять небольших комнат. Но при этом продолжался сбор архивных материалов. Работники архива, помимо своих прямых обязанностей выдавали заявителям различные справки, создавали описи дел, картотеки и указатели.

8 октября 1913 года архивариус областного правления, коллежский асессор И. П. Бурак писал: «На данный момент архив переполнен делами до крайнего предела, связки дел пришлось уложить одна к другой так плотно, что приходится тратить много сил и времени для выемки и укладки, что очень плохо влияет на сохранность дел. Но еще есть много дел, которые по закону подлежат сдаче в архив, и их уже негде хранить. Крайне вредно отражается на хранении дел нахождения архива в подвальном помещении,

чувствуется сильная сырость особенно в зимнее и весеннее время. Затхлый воздух очень плохо влияет на состояние дел и на здоровье сотрудников архива» [2].

Ставропольская Ученная архивная комиссия в январе 1916 года запретила уничтожение старых дел, особенно учитывая то, что еще не написана история Терского войска. Была проведена большая работа к этому времени по обследованию всех архивов Российской империи. Результаты этого обследования были неутешительными. В мае 1914 года на съезде представителей Ученых архивных комиссий, проходившем под председательством Его Императорского Высочества Великого князя Николая Михайловича, обсуждались неутешительные результаты этого обследования, порядок разбора, уничтожения и хранения старых дел. В России началась разработка реформы архивного дела. Идея централизации и создания единого государственного архивного фонда легла в ее основу. До 1917 года в Российской империи не было единой централизованной архивной службы. Все важные архивы государственного значения находились в подчинении Военного министерства, Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел и Министерства юстиции. Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР был принят в 1918 году. Декрет утвердил образование Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ).

1 июня 1918 года он был подписан и провозглашал общенародную собственность на документы архивов и централизацию их хранения. Молодое советское правительство, учитывая то, как важно сконцентрировать документальное наследие страны в руках государства, придавало огромное значение сохранности документов. Тогда же было создано Главное Архивное управление, и Народный комиссариат просвещения взял его под свое непосредственное подчинение.

Становление архивного дело в Терской области начинается с августа 1920 года. Прибывший 3 августа 1920 года из Москвы инспектор Главного архивного управления предлагает областному ревкому утвердить одного из трех кандидат в звании Уполномоченного по Областному архивному управлению. Это были Г.А. Дзагуров, Б.А. Алборов и В.П. Пожидаев.

Григорий Алексеевич Дзагуров 5 августа информирует Главное архивное бюро о том, что он по предложению инспектора Вишневского вступил в исполнение обязанностей Уполномоченного Главного архивного управления по Терской области, и что он приступил к ор-

ганизации дела. Свои первые приказы о кадровых назначениях он подписал в этот же день [3].

16 августа 1920 года на основании декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1 июня 1918 г. по вопросу организации и централизации архивного дела, был издан приказ № 22 Исполнительным комитетом Советов Терской области. Этот приказ гласил, о том, что в городе Владикавказе учреждается Областное архивное управление, и что все дела и переписка правительственных учреждений законченные к октябрю 1917 года, должны поступить в Государственный архивный фонд, и подлежат передаче в ведение указанного выше управления. Следовательно, этот день и стал днем рождением Терского областного архивного управления, которое в свою очередь положило начало развитию современного архивного дела в Осетии.

Осенью 1920 года постановлением Президиума Терского областного Совета народного хозяйства, был передан архив бывшего Правления Терской области в распоряжение Терского областного архивного управления. Затем работники Терского областного архивного управления приступили к упорядочению архивов, Управления Сунженского отдела Терской области, бывшего Духовного училища, Терского областного правления. От личной самоотверженности молодых деятелей науки, культуры и образования зависела судьба архивов. Разборочная комиссия Терского областного архивного управления с 1 ноября 1920 года приступила к работе. Все они руководствовались в работе по разбору архивных материалов Инструкцией Главного архивного управления от 27 января 1919 года. Весомые результаты дала работа разборочной комиссии, объем разобранного документального массива был так велик, что учет велся не единицами, а пудами. Также в Терском областном Архивном управлении 20 декабря 1920 года была организована справочная библиотека, включившая 1000 изданий.

В связи с тем, что 17 ноября 1920 года на Чрезвычайном съезде народов Терека, была провозглашена Горская АССР, произошли изменения и в статусе архивного органа. Терское областное архивное управление реорганизовано в Главное архивное управление при Наркомпросе Горской республики, на основании приказа № 19 Совнаркома ГАССР от 12 мая 1921 года.

Главное архивное управление состояло из 8 отделов:

- 1. Отдел военных архивов;
- 2. Отдел правительственных архивов;

- 3. Отдел юридических архивов;
- 4. Отдел архивов по народному просвещению;
- 5. Отдел статистических архивов;
- 6. Отдел архивов статистического характера;
- 7. Отдел архивных материалов по истории революции до 1917 года.
- 8. Отдел архивных материалов по истории революции после 1917 года.

На основании Декрета Совнаркома РСФСР от 31 марта 1919 года, были созданы два последних отдела. Согласно этому декрету при губернских архивах надлежало организовать два особых отдела по истории революции до и после 1917 года. Все материалы по истории революции, должны были поступать в эти два отдела. Терское областное архивное управление с 1920 по 1922 год ведет обширную переписку с Политотделом Терской области, с Терским отделением Центропечати и КавРОСТа, с Политотделом Терской области, с Центрархивом РСФСР, с Горской Чрезвычайной Комиссией, с Бюро Истпарта Горского областного комитета РКП (б). Григорий Алексеевич Дзагуров в письме председателю ГорЧЕКа просит его сделать распоряжение о выдаче и доставке в Главное архивное управление следующих материалов:

- ✓ все документы, которые относятся к истории Революции, гражданской войны;
 - ✓ литература Белогвардейцев;
 - ✓ справочные издания;
 - ✓ экземпляры газет, революционных и контрреволюционных;
- ✓ книги и редкие издания и вообще, передать все, что не нужно для текущего делопроизводства и представляет тот или иной исторический интерес.

Архивисты занимались поиском и спасением исторических материалов от расхищения и уничтожения. Они работали не только в Осетии, но и в Нальчике, Георгиевске, Пятигорске и других местах, грамотно систематизировали архивные материалы.

14 июля 1921 года, с образованием на территории РСФСР автономных республик, ВЦИК РСФСР утвердил Декрет, согласно которому в автономных республиках утверждались Центральные архивные управления, они подчинялись Главархиву и местным правительственным органам. Благодаря этому событию работа архивных органов несколько улучшилось, возрос их авторитет среди научных

учреждений. Деятельность Горского архивного управления за период с 1921 по 1923 год отмечена значительными результатами: проведено 117 заседаний разборочной комиссии, учтено 34 фонда, подготовлено 433 доклада по описанию архивных материалов, просмотрено 16563 дела на 760528 листах, из них выделено 10272 ед. хр.

Общее руководство архивным делом в декабре 1921 г. было передано в ведение самостоятельного центрального архивного органа — Центрархива РСФСР, состоявшего при ВЦИК СНК. В связи с этим Горский архив также был передан в прямое подчинение исполкома Горской республики.

Главное архивное управление 1 мая 1922 г. было переименовано в Центральное архивное управление, Исполкомом Горской республики, выделив его из состава Наркомпроса ГССР и подчинив непосредственно Горскому Центральному исполнительному комитету. Этот переход повысил статус архивного управления. Спустя некоторое время архивное управление в соответствии с временным положением о губернском (областном) архивном бюро был преобразован в Республиканское архивное бюро. Несмотря на преобразование, по-прежнему первоочередными задачами оставались приведение в порядок собранных документов, создание архивных фондов и обеспечение их сохранности, а также использование и публикация документов. К концу 1923 г. усилиями архивистов республики были собраны и частично упорядочены архивы упраздненных учреждений. Они составили единый архивный фонд Горской республики. И так история архивного дела в дальнейшем неразрывно связана с историей нашей республики.

В связи с тем, что Горская АССР была упразднена и из ее состава были выделены автономные области, Г. А. Дзагуров решил направить в Северо-Осетинский Ревком предложение о том, что следует создать вместо Горского Центрального архивного управления, архивные бюро: Осетинское, Сунженское, Ингушское и Владикавказское городское. На заседании Ревкома Северо-Осетинской автономной области 12 сентября 1924 г., протоколом № 12 было утверждено Северо-Осетинское областное архивное бюро. В ее состав вошли четыре человека: председатель Григорий Дзагуров, заместитель председателя Николай Виддинов, архивариус и секретарь Альбин Гощинский, помощник архивариуса, делопроизводитель Иван Бурак [3].

На объединенных совещаниях заведующих архивными бюро автономных областей Осетии, Ингушетии, города Владикавказ и

Краевого архивного бюро обсуждался этот вопрос. 7 сентября 1926 г. в Краевое архивное бюро при общем одобрении было направлено решение об образовании во Владикавказе самостоятельного объединенного Горского исторического архива. Эту идею Центрархив поддержал и в июне 1927 г. направил в Президиум Владикавказского окружного исполкома проект — Положения об объединенном Горском историческом архиве в городе Владикавказе. В этом проекте закреплялся принцип неделимости архивных фондов.

Завершилось формирование Горского исторического архива 25 января 1928 г. Он размещался в здании Владикавказского окружного исполкома по Пролетарскому проспекту, 10 (ныне здание СОИГСИ). Руководителем исторического архива был назначен Семенов Л. П., до этого занимавший пост заведующего Владикавказским окружным архивным бюро [4].

Примечания

- 1. ЦГА РСО-А. Ф 758, Оп. 1, Д. 47:
- 2. http://archive-Osetia. ru/:
- 3. ЦГА РСО-А. Ф 363, Оп. 3, Д. 13:
- 4. Чиплакова Н.В. Хранители истории: г. Владикавказ. Изд-во ТРИО Атрибут К.У. Таутиева 2010, 132 с.

ГРАЖДАНСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.-Г. КЕШЕВА

В работе исследуется творческая жизнь и деятельность Адиль-Гирея Кешева «Каламбия» — представителя адыгского просветительства XIX в., активно печатавшегося на страницах дореволюционных периодических изданий. Подробно рассматривается его гражданско-просветительская деятельность в период службы редактором «Терских ведомостей». Проводится анализ его статей, очерков, библиографических обзоров, рецензий, фольклорных публикаций и редакторских примечаний.

Ключевые слова: Северный Кавказ, адыгские просветители, А.-Г. Кешев, Терские ведомости, публицистика, литературное творчество, периодические издания.

CIVIL PUBLICITY A.-G. KESHEV

We study the life and creative activity Adil Giray Keshev «Columbia» — representative adygskogo enlightenment XIX century. Actively printed on a page of pre-revolutionary periodicals. It details the civil and educational activities in service editor «Terskikh statements.» The analysis of his articles, essays, bibliographic reviews, book reviews, folklore publications and editorial notes.

Keywords: North Caucasus, adygskie educators, A.-G. Keshev, Terek statements, journalism, literary works, periodicals

Адыгскому просветителю и прогрессивному общественному деятелю А.-Г. Кешеву посвящено достаточное количество научных исследований. Прежде всего, внимание ученых привлекали его литературные опыты — повести «Записки черкеса» [1, 1-90], «Абреки» [2, 127-190] и «На холме» [3, 309-365], опубликованные еще в I860–1861 гг. в солидных общероссийских изданиях: «Библиотека для чтения» и «Русский вестник». Значительный материал для характеристики пе-

риода учебы Кешева в Ставропольской гимназии содержится в статьях бывшего директора Ставропольской гимназии Я.М. Неверова [4; 5] и учителя русского языка той же гимназии Ф.В. Юхотникова [6]. Статьи содержат биографические сведения о Кешеве, его успешной учебе в гимназии, выдающихся способностях в области филологии и истории.

Однако, в советское время литературное творчество А.-Г. Кешева до определенного периода находилось в забвении. Этому способствовало то, что его главные труды были опубликованы под псевдонимом «Каламбий». В своих исследованиях Л. Г. Голубева показала, что под именем «Каламбий» скрывается А.-Г. Кешев [7]. Она опубликовала несколько интересных работ, посвященных жизни и деятельности Кешева [8] и в 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию, в которой проанализировала его литературно-просветительские взгляды [9]. Помимо работ Л.Г. Голубевой, различные аспекты творчества просветителя, в том числе как писателя и редактора «Терских ведомостей», затрагивались в работах С. А. Айларовой [10], И. Х. Калмыкова [11], Т.Х. Кумыкова [12], В.Б. Тугова [13], А.Х. Хакуашева [14], Х. Х. Хапсирокова [15], Р. Х. Хашхожевой [16], Ш. Х. Хута [17].

Адиль-Гирей Кешев родился в 1837 г. в абазинской княжеской семье Кечевы [18]. Эта дата обозначена в аттестате об окончании Ставропольской гимназии, куда он поступил в 1850 г. в возрасте 13 лет. Отец его Кучук имел семь жен. От седьмой жены Сатанэ родились Адиль-Гирей и две дочери Нашхо и Гошехуж. В 1859 г. Кучук ушел в Турцию, не оставив сыну, жене и двум дочерям никаких материальных средств. Адиль-Гирею помогли его брат Бекмурза (от пятой жены отца) и дядя Асланбек Дударуков, пользовавшиеся доверием у царской администрации. Благодаря им и матери, Адиль-Гирей сумел поступить в Ставропольскую гимназию, которая имела с 1854 г. восемь классов. В то время директором был передовой человек своего времени, прекрасный педагог, автор ряда работ Януарий Михайлович Неверов. Словесность ему преподавал Ф.В. Юхотников, естествознание — С. Кузьмин, историю — Д.С. Сабинин, татарский язык — И.Р. Адамов, черкесский — Берсеев. Гимназия считалась одним из передовых учебных заведений России. Годы учебы сыграли большую роль в формировании просветительского мировоззрения Адиль-Гирея Кешева. В конце 1858 г. он успешно оканчивает гимназию и за отличные успехи в науках награждается золотой медалью [19], с записью на золотую доску. Ему предлагают остаться в специальном «классе для приготовления» к поступлению в университет на казенный счет. Затем, по рекомендации Я.М. Неверова, педагогический совет решает направить Кешева в Петербургский университет для поступления на факультет восточных языков. Я.М. Неверов, горячо радуясь успехам своих горских воспитанников, мечтал увидеть в их лице «первую фалангу... новых деятелей на умственной арене...», ибо «через них... Кавказ выйдет из своего уединения и вступит в духовное общение с Европой» [4]. Мечта замечательного педагога сбылась. Из стен Ставропольской гимназии вышел целый отряд талантливых деятелей науки и просвещения.

1 августа 1860 г. Кешев был зачислен в число студентов университета на факультет восточных языков, деканом которого был известный востоковед из Азербайджана Мохамед-Али Казамбек [16,67]. Петербург и сам университет произвели на Кешева огромное впечатление. Он прожил здесь ровно год. Однако этот год равен целой жизни, ведь Адиль-Гирей познакомился здесь с достижениями культуры и искусства. Но случилось непоправимое: министром народного просвещения был назначен реакционер адмирал Е. В. Путятин (вместо Ковалевского). Он объявил новые правила, и 31 мая 1861 г. вышло постановление «О некоторых преобразованиях в университетах». Студентам запрещались организация сходок и собраний, ношение национальной одежды; все студенты университета должны были вносить плату за слушание лекций [16, 67]. Все это вызвало в молодом Кешеве чувство бурного протеста, и он высказал в письменной форме свое неудовольствие по поводу принятых новых правил. Он подает заявление на имя управляющего делами Кавказского комитета В. Буткова: «Несмотря на все мое желание окончить свое университетское образование, я никак не в силах остаться в университете при тех новых правилах, которые теперь там введены. В чем считаю своей обязанностью донести до сведения Вашего превосходительства и просить Вас сделать распоряжение об увольнении меня из числа кавказских воспитанников с выдачей документов на следование на родину» [20]. Бутков наложил на заявление А.-Г. Кешева гневную резолюцию, в соответствии с которой петербургская полиция должна была срочно отправить его на Кавказ [21]. Это решение далось Кешеву нелегко, но оно говорило о том, насколько созрело политическое сознание молодого горца. Кратковременное пребывание Кешева в столице было максимально заполнено творчеством. Был напечатан цикл рассказов «Два месяца в ауле», «Ученик джиннов», «Чучело», повесть «Абреки» и очерк «На холме» под общим заголовком «Записки черкеса» [1].

В ноябре 1861 г., распростившись с мечтами о высшем образовании, Кешев, как и другие «изгнанники науки», возвращается на родину. Он приезжает в Ставрополь, куда ему было предписано явиться петербургской полицией. Здесь он восстанавливает связь со своим идейным учителем Я. М. Неверовым. В письме от 25 февраля 1863 г. он признается: «Януарий Михайлович! С самого выхода моего из гимназии и до настоящей минуты я не переставал питать к Вам уважение и искреннюю признательность не только за всегдашнее расположение Ваше ко мне лично, но и вообще за внимание ко всем соотечественникам моим, горцам». Далее он сообщает ему, что нелегко было ему оставить университет, какую борьбу вынес он «с самим собою». Он высказал сомнение в том, что пошлет ли ему «судьба вторично в жизни подобное потрясение», придется ему «с таким сожалением расстаться с чем-нибудь в мире, — писал он далее, — как расстаться с университетом» [12, 68].

19 декабря 1861 г. Кешев вступает в должность переводчика татарского языка в канцелярии начальника Ставропольской губернии. В ноябре 1862 г. он приглашён в Ставропольскую гимназию преподавать татарский язык. А в 1867 г., в связи с преобразованием Ставропольской гимназии в классическую, эта должность упраздняется и А-Г. Кешев остаётся за штатом. Затем он почти полгода исполняет обязанности секретаря Ставропольской контрольной палаты. А в 1867 году переезжает в г. Владикавказ.

Владикавказский период жизни Кешева так отмечен в его формуляре: «Отчислен от должности секретаря из ведомства Контрольной палаты 1 августа 1867 года.

Причислен к гражданскому управлению Терской области с отправлением обязанностей редактора областных ведомостей 3 августа 1867 г.

Допущен к исправлению должности младшего чиновника особых поручений при начальнике Терской области 29 сентября 1867 г. приказом по Кавказскому военному округу за № 22 (пункт 6) 21 февраля 1868 года.

Высочайшим приказом о гражданских чиновниках военного ведомства за \mathbb{N}^{9} 33 переведен в канцелярию начальника Терской области 3 августа 1869 года.

Высочайшим приказом о гражданских чиновниках военного ве-

домства за № 33 за выслугу лет произведен в титулярные советники со старшинством с 14 ноября 1865 г. (27 ноября 1869 г.)

Высочайшим приказом о гражданских чиновниках военного ведомства за N^0 46 за выслугу лет произведен в коллежские асессоры со старшинством с 17 ноября 1868 г. (19 октября1869 г.)» [18].

Надо сказать, что Владикавказ ко времени переезда Кешева считался одним из крупнейших культурных и административных центров Северного Кавказа. Именно здесь сосредотачивается значительная группа начинавшей зарождаться горской национальной интеллигенции. В это время Терская областная администрация готовила предложения о создании в области газеты «Терские ведомости» [22]. Проект начальника Терской области генерала М.Т. Лорис-Меликова был утвержден [23] и редактором неофициальной части газеты 3 августа 1867 г. был назначен А.-Г. Кешев [18]. 1 января 1868 г. вышел первый номер газеты и Адиль-Гирей Кешев, став ее главой, дает новое направление, диктовавшееся «духом» Великих реформ [10, 54].

«Терские ведомости» в период редакторства Кешева пережили значительный расцвет. Несмотря на определенные цензурные ограничения, Кешев сумел проводить в газете передовые идеи своего времени. Ознакомление с подшивкой газет за период 1868-1872 гг. (время его редакторства) показывает, что «Терские ведомости» отличались весьма высоким уровнем. Резко бросается в глаза большой интерес газеты к горской тематике. «Терские ведомости» почти в каждом номере поднимали острые вопросы по общественной и экономической жизни горцев; газету отличала исключительно большая насыщенность этнографическим материалом. С первого же номера в редакционной статье «Несколько слов о значении издания «Терских ведомостей» газета заявила о своем стремлении широко освещать жизнь и нравы многоликого населения Кавказа, представляющего собой «удивительное разнообразие племен, из которых каждое выражает собою какую-нибудь типическую особенность, как в отношении нравов и обычаев, так и общественного и домашнего быта, языка, религиозных понятий» [24]. Автор редакционной статьи считал, что «местные племена, проникнутые энергией и свежестью неиспорченных натур» есть «в высшей степени восприимчивая почва, способная взрастить всякое семя, брошенное в неё искусною, заботливою рукой» [24]. «Терские ведомости» выдвигают задачу не только всячески содействовать «широкому экономическому и социальному развитию края» [24], но и считают своим долгом широко пропагандировать идею сплочения многочисленных племён и народностей Северного Кавказа в единую дружную семью. Редакция выражает надежду, что народы Кавказа «издавна питавшие друг к другу непримиримую вражду», «эти вековые соперники могут когда-нибудь слиться в один цельный народ» [24].

Замечательным нововведением Кешева было печатание материалов с примечаниями от редакции, в которых выражалась ее точка зрения к публикуемому. Другим важным рупором общественной позиции газеты служил введенный им отдел «Библиография», в котором делался обзор новинок кавказоведческой литературы. Он писал: «Для полного ознакомления с каким-либо народом недостаточно повторения того, что уже известно о нем, но нужно еще сделать новые, самостоятельные изыскания, а для этого необходимо непосредственное знакомство с изучаемым народом» [25]. Действительно, полная картина жизни исторического прошлого народов Северного Кавказа могла быть восстановлена лишь при широком использовании источников всех видов и форм, созданных самими горскими народами. Отсюда пристальное внимание А.-Г. Кешева к устной исторической традиции как к особому виду хранения исторической информации у бесписьменных народов. «Нельзя не придавать весьма важного значения в деле истории так называемым живым источникам, — писал А.-Г. Кешев, — «они ложатся первым камнем в основание истории всякого народа. Письменные памятники как создание позднейшей эпохи обнимают собою сравнительно небольшое пространство времени и не полны без них» [26].

Впервые библиографические обзоры были опубликованы под заголовком «Владикавказ» [27]. Уже первая заметка своим содержанием выходила далеко за пределы обыкновенной библиографической статьи. Прежде всего, автор считал, что первостепенной необходимостью для кавказских народов является приобретение знаний. Полные сил и духовной энергии народы Северного Кавказа являются благодатной почвой, способной к восприятию передовой культуры и просвещения, и в этом отношении, по словам автора статьи, «нас, кавказцев, не нужно даже будить толчками» [27]. Большую роль заметка «Владикавказ» отводит передовой национальной интеллигенции: «Главными же руководителями и наставниками массы в деле социально-экономического её перерождения могут и должны быть передовые, как по образованию, так и по положению, люди из её же среды. Пусть они, каждый в своей сфере и по мере сил своих, подадут

руку помощи собратьям, где советом, где указаниями, а где примером. Из их рук народ всегда охотнее примет всякого рода новинки, чем от кого-либо другого» [27]. Но, признавая, что знание великое благо, автор заметки не питает иллюзий на счёт всеисцеляющей силы просвещения. Он понимает, что прежде всего нужно обеспечить народ самыми необходимыми средствами к существованию, «до тех-пор же, пока длится борьба за насущное пропитание, — нет места образованию» [27]. Само собой напрашивается смелый вывод: прежде чем приобщать народ к знаниям, к передовой культуре, надо избавить его от полуголодного существования, а это значит в корне изменить существующий порядок вещей.

Круг вопросов, которые поднимали на своих страницах «Терские ведомости» исключительно широк. В поле зрения газеты вопросы просвещения и образования горцев, освобождение крестьян коренных этносов Терской области от крепостной зависимости, и в связи с этим и земельный вопрос. Широко освещалось на страницах «Терских ведомостей» состояние народного здравоохранения на Северном Кавказе. Предметом живейшего обсуждения явилась и проблема женского равноправия. Помещая ряд статей, в которых авторы подвергают критике тех, кто предполагает «ограниченность» умственных и духовных интересов женщин, их якобы «неспособность» играть благотворную роль в деле воспитания детей, газета снабжает эти заметки рядом своих комментариев. Редакция заявляет, что «недостатки и слабости» женского пола, о которых трактуют авторы статей, посвященных воспитанию женщин, не «составляют нечто прирожденное их полу», а «проистекают из того зависимого положения, в котором они находятся до сих пор» [28]. И в заключение высказывается глубоко прогрессивная мысль о том, что женский вопрос надо поставить «на ту же почву, на которой должны разрешиться и все прочие недостатки современного общества, т.е. на почву социально-экономическую» [28].

За непродолжительный период работы А.-Г. Кешева на посту редактора им было создано значительное количество публицистическо-литературных колонок. Сюда относятся его редакторские примечания к публикуемым в газете статьям, библиографические обзоры новинок, кавказоведческой литературы. Помимо этого, Кешев опубликовал ряд статей и очерков, где предстает как историк, фольклорист, этнограф. В статье «История адыгейского народа», составленная по преданиям Шора Бекмурзин Ногмовым» [26], в этой первой по су-

ществу научной рецензии на труд адыгского историка, он проявляет себя как исследователь и великолепный знаток сочинений древних историков, кавказоведческой литературы, истории и культуры народа, лексики и фразеологии различных адыгских наречий. Хотя она не лишена субъективного истолкования отдельных исторических фактов, но содержит немало ценного, интересного об историческом прошлом адыгов. Предсказывая большое значение этого труда в дальнейшем развитии исторического кавказоведения, А.-Г. Кешев писал, что «к нему по необходимости станут обращаться будущие историки адыгов, в особенности кабардинцев» [26]. Это была «первая связная история одного из главнейших племен Кавказа» [26].

В другой статье «Характер адыгских песен» [29] он выступает как фольклорист. А.-Г. Кешев придавал большое значение сбору и публикации родного фольклора. «Быть может, не у многих народов песня запечатлена так ярко и осязательно типическими особенностями национального духа, как у адыгов. У них песня так тесно связана с жизнью и так сильно проникнута господствующим ее направлением, что если бы от племени адыгов не осталось для потомства никаких других следов, кроме его песни, то по ней одной можно бы составить определенное понятие о жизни и деятельности этого племени» [29]. Всесторонне освещая типические особенности адыгской песни при сравнительно-историческом их исследовании, он высказывает оригинальные научные соображения, многие из которых не утратили теоретического значения и для современной фольклористики.

Неподдельной тревогой проникнута статья «О незаметном вымирании горских песен» [30], в которой он говорит о неудовлетворительном уровне работы по изучению исторического прошлого и культурного наследия горцев и призывает обратить на это самое серьезное внимание. Со страниц редактируемой газеты А.-Г. Кешев обратился к северокавказской интеллигенции с призывом спасти бесценную сокровищницу исторической памяти народа: «Мы вообще очень мало сделали до сих пор в деле изучения прошлой жизни кавказских племен и потому не должны бы дать погибнуть бесследно единственным памятникам этой жизни — народным сказаниям и песням» [30]. В очерке «Из кабардинских (адыгских) преданий» [31] Кешев в собственной литературной обработке представляет предание, характеризующее отдельные черты национального быта, в частности, иллюстрирующее такие глубоко волновавшие его вопросы, как семейные отношения и положение женщины у адыгов. Вместе взятые эти произведения Кешева являются также ценными памятниками национальной культуры, имеющими познавательное и эстетическое значение.

М.О. Косвен в исследовании «Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке» пишет, что «для этнографии Северного Кавказа и Дагестана «Терские ведомости» сыграли важную организующую роль» [32]. Изучение деятельности А.-Г. Кешева как редактора даёт значительный материал для характеристики мировоззрения этого талантливого писателя и публициста. Публицистика его жанрово многообразна: статьи, библиографические обзоры, рецензии, фольклорные публикации, редакторские примечания к различным газетным материалам. Печатались они без подписи, но принадлежность их перу редактора доказана и ныне бесспорна [8]. На посту редактора он проработал всего несколько лет. В январе 1872 г. А.-Г. Кешев скончался. Но за это очень короткое время «Терские ведомости» добились больших успехов. Успехи были достигнуты во многом благодаря передовым мировоззренческим позициям и гражданскому мужеству Кешева, его личной инициативе и энергии, налаженному им стилю и ритму работы.

Адиль-Гирей Кешев умер в возрасте 32 лет. Последний номер, который он подписал, значится под № 38. После него редактором был назначен Н. А. Благовещенский (1872-1879 гг.) В шнуровой книге Терского областного правления «для записи всего, касающегося службы чиновников», так отмечено это печальное событие: «Старшего делопроизводителя Терского областного правления коллежского асессора Кешева за смертию его исключить из списков сего правления января 12-го дня 1872 г.» [33]. Причины смерти А.-Г. Кешева установить не удалось. Не выяснено также и место его погребения. Даже нет некролога, так как в газетах того времени не практиковалась их публикация. Как сказано в документе, «Вслед за Адиль-Гиреем умер его малолетний сын Хаджимурат, родившийся 22 марта 1869 г.» [34]. Жена его Нирхани позже вышла замуж, а бедная мать Сатанэ в возрасте 57 лет лишилась своего сына, как последней надежды.

После его смерти многие введенные им традиции были газетой утрачены: в ней все меньше появлялось статей на горскую тематику, острополитических и острозлободневных материалов, упразднен был библиографический отдел, прекращено печатание статей с комментариями от редактора.

Адиль-Гирея Кешева можно назвать одним из значительнейших представителей адыгского просветительства XIX века. С его именем связаны обогащение просветительской мысли новыми идеями, профессиональный рост национальной художественной литературы, зарождение и развитие северокавказской журналистики и публицистики.

Примечания

- 1. Записки черкеса // Библиотека для чтения. 1860. Т. 159.
- 2. Адиль-Гирей Кешев. Абреки // Русский вестник. 1860. Т. 30. № 11.
- 3. Адиль-Гирей Кешев. На холме // Русский вестник. 1861. Т. 36. № 6.
- 4. Неверов Я.М. «Еще раз об образовании кавказских горцев» // Кавказ. 1859. № 39.
- 5. Неверов Я. М. Об образовании горцев на Кавказе // Русский педагогический вестник. 1859. № 4.
- 6. Юхотников Ф. В. Письма с Кавказа // Русское слово. 1861. № 4. Отд. 3.
 - 7. Голубева Л. Г. Владеющий пером // Дружба народов. 1963. № 9.
- 8. Голубева Л.Г. Каламбий (Кешев А.-Г.). Библиографический очерк. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы. Вып. 4. Черкесск, 1965; Голубева Л. Г. Адиль-Гирей Кешев (Каламбий), как этнограф // Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Т. 4. Краснодар, 1965; Голубева Л. Г. О некоторых проблемах изучения просветительской мысли на Северном Кавказе в XIX веке. // Филологические труды (Фольклор и литература). Вып. 1. Нальчик, 1977.
- 9. Голубева Л.Г. Из истории просветительства на Северном Кавказе во второй половине XIX века: литературно-просветительская деятельность А.-Г. Кешева (Каламбия): автореф. дисс. канд. филолог. наук. Майкоп, 1965.
- 10. Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX века. Владикавказ, 2002; Айларова С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX в.: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003; Айларова С.А. Тебиева Л.Т. Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей (кон. XVIII-XIX вв.). Владикавказ, 2008; Айларова С. А. В поисках национальной идентич-

ности //Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. № 3. 2008; Айларова, С.А. Ценностные доминанты северо-кавказской экономической мысли 60-70-е гг. XIX в. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. № 4. 2009.

- 11. Калмыков И. Х. Черкесы. Черкеск, 1974.
- 12 Кумыков Т. Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX века. Нальчик, 1996; Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.
- 13. Тугов В.Б. Из истории общественной мысли просветительства в Абхазии в XIX в. Карачаевск, 2000; Тугов В.Б. Очерки истории абазинской литературы. Черкесск, 1970.
- 14. Хакуашев А.Х. Адыгские просветители. Нальчик, 1978; Хакуашев А.Х. Первые адыгские писатели. Нальчик, 1974; Хакуашев А.Х. История адыгской просветительской литературы дореволюционного периода. Нальчик, 1982.
- 15. Хапсироков Х.Х. Пути развития адыгских литератур. Черкесск,1968.
- 16. Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители второй половины XIX начала XX вв. Нальчик, 1983; Хашхожева Р.Х. К вопросу об идейно-тематическом содержании творчества Адиль-Гирея Кешева // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX начале XX века (Материалы конференции 28-29 марта 1974 г.). Нальчик, 1976; Хашхожева Р.Х. Вступительная статья. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса: повести, рассказы, очерки, статьи, письма. Нальчик, 1988.
- 17. Хут. Ш. Х. Адыгские писатели-просветители XIX века // Шаги к рассвету. Краснодар, 1986; Хут. Ш. Х. Дореволюционные писатели-просветители // Вопросы истории адыгейской советской литературы. Т.1. Майкоп, 1979;
- Хут III. X. Творчество адыгских писателей-просветителей XIX начала XX века. // Сборник статей по адыгской литературе и фольклору. Майкоп, 1975.
- 18. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия Алания (ЦГА РСО-А.). Ф. 12. ОП. 5. Д. 206. Л. 104-105.
- 19. Ставропольский краеведческий архив (ГАСК) Ф 15. Оп 1. Д. 1894. Л. 10.
 - 20. ГАСК. Ф. 1039. Оп.1. Д. 1165. Л 6.

- 21. ЛГИА. Ф. 139. Оп 1. Д. 6048. Л. 83.
- 22. ЦГА РСОА. Ф. 1. Оп 1. Д 761. Л. 2.
- 23. ЦГА РСОА. Ф. 13. Оп 1. Д. 761. Л. 17.
- 24. «Несколько слов о значении издания «Терских ведомостей» // Терские ведомости. 1868. № 1.
 - 25. Библиографическая заметка // Терские ведомости. 1870. № 34.
- 26. «История адыгейского народа», составленная по преданиям Шора Бекмурзин Ногмовым» // Терские ведомости. 1869. № 31, 32.
 - 27. «Владикавказ» // Терские ведомости. 1869. № 1.
- 28. Примечания редакции к статье «Правда глаза колет» // Терские ведомости. 1869. № 33.
- 29. «Характер адыгских песен» // Терские ведомости. 1869. №13, 14, 18.
- 30. «О незаметном вымирании горских песен» // Терские ведомости. 1871. № 20.
- 31. «Из кабардинских (адыгских) преданий» // Терские ведомости. 1871. № 20.
- 32. Косвен М.О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке/Кавказский этнографический сборник. Т. 2. Москва, 1958. С. 248.
 - 33. ЦГА РСО Ф.11. Оп. 57. Д. 3020. Л 1.
 - 34. ЦГА РСО Ф. 12. Оп. 5. Д. 206. Л. 106.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

На примере Владикавказской епархии представлены результаты исследования материального положения православного духовенства. Анализируя источники получения доходов и их размер, автор указывает на недостаточность мер государственной поддержки духовенства, акцентирует внимание на различии материального состояния сельских и городских священников и церковнослужителей.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православное духовенство, священнослужители, церковнослужители, жалование, материальное положение.

MATERIAL SECURITY ORTHODOX CLERGY VLADIKAVKAZ DIOCESE IN THE SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURY

On the example of Vladikavkaz Diocese of the results of research material situation of the Orthodox clergy. Analyzing the sources of revenue and their size, the author points to the lack of state support for the clergy, focuses on the difference in financial status of rural and urban priests and clergymen.

Keywords: Russian Orthodox Church, the Orthodox clergy, priests, clergymen, salaries, financial situation.

Жизнь населения Российского государства вплоть до революции 1917 г. зависела от социальной принадлежности. Общественный статус и положение в обществе зависели напрямую от прав состояния, которые наследовались от предков или приобретались в течение жизни. Все сословия в России делились на неподатные/привилегированные и податные. Духовенство принадлежало к первой категории. В зависимости от положения на служебной лестнице складывалось

его материальное положение, получаемый доход, материально-бытовые условия существования, профессиональная и общественная деятельность, досуг.

Русская Православная Церковь являлась могущественной церковной организацией. По переписи 1897 г. православными считались 72% населения страны. В состав РПЦ входили 67 епархий и 48000 приходов, в которых насчитывалось 80792 храма, 1025 мужских и женских монастырей [1, 42].

На местах также шло укрепление православия. После ряда преобразований самостоятельной Владикавказская епархия стала в 1894 г. К началу XX в. Владикавказская епархия была в числе некрупных по количеству православного населения. Так, в 1908-1909 гг. в Терской области, территория которой входила в круг деятельности Владикавказской епархии, проживало 1235223 человека, из которых 608951 человека, то есть практически 60% населения, были приверженцами православного вероисповедания [2, 28]. В епархии было 12 благочиний (из них 8 — городских, одно в Северной Осетии), 566 храмов и молитвенных домов и 205 часовен. В них служили всего 679 православных священника [3, 13]. Вместе с членами семей получается порядка четырех тысяч человек.

Особого рассмотрения заслуживает анализ материального положения приходского духовенства. Материальное положение священства напрямую зависело от состояния прихода. Количество доходов зависело от размера прихода, благосостояния прихожан и местных традиций. Если в казачьих станицах приходы были богаче, то, например, в Северной Осетии духовенству приходилось тяжело. Служба в горных приходах была не только менее оплачиваема, но и опасна. Так, священник Дагомо-Архонского прихода во время поездки в дальний отселок своего прихода попал в буран, неудачно упал с лошади, повредил ногу [4, 418]. Священник Зарамагского прихода Л. Габичвадзе, возвращаясь домой, из-за непогоды вынужден был заночевать в ущелье, простудился и умер [5, 168]. Жизнь священников в горах была очень тяжелой. Приходилось летом верхом объезжать приход, а зимой — только пешком. Провизию можно было купить только на равнине, куда зимой также было сложно добраться. К тому же оплата труда была мизерной.

Основным источником содержания приходского духовенства были денежные и вещественные доходы, получаемые от прихожан. В сентябре 1863 г. Присутствие по делам православного духовен-

ства разослало циркуляр о том, что обеспечение причтов должно быть возложено на самих прихожан [6, 169], которые «изыскивали средства» на содержание духовенства с помощью учреждения церковно-приходских попечительств и сокращения штатов церковнослужителей. На 1917 г. при общей численности приходов в 42713 из казны финансировались 35516 приходов, а из 54292 приходских священников Русской Православной Церкви оклады получали только 28300 человек [7, 78]. К 1916 г. «средненормальными окладами» духовенства считались 300 руб. для протоиерея и священника, 200 руб. — для диакона и 100 руб. — для псаломщика [8, 6]. В 1917 г. по Объяснительной записке к смете доходов и расходов Святейшего Правительствующего Синода на 1917 г. «средненормальные» оклады денежного содержания составляли: для протоиереев и священников — 294 руб. в год, для диаконов — 147 руб. в год, для псаломщиков — 98 руб. в год [9,78]. При этом нужно помнить, что государственное жалованье по-прежнему признавалось лишь пособием к основным источникам содержания духовенства (оплате за исполнение таинств и треб) [10, 145]. Для причтов Терской области, как и в других епархиях Русской Православной Церкви, доходы за «исполнение духовных треб» составляли основной, но не единственный источник существования [11, 17]. Он был нестабильным, и зависел главным образом от двух условий: от урожаев и различных бедствий (в неурожайные годы он мог составлять мизерное содержание) [12, 174] и от взаимоотношений священника с приходом [13, 196]. Именно этот вид доходов, без которого не могло обойтись как российское, так и терское духовенство, отражал всю сложность и неоднозначность взаимоотношений священника со своими прихожанами.

Денежные доходы представляли собой плату за совершение таинств — крещение, венчание, погребение, молебны. Вещественные сборы делились на регулярные и нерегулярные, последние учету не поддаются. Регулярные сборы, как правило, заключались в обходе домов и имели сезонную приуроченность, а количество разнилось даже в пределах одного уезда.

В большинстве приходов имели место осенние сборы, обход домов на Рождество, во время которых прихожане делали добровольные приношения за исполнение «исключительно его званию принадлежащих треб» и на доходы причта в целом «за исправление таких церковных или приходских треб, которые, по принятому порядку, совершаются священником с низшими членами причта» [14, 6]. К

личным вознаграждениям священника относилась плата за чтение молитв по рождении младенцев и в 40 день, за исповедь, приобщение больных прихожан в церкви и на дому. Приношения для причта «в целом» помещались в братскую кружку и, по истечении каждого месяца, делились между всеми членами причта» [15, 368].

Анализ доходов священно- и церковнослужителей церквей наиболее показательных благочиний Владикавказской епархии показал, что в начале XX в. средний доход священно- и церковнослужителей за «исполнение духовных треб» составлял 508 руб. 90 к. в год [16]. При этом видно, что наибольший доход получало духовенство Пятигорского благочиния, церкви которого располагались в экономически выгодном районе. Наименьший доход получало духовенство X (Осетинского) благочиния. Это объясняется бедностью населения.

Немалой прибавкой к доходам духовенства за исполнение треб было жалованье за законоучительскую деятельность [17]. Оно выплачивалось разными ведомствами. Так, за преподавание Закона Божия в приходских училищах священники получали жалованье от Терского казачьего войска, за преподавание в женских приходских училищах — от государства, а за преподавание в церковно-приходских школах и школах грамоты — из доходов церкви. Поскольку священник, как правило, преподавал не в одном учебном заведении, а в двух-трех, он мог получать от 50 до 870 руб. в год [18, 31].

По подсчету Владикавказской духовной консистории в 1916 г. до Первой мировой войны средний размер содержания духовенства из казны и местных источников составлял: городской священник — 1625 руб., сельский священник — 1021 руб., городской диакон — 933 руб., сельский диакон — 780 руб., городской псаломщик — 491 руб., сельский священник — 326 руб. [19, 12 об].

Большие нарекания со стороны местных священнослужителей вызывала жилищная необеспеченность, которая мало беспокоила церковное начальство: «Епархиальное начальство открывает новые приходы, зачастую не выяснив того, где будет жить священник... Живя в неудобных помещениях, духовенство часто болеет» [5, 85]. Многочисленные ходатайства способствовали тому, что улучшение жилищных условий клириков было возложено на прихожан, тем самым еще более усилилась зависимость священства от благоволения или неприятия паствы [20, 44].

Итак, основу материального благосостояния приходского духовенства Владикавказской епархии составляли доходы, получаемые от

прихожан. Но и те, и другие были недовольны способами получения вознаграждения. Во-первых, прихожане не задумывались о размерах обеспечения причта, а небольшие, но стабильные выплаты за многочисленные требы создавали у населения устойчивое мнение о богатстве духовенства. Последнее, являясь по своему социокультурному уровню выше многих прихожан, особенно в селах, было недовольно невысоким материальным доходом. И те, и другие понимали, что назрела необходимость пересмотра сложившего порядка вещей в отношении православного духовенства и его материального состояния. Однако этим планам не суждено было сбыться, т.к. октябрьская революция вывела церковь из-под юрисдикции государства, тем самым решив проблему.

Примечания

- 1. Гавриленков А. Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721-1917 гг.; сущность, принципы, эволюция. Автореф. дисс...докт.ист.наук. М., 2010.
 - 2. Терский календарь на 1915 год. Владикавказ, 1914.
- 3. Количество народонаселения в Терской области, разделение народонаселения по вероисповеданиям. Число иноверцев, раскольников и сектантов // Владикавказские епархиальные ведомости (далее BEB). 1895. № 10.
- 4. Груздов Н. Обозрение его Преосвященства Агапитом Епископом Владимирским и Моздокским церквей благочиния X-го округа. // ВЕВ. 1911. 11 июля. № 13. С. 418.
 - 5. О жизни горского священства // ВЕВ. 1906. №12.
- 6. Объяснительная записка к смете доходов и расходов Святейшего Правительствующего Синода на 1917 г. Пг., 1916.
 - 7. ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп.2. Д. 128.
- 8. Объяснительная записка к смете доходов и расходов Святейшего Правительствующего Синода на 1917 г. Пг., 1917.
- 9. Записка с изложением сведений и соображений о воспомоществовании нуждающемуся духовенству //Донские епархиальные ведомости. 1916. № 14. 6 апреля.
 - 10. Знаменский П. В. Приходское духовенство в России. М., 2007
- 11. Записка с изложением сведений и соображений о воспомоществовании нуждающемуся духовенству // ВЕВ. 1916. № 14.

- 12. Шавельский Г., прот. Русская Церковь перед революцией. М.: АртосМедиа, 2005.
- 13. Белоногова Ю. И. Приходское духовенство Московской епархии и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010.
 - 14. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп.8. Д. 14.
- 15. Полн. собр. зак. Собр. 2. 1873. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1876. Т. XLVIII. Отделение первое.
 - 16. С-в Ст. Прохладная // Терские ведомости, 1909. 12 сентября
- 17. Белова Н.В. Провинциальное духовенство в конце XVIIIначале XX вв.: быт и нравы сословия. Иваново, 2008.
 - 18. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп.3. Д. 1221.
- 19. Чернозубов Ф. Очерки Терской старины // Записки терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1917. \mathbb{N} 1.
- 20. Болонкина Е. В., Катцина Т. А., Федорченко В. И. Материальное положение православного приходского духовенства Енисейской губернии (1820-1861 гг.) // Грамота, 2012, №9. С. 44-49.

к.ист.н., доц. каф. Отечественной истории Южного Федерального Университета; А.В. ШАДРИНА,

к.ист.н., м. науч. с. ЮНЦ РАН (г. Ростов-на-Дону)

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ БОРЬБА В 1923 Г. В ДОНСКОМ РЕГИОНЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ И СИЛОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ВЕРУЮЩИХ

Статья раскрывает содержание антицерковных акций советской власти 1923 г. на примере Донского региона. Основное внимание в работе авторы уделяют антирелигиозной пропаганде партийных органов, кампании по сбору колокольной меди и началу форсированного закрытия храмов.

Ключевые слова: Церковь, антирелигиозная пропаганда, избы-читальни, закрытия храмов, кампания по сбору колокольной меди, верующие, регистрация религиозных обществ, молитвенные дома, инструкции НКВД.

ANTI-RELIGIOUS STRUGGLE IN 1923 IN DON REGION: IDEOLOGICAL AND FORCE ACTION ON BELIEVERS

The article reveals the content of anti-clerical actions of the Soviet government in 1923 as an example of the Don region. The focus of the paper, the authors give anti-religious propaganda party bodies, fund-raising campaigns and top copper bell forced closure of churches.

Keywords: Church, religious propaganda, reading rooms, the closure of churches, the campaign to collect copper bell, the believers, the registration of religious communities, houses of worship, instruction NKVD.

В церковной истории Донского региона большую роль играет 1923 г., характеризующийся переломом в политике, проводимой государством по отношению к Церкви и верующим. В 1917-1922 гг. советская власть пыталась бороться с Русской Православной Церковью как с административной структурой. Пиком этой борьбы стала кампания по изъятию церковных ценностей. Кампания закончилась

впечатляющей победой государства, изъявшего церковные ценности и подорвавшего материальную и административную мощь Русской Православной Церкви. В 1923 г. начинается период борьбы «за умы и души» верующих. Борьба переносится в сферу атеистической пропаганды. Но атеистическая пропаганда ведётся революционными методами.

В настоящей статье мы попытались обобщить фактические данные архивных документов, отложившихся в Государственном архиве Ростовской области, Центре документации новейшей истории Ростовской области и Центре хранения архивной документации г. Шахты. При работе с фондами стало очевидно, что наиболее полную картину происходивших в 1923 г. событий, связанных с антицерковными событиями дают документы Шахтинского и Таганрогского округов — тех районов, которые с 1920 по 1924 год входили в состав Украины. Однако мы сочли необходимым рассмотреть эти округа как часть Донского региона, поскольку за исключением указанных четырех лет, они входили в состав донских земель.

Антирелигиозная пропаганда. Изъятие церковных ценностей показало, что ни Церковь не может решительно и бескомпромиссно выступить в свою защиту, учитывая ее «сложное» положение в советском государстве, ни народ, который в своем подавляющем большинстве не стремится защитить церкви, в изобилии стоящиеся на Дону вплоть до 1917 г. Следовательно, идеологи советской республики не видели серьезных препятствий для начала войны, теперь уже против религии и религиозности населения. Тем более, что методы агитации были уже «опробованы» в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, и заключались, главным образом, в активной пропаганде.

Борьба за «души людские» началась в конце декабря 1922 г. с подготовки к проведению «комсомольского Рождества». Построенные на оскорблении чувств верующих, широкие карнавальные действа проходили на фоне молчания Церкви и разгула «расслоенного» населения, которому были в новинку антирелигиозные гуляния. Эффект от этих действ, очень «приглянулся» партийным органам, и «комсомольская Пасха» была организована по тому же принципу.

Безудержное веселье комсомольских антирелигиозных празднеств достаточно скоро вышло за рамки приличий, и в апреле 1923 г. XII съезд РКП (б) принял резолюцию «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды», в которой давались установки на «углу-

бленную систематическую пропаганду». Съезд однозначно пришел к мнению, что «Нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [1, 69].

Постановление съезда стимулировало обильное чтение лекций, на которые собиралось, чаще в обязательном порядке, значительное число людей. Так, на руднике «Мировая Коммуна», находившемся в Шахтинском округе, только за март 1923 г. было устроено 8 различных лекций для рабочих рудника. Лекторы рассказывали им о падающих звёздах, вреде употребления самогона, половой преступности, о женщине, о Боге, золоте, гражданском браке, истории профдвижения в России и строении земли [2, Л. 90], 26, 27, 28 мая там же, в присутствии 1250 человек, были проведены митинги на антирелигиозную тему [2, Л. 91.]. В Куспаркоме № 5 Окрпаркома г. Шахты в декабре 1923 г. было прочитано четыре лекции, в том числе и антирелигиозной направленности [2, Л. 124]. Большую антирелигиозную кампанию шахтинский Агитпроп организовал на Троицу. 26, 27 и 28 мая были устроены митинги со следующими докладами: «Происхождение праздника Троица», «Создал ли Бог человека или человек Бога», «Наука и религия» [3, Л. 20]. В городе Каменске 26, 27 и 28 мая были проведены «собрания масс», на которых были вынесены резолюции следующего содержания: «заслушав доклад Наука и Религия, мы, граждане объединённого собрания г. Каменска признаём, что наука есть испытанный залог развития человечества, в то время как религия, задерживая этот процесс, направляет его к ложному пути, и этим даёт возможность классу капиталистов держать в своих руках трудящиеся массы» [3, Л. 27]. На станции Лихой, в рамках той же кампании, 28 мая на антирелигиозном собрании, в присутствии около 200 человек, была вынесена следующая резолюция: «мы рабочие служащие, члены К. П.б.У. и К.С. М. У. постановили: усилить борьбу с религией научным путём, как вредящую развитию науки, основанной на фактах. <...>Долой религию, основанную на невежестве». [3, Л. 27].

Первый Донской Окружной комитет РКП (б) в мае 1923 г. давал инструкции Волкомам РКП (б) по работе среди молодёжи. Предполагалось провести цикл бесед с крестьянками в совхозах, артелях и избах-читальнях. Тематика была разнообразной: «Положение

женщин на западе», «Борьба с самогоном», «Ликвидация неграмотности» и т.д. Отдельным пунктом шла тема «Церковь и власть» [4, Л. 22]. Черкасский окружной комитет в феврале 1923 г. предлагал в проект курсов по политической подготовке работников просвещения г. Новочеркасска обязательно включить следующие темы для доклада и обсуждения: «Марксизм и религия», «Исторический материализм» [5, Л.21-21 об.].

Если в городах и в крупных населенных пунктах «пролетариат» достаточно сочувственно относился к антирелигиозным лекциям, то на селе ситуация складывалась иначе. Крестьян приходило незначительное количество, большая часть из них уходила, пользуясь языком партийной бюрократии тех лет, «на свои религиозные культы», каковые состояли из «молебнов по квартирам». Из служащих только 30% отнеслось к докладам с должным вниманием. Остальные 70% составляли «старики», успевшие послужить ещё при царской власти и которые «старались задавать вопросы хозяйственного характера и перевести темы с антирелигиозной на соль, мосты, налоги и др.» [3, Л. 27].

Одно из важных мест в антицерковной пропаганде принадлежало избам-читальням, в которых народ приобщался не только учению коммунистической партии, но и «научным знаниям», которые противопоставлялись учению Церкви о творении мира. В одном Черкасском округе на август 1923 г. существовали 24 избы-читальни и 8 народных домов. Работа в них была организована по принципу работы кружков: здесь функционировали справочные бюро, кружки чтецов, политические кружки, драматические, хоровые, научно-литературные, выпускалась живая газета [6, Л. 6 а]. Особенно внимание уделялось «читке» прессы и антирелигиозной литературы [7, Л. 49 об.]. Причем, приходившие люди читали не сами (в первые годы советской власти среди населения был большой процент неграмотных), а им читал сотрудник избы-читальни. В избах-читальнях уже в 1923 г. предпринимались попытки организации кружков антирелигиозной пропаганды, в которых, главным образом, читалась антирелигиозная литература [3, Л. 20].

Советской власти было необходимо найти замену Богу и Церкви, и партийным руководством была выработана своего рода философия — «церковью» должен был стать клуб или дом культуры. Отныне Бог заменялся культурой, а церковь, объединявшая людей, — клубом. В циркуляре секретарям всех волпаркомов и партгрупп разъяснялось:

«Основными задачами пролетарских клубов является представление разумного отдыха [так в документе] и развлечения рабоче-крестьянскому классу, стечение и объединение в тесную товарищескую семью, связанную самосознанием общих классовых интересов и к достижению культурно-творческой деятельности...» [8, Л. 26]. Если раньше народ объединяла Церковь не только как место, где собирались люди по праздникам и в минуты невзгод, но и как Дом Божий, где они совместно возносили молитвы, участвовали в Евхаристии, через которую они становились народом Божиим, то теперь центром советского человека должен был стать «разумный отдых» и развлечения — вместо Церкви народ должен был ходить в кино и на театральные представления, в постановке которых был задействован, главным образом, комсомол (РКСМ).

Необходимо сказать, что в 1923 г. партийные органы в деле антирелигиозной пропаганды возлагали большие надежды на комсомол. Однако после проведения антирелигиозных карнавалов и театральных постановок, в которых комсомольцы участвовали с воодушевлением, стало очевидным, что сама структура РКСМ весьма неустойчива, и делать на нее большие ставки нельзя. Так, в протоколе заседания бюро Черкасского окружкома РКП (б) от 22 сентября 1923 г. говорилось: «Общее положение работы РКСМ не удовлетворительное, замечается пьянство членов союза и расхлябанность» [6, Л. 25]. Отмечалось, что «нет совершенно основного ядра в РКСМ, которое действовало бы организованно на всю массу членов, собрания проходят безалаберно, одно уходят, другие приходят, просто разгуливают — отсутствует совершенно союзная этика» [6, Л. 25 а]. Вероятно, по этим причинам, в последующие годы антирелигиозная работа стала обязанностью Агитпропов при местных партийных ячейках.

В 1923 г. особый импульс для развития антирелигиозной пропаганды в Сальском округе дал состоявшийся 30 марта 1923 г. съезд духовенства Донской епархии. Съезд духовенства был показателен, поскольку именно там прозвучали со стороны духовенства, во-первых, по словам протокола, «меншивитствующие лозунги предоставления им свободы проповеди» и, во-вторых, было высказано отношение к методам антирелигиозной пропаганды — священнослужители задали закономерный вопрос: «почему мы [имеется в виду РКП (6)] всласть оскорбляем религию вроде комсомольского рождества» [9, Л. 7 об.]. На заседании бюро Сальского партийного комитета совершенно однозначно говорилось о необходимости развития антирели-

гиозной пропаганды «и внесения нелегальным путём раскола в среде духовенства, взяв за основу прогрессивное движение живой церкви, но также не имеющей согласованности. И наши задачи на окружном съезде были, прежде всего, выявить к власти к Патриарху Тихону и внести при случае организованный раздор» [так в документе] [9, Л. 7 об.].

Успешность проведения первых антирелигиозных акций дала повод к обширному планированию работ по этому направлению. Так, например, шахтинский Агитпроп говорил о «создании антирелигиозного центра при округе (имеется в виду Шахтинском — авт.); проведении директив ЦК в отношении антирелигиозной пропаганды; широком развертывании антирелигиозной выставки через аппарат политпросвета, а также сборе материалов для изучения размера и характера антирелигиозного движения по округу» [3, Л. 8]. Однако уже к концу 1923 г. антирелигиозный запал постепенно пошел на спад. 1-31 декабря 1923 г. секретарь кустпаркома № 5 отчитывался секретарю Окрпаркома г. Шахты: «Очень слабо обстоит вопрос антирелигиозный, в этом отношении еще не початый край, хотя в истекшем месяце были прочитаны две лекции по «Мирозданию», но без системы» [10, Л. 123 об.]. Представители власти осознавали трудность борьбы и неоднозначность результатов, тно делали выводы: «несмотря на эти трудности, всё же революция совершила громадный сдвиг в сторону безбожия и вообще разложения религиозности рабочих» [11, Л. 15].

Воздухофлот и антиколокольная кампания 1923 г. Одновременно с антирелигиозными акциями была проведена кампания в поддержку воздушного флота. Благодаря этой кампании началась первая волна антиколокольной кампании. Воздухофлоту почему-то оказалась нужна медь церковных колоколов. Одной из первых жертв стала рудничная Макариевская церковь г. Шахты. Рабочими рудника в пользу воздушного флота были отданы колокола из закрытой церкви [3, Л. 22].

Налоги на Церковь. Не менее действенной оказалась антицерковная акция, вводившая налоги с церковных строений. Так, 29 марта 1923 г. на заседании комитета РКП (б) 1-го Донокруга в станице Константиновской слушался вопрос об обложении налогом церковных строений. Докладчик тов. Грицай говорил: «Налог с церкви выражается в среднем в 8400 руб. золотом или 210 миллиардов руб. выпуска 1923 г. Церковные советы повели агитацию о преследовании церкви коммунистами. На некоторых церквях уже повешены замки.

По хуторам идет агитация» [12, Л. 7.]. Несоразмерность налога с церковных строений с доходами храмов была столь значительной, что многие храмы вынуждены были просто закрыть, поскольку платить было нечем. Окружком 1 Донского округа от 24 марта 1923 г. признавал: «Налог на церкви внушительный, не меньше 1500 рублей, а некоторых 16-20 тысяч рублей, на большую часть церквей наложили замки» [7, Л. 25]. Однако именно этого и добивались органы власти. Их постановление гласило: «Обязательное постановление ДИК (об обложении налогами церковных строений — авт.) проводить в жизнь, взыскав причитающийся налог до 1-го июля. ГПУ повести широкую осведомительную работу в этой области, для выявления настроения масс и той агитации, которая ведется. Завот [делом] фин [ансов] предложить информировать о ходе этой работы не реже одного раза в неделю» [7, Л. 25].

Закрытия церквей. Обширная антицерковная кампания 1923 г., наконец, пришла к своему логическому завершению — закрытию церквей. Об этом «единогласно» просили по-советски оптимистичные многочисленные постановления рабочих. Однако законодательство молодой советской республики пока не было однозначно в своих выводах. З апреля 1923 г. административный отдел НКВД издал секретный циркуляр, запрещавший практику расторжения договоров с верующими без законных на то оснований и «произвольный захват молитвенных домов». Расторгать договоры с верующими предписывалось только с согласия губисполкомов и только в случае «злоупотребления и растраты имущества, полученного группой верующих по договору». 19 апреля 1923 г. ВЦИК принял постановление «О разрешении дел по закрытию церквей и монастырей и по нарушению договоров с верующими», практически повторяющее циркуляр НКВД от 3 апреля 1923 г.

27 апреля 1923 г. в «Известиях ВЦИК» была опубликована одобренная Антирелигиозной комиссией инструкция НКЮ и НКВД РСФСР о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв их съездов. В соответствии с ней губисполкомы были обязаны возобновить регистрацию общин [1]. Постановления донских органов власти относительно закрытия храмов повторяли постановления вышестоящих органов. Так, 17 июля 1923 г. было принято соответствующее обязательное постановление Донского областного исполнительного комитета о регистрации религиозных обществ [13, Л. 31].

Однако на практике дела обстояли иначе. Неуплата налогов была не единственной причиной инициирования закрытия церквей. Там, где церковь была в состоянии собрать недостающие деньги, власти повели агрессивную антирелигиозную пропаганду, стараясь делать упор при закрытии на инициативу «снизу». Так, в докладе о работе Ленинского Райпаркома за март месяц 1923 г. значится следующее: «незаможники [так в документе] в своей резолюции просят высшие инстанции соввласти закрыть имеющиеся в х. Ленин церкви <...> комнезамы ведут антирелигиозную пропаганду, в результате всего мы имеем церковь, которая называется Единоверческой <...> [церковь] отошла в распоряжение Райисполкома, который ходатайствует перед Исполкомом о закреплении её за райисполкомом под культучреждения, которых у нас совершенно не имеется, если рассматривать, почему отказались Единоверцы от Церкви, нельзя сказать, что через налоги, которые были наложены на церковь, которые выражались в 400 р., по-моему, это не послужило причиной отказа от Церкви, а здесь причина та, что коллектив верующих раскололся на два лагеря и половина оказались неверующими, которые также повели Антирелигиозную пропаганду среди верующих. Имеется вторая Церковь тоже в хуторе Ленин, в которую ходит прогнившие религиозным духом старушонки, и эта Церковь твёрдых устоев не имеет, есть основания, что и вторая Церковь в хуторе Ленин будет закрыта в самом непродолжительном времени. Трудно вести антирелигиозную пропаганду среди старообрядцев, которых трудно привлечь на Антирелигиозные беседы. А всё же подход имеется только с помощью незаможних селян, которые ведут индивидуальную работу пропаганды, и здесь мы кое-что достигли» [10, Π . 66 об. — 67].

Центральная власть понимала всю опасность подобных инициатив местных властей в деле активизации закрытия храмов. В июне 1923 г. была разослано всем Губкомам и Обкомам постановление Оргбюро ЦК РКП (б) следующего содержания: «Несмотря на необходимость осторожного отношения к религиозным предрассудкам крестьян, отсталой части рабочих, в ЦК продолжают поступать сведения о нарушениях этих постановлений, в частности, о массовом закрытии церквей, вызывающем недовольство, используемое антисоветскими элементами. Цека категорически предлагает приостановить проведение в жизнь этой меры» [14, 184-185].

Особенная ситуация сложилась в Шахтинском округе (на тот момент Донецкая губерния Украины). Здесь в 1923 г. Ликвидком при

Отделе Управления Шахтинского Окрисполкома предпринял попытку закрыть все церкви губернии одновременно [15, Л. 36].

Поскольку советская власть настаивала на абсолютной законности своих действий, было невозможно закрыть церкви, основываясь только на собственном желании. Для облечения в рамки законности, Ликвидкомом был придуман вполне шаблонный ход: церковные общины обязали в срочном порядке зарегистрировать устав. Скорее всего, каким образом должен был выглядеть этот устав, где и как его регистрировать, общинам сообщено не было, или же приходы не придали значения этому новшеству. Во всяком случае, отсутствие зарегистрированных уставов послужило причиной закрытия практически всех церквей губернии одновременно. Описанная ситуация видна из следующего документа: «Секретно. Доклад Шахтинского Окрликвидкома о работе по отделению церкви от государства по Шахтинскому округу Донецкой Губернии за сентябрь месяц с/г. [1923]. По официальным сведениям в Окрликвидкоме значится на учете 71 церковь. Общины данных церквей за неимением в срок приобретенного положенного устава считаются распущенными. Место расположения церквей при сем прилагаются сведения [так в документе]. Дано четыре разрешения на открытие церквей/условно/по ходатайствам групп верующих. Отдано под суд за нарушение обязательного постановления Губисполкома № 16 и приказа № 36 Окрисполкома, 33 религиозных общины. Вследствие большой затяжки в регистрации МЕКАСО уставов религиозных общин в округе нарастают осложнения и некоторые недовольствия на данные поступки Соввласти» [9, Л. 53]. К сожалению, в процитированном документе не сообщалось, каким церквам было дано право на «условное открытие.

24 сентября 1923 г. в ответ на эту акцию местных властей, произошло достаточно неординарное событие — в этот день вокруг Петропавловского собора г. Шахты (бывший г. Александровск-Грушевский) собралась «большая масса верующих» с требованием открыть церковь. В докладе Шахтинского Окрликвидкома сообщалось: «это возбуждение произошло 24/IX с.г. вылилось в скопление большой массы верующих к месту закрытия церкви центра города с требованием открытия церкви. Со стороны Окрликвидкома и Окружного Исполнительного Комитета было предложено толпе успокоиться, разойтись и данный вопрос будет разрешен без замедления в тот же день с избранными от них представителями и лицами, возглавляющими данную общину [так в документе]. Но ввиду того, что в толпе было большинство женщин, а также торговцев, каковые своим подстрекательством развращали толпу, каковые не согласились на предложение власти, отняли у сторожа ключи, отперли церковь и стали звонит в колокола. На звон колоколов стеклось около 500-600 человек в церковь и около церкви. Стараясь всеми усилиями успокоить толпу представителями Окрпаркома и милиции, но усилия были напрасны, толпа набросилась на представителя Власти с разными возгласами и угрозами. Для избавления дальнейших беспорядков и ввиду наступающего вечера милиция вынуждена была дать несколько выстрелов в воздух, дабы рассеять толпу и предотвратить религиозное шествие, каковое ими намерено было сделать...» [15, Л. 53].

Итак, попытка закрыть Петропавловский собор и другие церкви г. Шахты «в штатном режиме» представителям советской власти не удалась. На следующий день после беспорядков, Ликвидком при Отделе Управления Шахтинского Окрисполкома был вынужден принять следующее постановление: «Общины временно оставить как существующие с разрешением производства в церквях религиозных обрядов. Имущество и здание временно сдать по описи под ответственность церковному совету и священнослужителям. Предложить совету общины в течение двух недель оформить дела с регистрацией уставов» [15, Л. 37].

Петропавловский собор был не единственным, не предоставившим устава — к апрелю 1923 г. была закрыта Макариевская церковь г. Шахты, построенная в 1893 г. на руднике общества «Русский антрацит» на средства углепромышленника Ивана Семеновича Кошкина. В апреле, «после выселения всего хлама из Макарьевской церкви на заседании Рудкома совместно с представителями ячейки и организации КСМУ был поставлен вопрос о использовании помещения бывшей Макарьевской церкви, большинством было принято предложение использовать под школу, согласно принятой резолюции на общем рабочем собрании» [3, Л. 42]. В июне, в очередном докладе о проведенной работе говорилось: «Заканчиваем оборудование школы соцвоза в бывшей Макарьевской церкви, где уже проделана работа, перегорожено на классы, побелено, отремонтировано и заготавливаются парты» [3, Л. 36-36 об.].

После 1922 г. государство стремилось окончательно подорвать влияние Церкви на сознание широких масс населения. В 1922 г. Церковь была лишена своих материальных ресурсов и не могла яв-

ляться полноценным борцом за верующих, поэтому основной удар антирелигиозной пропаганды был нанесён по самим верующим. Они стали объектом многочисленных акций: лекций, кружков, читок в избах-читальнях. Но обычная антирелигиозная пропаганда не давала и не могла дать быстрых и решительных шагов. Поэтому власть подкрепляла идеологическую работу мерами силового воздействия, прикрываясь, как в 1922 г., интересами государства (заинтересованность Воздухофлота в колокольной меди). Продолжалась борьба с самой Церковью: обложение непосильными налогами и непосредственное закрытие храмов. В итоге Церковь превратилась в глазах значительной части населения в организацию, гонимую за убеждения.

Примечания

- 1. Слезин А. А. За «Новую веру». М.: «Академия естествознания», 2009. URL: http://www.rae.ru/monographs/60-2384. (дата обращения 12.04.12).
- 2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 104. Оп. 1. Д. 39.
 - 3. ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 40.
 - 4. ЦДНИРО.Ф. 6. Оп. 1. Д. 33.
 - 5. ЦДНИРО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 24.
 - 6. ЦДНИРО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 24 а.
 - 7. ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30.
 - 8. ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 7.
 - 9. ЦДНИРО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 21.
 - 10. ЦДНИРО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 39.
 - 11. ЦДНИРО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 148.
 - 12. ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 28.
- 13. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 389.
- 14. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. 352 с.
- 15. Центр хранения архивной документации (ЦХАД). Ф. Р-278. Оп. 2. Д. 6.

ВЫСОКОГОРНЫЙ ФРОНТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ (АВГУСТ 1942-ЯНВАРЬ 1943 ГГ.)

В данном исследовании рассматривается один из слабоизученных аспектов битвы за Кавказ — боевые действия в районе эльбрусских перевалов в Кабардино-Балкарии. Используя труды отечественной и зарубежной историографии, автор составил характеристику военных действий на самом высокогорном фронте Великой Отечественной войны. В работе также затронута проблема тактики ведения горной войны, применявшейся немецкими горнострелковыми частями на территории Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: горные перевалы, Закавказский фронт, оборона Кавказского хребта, тактика горной войны, горнострелковые части, дивизия «Эдельвейс», «Приют Одиннадцати», горнострелковое обмундирование, восхождение на Эльбрус.

ALPINE GREAT PATRIOTIC WAR IN KABARDINO-BALKARIA (AUGUST 1942-JANUARY 1943)

This study examines one of the poorly studied aspects of the battle for the Caucasus — the fighting on the Elbrus mountain passes in Kabardino-Balkaria. Using the works of domestic and foreign historiography, the author made up the characteristic of military operations at the most alpine front of the Great Patriotic War. The article also touched upon the tactics of mountain warfare, applied by German mountain infantry units on the territory of Kabardino-Balkaria.

Key words: mountain passes, the Transcaucasian Front, defense of the Caucasus mountain range, mountain warfare tactics, mountain divisionы, mountain division «Edelweiss», «Shelter of Eleven» Mountain outfit, climbing Elbrus.

Битва за Кавказ, одна из самых драматичных в истории Великой Отечественной войны, по-прежнему, привлекает интерес новых исследователей наличием еще не раскрытых «белых пятен», среди которых и роль и значение боевых действия в горных условиях.

Самый высокогорный театр войны проходил на территории Кабардино-Балкарии. Помимо перевалов, гонных ущелий и альпинистских баз стратегическое значение для обеих сторон имел Эльбрус и его окрестности. Боевые действия в этих местах, а также особенности тактики советских войск и немецких горнострелковых частей на Кавказе, все еще слабо изучены.

В данном исследовании ставится задача, с учетом достижений отечественной и зарубежной историографии, систематизировать, уточнить и дополнить характеристику военных действии в горной части Кабардино-Балкарии, ставшей ареной самых высокогорных сражений Великой Отечественной войны.

Начало Битвы за Кавказ было сопряжено для Красной армии с тяжелейшими испытаниями. В силу различных факторов — преимущество врага в танках и авиации, недостаточная организация обороны Дона и Кубани, просчеты командования Северо-Кавказского фронта и т.д. — уже к середине августа 1942 г. театр военных действий приблизился к Тереку и его притокам. В таких условиях огромная ответственность ложилась на войска Закавказского фронта, которые оставались для немецко-фашистских войск группы войск «А» последней преградой на пути к грозненской и бакинской нефти.

Командование Закавказского фронта, учитывая возможную угрозу со стороны границ с Турцией и Ираном, было вынуждено распылять свои силы, что имело весьма неблагоприятные последствия. Острый недостаток сил «сказался и на плане их использования. Совершенно правильно укрепляя бакинское направление выдвижением на реку Терек 44-й армии, командование фронта оставляло почти беззащитным весь Главный Кавказский хребет» [1, с. 67].

Эту задачу возложили на малочисленную 46-ю армию. Перевалы в Кабардино-Балкарии обороняла 63 кавалерийская дивизия комбрига З.Ю. Ставчанского. Пять ключевых перевалов (Бечо, Донгуз-Орун, Местиа, Твибер, и Цаннер), превышающих высоту 3000 м, взяли под свой контроль эскадроны 214 кавалерийского полка майора И.С. Ромазова.

На острие немецко-фашистских войск Кавказ находился специализированный 49-й горнострелковый корпуса генерала Рудольфа Конрада, которому командование группы армий «А» поручило преодолеть горные перевалы, ведущие в Грузию. На горные перевалы

Кабардино-Балкарии, и в Приэльбрусье была направлены его подразделения — 4-я горнострелковая дивизии Карла Эгльзера и 1-я горнострелковая дивизия «Эдельвейс» Хуберта Ланца. Последняя получила такое название из-за того, что ее солдаты и офицеры носили на своих головных уборах и рукавах изображение горного цветка эдельвейса. Цветок, прикрепленный к шляпе, с давних пор имел символическое значение среди альпинистов, являясь доказательством совершенного ими подвига [2, 4].

С середины августа 1942 г. сражения развернулись на значительной территории Кавказского хребта. Еще до начала первых боев на горных перевалах выявились серьезные проблемы в организации нашими войсками оборонительных действий. Главная из них заключалась в том, что части 46-й армии Закавказского фронта не успели своевременно занять оборону в горах [3, 200].

На территории Кабардино-Балкарии, как уже отмечено выше, наши войска заняли лишь пять перевалов, не прикрыв не менее важные — Чипер-Азау, Чипер, Басса и Хотю-Тау. Последний без помех был занят противником 15 августа 1942 г. и переименован в «Перевал генерала Конрада» [4, 16].

Кавказские перевалы оказались одними из самых уязвимых и незащищенных позиций Закавказского фронта. С одной стороны, это было результатом того, что некоторые наши командиры не придали, по словам А. А. Гречко, «должного значения подготовке перевалов к обороне, считая Главный Кавказский хребет непреодолимой преградой для противника» [5, 137].

С другой стороны, неудачи обороны перевалов объясняются немногочисленностью частей 46-й армии, слабым знанием горной местности, тяжелыми климатическими условиями в горах, отсутствием опыта и снаряжения у наших соединений. А. М. Гусев, известный советский альпинист и участник Великой Отечественной войны, так объяснил причины слабой подготовки наших войск для ведения войны в горах: «Возможно, кое-кто считал, что война в горах для нашей страны маловероятна. Мы, альпинисты, еще до войны не раз обращались в Управление горной, лыжной и физической подготовки Красной Армии с предложением использовать наш опыт для горной подготовки войск. Но нередко слышали в ответ: «Нам на Эльбрусах не воевать…» [6, 11].

Воинские подразделения 49-го горнострелкового корпуса не только имели специальную подготовку, но и опыт ведения войны в го-

рах. Так дивизия «Эдельвейс» в начале II мировой войны успешно участвовала в боевых действиях на Карпатах [7]. 1 и 4 горнострелковые дивизии формировались преимущественно за счет уроженцев Южной Германии и Австрии, что значительно способствовало их сплоченности.

Занимая позиции, горные стрелки тщательно их укрепляли и оснащали вооружением. К примеру, в районе «Приюта Одиннадцати» на подступах к Эльбрусу через каждые 25-30 метров стояли автоматчики, через каждые 100-150 метров — станковые пулеметы, расположенные ярусами и связанные между собой рацией [8, 203].

Немецкие горные стрелки сразу же наладили подвоз продовольствия и припасов, используя гужевой транспорт. Так, один из важных путей снабжения немецких гарнизонов на перевале Хотю-Тау и на Эльбрусе проходил через ущелье р. Секен, в районе перевала Морды, выводившего к верховьям Кубани [9].

Учитывая ограничительный тип местности, немецкие горные войска редко передвигались группами более батальона в одной области. Все бойцы были адаптированы к погодным условиям гор и готовы к лавинам. Использовалась техника зигзагообразного передвижения, чтобы минимизировать убытки в случае схода лавины. Гористая местность нередко блокировала радиосигналы и, следовательно, требовала более высокие навыки в обеспечении связи между войсками. Немецкие егеря устанавливали радиоантенны на ветках деревьев и использовали сигнальные флаги [10, 11-12].

Г. Уилльямсон перечисляет пять базовых комплектов горного обмундирования немецких горнострелковых войск: парадная, служебная, рабочая, камуфляжная и специальная альпинистская одежды [11, 12]. В то время как наши бойцы не имели «ни специального горного снаряжения, ни обмундирования... Бойцы и командиры носили сапоги или ботинки с обмотками, обычные брюки, шинели, малопригодные в условиях высокогорья» [12, 11].

Все это объясняет причины быстрой адаптации немецких горных стрелков к условиям Кавказского хребта. Немаловажное значение сыграло и то, что еще до войны под видом туристов немецкие агенты собирали сведения о географических особенностях горной части Кабардино-Балкарии и других регионов Кавказа. Неудивительно, что командование немецких горнострелковых частей располагало подробными картами перевалов и ущелий. И.В. Тюленев в своих воспоминаниях приводит любопытный случай, произошед-

ший в Приэльбрусье. Незадолго до войны в шахтерскую бригаду Тырныаузского комбината был зачислен «тихий худощавый паренек». «И вот однажды «скромного» парня поймали с рацией. Он передавал сведения немецким альпинистам, которые шагали с альпенштоками покорять Эльбрус». [13, 27] Оказалось, что «скромный» парень был крупным инженером по горным разработкам, приехавшим из Германии.

Среди тех, кто побывал в горах Кавказа до Великой Отечественной войны, был и Хайнц Грот. Теперь, в августе 1942 г., он должен был сделать это снова, но уже в качестве командира специального отряда. Инициатива восхождения на Эльбрус принадлежала также Х. Ланцу, который уже организовывал водружение фашистских штандартов на г. Олимп в Греции.

С 9 августа 1942 г. Х. Грот готовил для проведения операции специальный отряд из офицеров и солдат 99 егерского полка дивизии «Эдельвейс», а также из состава 4 горнострелковой дивизии. Примечательно, что Р. Конрад изначально выступил против кампании по восхождению на Эльбрус, видя в этом мало смысла с точки зрения военной стратегии [14, 85]. Но вскоре командир 49-го корпуса изменил свою позицию, поняв, что установление немецких штандартов имеет важный политический смысл.

16 августа немецкие егеря заняли гостиницу «Приют одиннадцати» на высоте 4200 м. Ее гарнизон насчитывал три солдата и три работника метеостанции [15, 17]. По данным немецкого журналиста В. Тике, Грот взял этот пункт без единого выстрела. «Атаковать группой из 20 человек не было смысла... Грот достал из рюкзака белый платок, привязал к карабину и, размахивая им, зашагал по рыхлому снегу к приюту. Как мог, объяснил советскому командиру, что тот окружён со всех сторон, а он — парламентёр, уполномоченный предоставить советским солдатам и офицерам отступление, чтобы предотвратить кровопролитие. После короткого совещания метеорологи и защитники приюта, ушли в сторону долины Баксана. Великолепный опорный пункт без единого выстрела оказался в руках немцев» [16]. 21 августа 1942 г. в 11.00 на вершине Эльбруса были установлены штандарты 1 и 4 горнострелковых дивизий.

По мнению немецкого историка К. Типпельсриха, это предприятие «не имело ни тактического, ни...стратегического значения» [17, 321]. Как считает другой немецкий исследователь Х. Мейер, это было скорее «рекламно-ориентированное предприятие» [18, 85].

Для немецко-фашистских войск взятие Эльбруса рассматривалось как показатель их промежуточного успеха и имело больше пропагандистское значение. Со стратегической точки зрения для командования 49-го горнострелкового корпуса большую значимость имело преодоление горных перевалов и прорыв в Грузию. К концу августа 1942 г. враг прочно закрепился у склонов Эльбруса и на некоторых важных перевалах (Хотю-Тау и Чипер-Азау, Чипер и др.) и даже смог продвинуться на 10 км вглубь Грузии по долине р. Некстра.

Болезненная реакция Ставки Верховного Главнокомандования на первые успехи противника отразилась в ее директиве командованию Закавказского фронта от 20 августа 1942 г.: «Глубоко ошибаются те командиры, которые думают, что Кавказский хребет сам по себе является непроходимой преградой для противника. Надо крепко запомнить, что непреодолимым является только тот рубеж, который умело подготовлен и упорно защищается» [19, 211].

В конце августа 1942 г. в Приэльбрусье прибыл Л. Берии для контроля и улучшения оперативного управления войсками на перевалах. В Приэльбрусье и в других частях Кавказского хребта был увеличен контингент войск НКВД. Это позволило подразделениям 8-го моторизованного полка НКВД сорвать попытку противника проникнуть к верховьям р. Ингури в Грузии через Баксанское ущелье [20, 143].

С начала сентября 1942 г. в горных боях в Кабардино-Балкарии участвовала Особая группа 37 армии, состоявшая из 5 отрядов: два из числа бойцов 176 и 392 стрелковых дивизий, остальные три — из пограничников (1-й отряд), работников милиции (2-й отряд) и работников органов безопасности (3-й отряд). Большинство личного состава 2 и 3 отрядов прибыло из Ставрополья.

В сентябре-октябре 1942 г. наши войска вели упорные бои за Чипер-Азау и Чипер, Бассы и за важные стратегические пункты, от контроля над которыми во многом зависела судьба перевалов — «Приют одиннадцати «Старый Кругозор», «Новый Кругозор», «Южный приют», «Ледовая база», «105-й пикет» и т.д.

С 18 сентября вместо 214-го полка 63-й кавалерийской дивизии на перевалах в районе Эльбруса располагались части 242-й горнострелковой дивизии. Следует отметить, что практически каждая операция советских войск осуществлялась сводными отрядами, включая партизан Кабардино-Балкарии. Общим итогом самоотверженных действий наших войск, воевавших в исключительно тяжелых климати-

ческих условия, где перепады высот сложного рельефа (ущелья, хребты, ледники, снежные поля) достигали 3500 метров [21, 188], стало то, что горные стрелки «Эдельвейса» так и не сумели выйти к Сухуми и Черному морю. Помимо этого, советским частям удалось сохранить за собой несколько важных перевалов, через которые продолжалась эвакуация людей и ценного оборудования. В случае необходимости эти перевалы могли служить путем отхода войск 37-й армии, оборонявшей с августа 1942 г. часть республики, включая г. Нальчик.

После захвата в конце октября 1942 г. немецко-фашистскими войсками Нальчика, у 392-й стрелковой дивизии полковника Г.И. Купарадзе возникла угроза вражеского окружения. Единственной возможностью спасти дивизию была ее немедленный отход в Грузию через один из эльбрусских перевалов. Благодаря, активным боевым действиям 897-го полка 242-й горнострелковой дивизии и других частей перевал Донгуз-Орун был прочно защищен, и поэтому он был выбран путем отхода. Более 5000 тыс. солдат и офицеров 392-й дивизии успешно преодолели перевал высотой 3180 метров и эвакуировали 16 тонн молибдена из Тырнаузского комбината и 28 тыс. голов колхозного скота [22, 106].

В отличие от большинства горнострелковых дивизий, имевших лишь два полка, «Эдельвейс» располагал тремя [23, 5]. Приэльбрусье удерживал 99-й егерский полк дивизии, который с 30 августа 1942 г. возглавлял Карл фон Ле Сур. По подсчетам О. Опрышко, численность противника в районе Эльбруса составляла более 1500 человек или два горнострелковых батальона [24, 109]. Столь высокая численность объясняется тем, что один батальон горных войск вермахта был примерно равен по численности пехотному, или мог даже его превосходить. «Эдельвейс» был одной из самых многочисленных дивизий, как среди горнострелковых, так и пехотных, и насчитывал на момент вторжения в СССР 19437 человек [25, 111]. Тем не менее, в условиях больших потерь и недостаточного пополнения, к зиме 1942-1943 гг. ряды «Эдельвейса» на перевалах Кавказского хребта значительно поредели.

Вплоть до спешного отступления немецко-фашистских войск из Северного Кавказа (январь 1943 г.), в горах с переменным успехом продолжались позиционные бои. Нашим войскам так и не удалось выбить немецких горных стрелков и егерей с перевалов. В свою очередь, 49 корпус генерала Конрада уже не имел сил, чтобы продолжить наступление и пробиться в Закавказье [26, 77].

После освобождения в январе 1943 г. территории Кабардино-Балкарии, специальным приказом штаба опергруппы Закавказского фронта № 210 от 2 февраля 1943 г. А. М. Гусеву поручили возглавить отряд для снятия фашистских штандартов с Эльбруса и установления флагов СССР на его обеих вершинах [27]. В тяжелейших метрологических условиях 13 февраля 1943 г. шесть альпинистов под командованием лейтенанта Н. Гусака сбросили фашистские флаги с западной вершины Эльбруса. А 17 февраля четырнадцать бойцов под командованием самого А. Гусева сняли фашистские флаги с восточной вершины и водрузили флаг СССР.

Так завершился пятимесячный период военных действий в горах Кабардино-Балкарии. Первоначальные неудачи и тактические просчеты командования Закавказского фронта, тем не менее, не стали залогом успеха частей 49-го горнострелкового корпуса Р. Конрада, так и не сумевшего прорваться в Закавказье через горные перевалы Приэльбрусья. В целом, война в горах Кабардино-Балкарии шла с переменным успехом, но победителем из нее вышли окрепшие и героически воевавшие отряды войск Красной Армии.

Примечания

- 1. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989.
- 2. Rottman G., Andrew S. Gebirgsjager. German Mountain Infantry. Hong Kong, 2007.
 - 3. Тюленев И.В. Через три войны. М., 1972.
 - 4. Опрышко О. Л. На Эльбрусском направлении. Нальчик, 1970.
 - 5. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1967.
 - 6. Гусев А. М. Эльбрус в огне. М., 1980.
- 7. Gebirgs-Division // URL: http://www.axishistory.com/axis-nations/3178-1-gebirgs-division (Дата доступа 29.01.14)
 - 8. Тюленев И. В.указ. соч.
- 9. Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского ледника. М.: «Советская Россия», 1971.// URL: http://www.skitalets.ru/books/maruh_gnet/(Дата доступа 1.02.14)
- 10. Williamson G. Gebirgsjager: German Mountain Trooper 1939-1945 // Warrior 74. 2003.
 - 11. Там же.
 - 12. Гусев А. М. Указ. соч.
- 13. Тюленев И.В. Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе, 1975.

- 14. Meyer H. Blutiges Edelweiß: die 1. Gebirgs-Division im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 2008.
 - 15. Опрышко О. Л. Указ. соч.
- 16. Фишман В. Два капитана из сорок второго // Русская Германия. № 30, 2012.
- 17. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб.,1999. С. 321.
 - 18. Меуег Н. Указ. Соч.
- 19. История второй мировой войны 1939-1945 гг. в 12 т. Том 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. М., 1975.
 - 20. Гречко А. А. Указ. соч.
 - 21. Гусев А. М. Указ. соч.
 - 22. Опрышко О. Л. Указ. соч.
- 23. Rottman G., Andrew S. Gebirgsjager. German Mountain Infantry. Hong Kong, 2007. P. 5.
 - 24. Опрышко О. Л. Указ. соч.
 - 25. Meyer H. Указ. соч.
- 26. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития, июль 1942 октябрь 1943 гг.: Дис. д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003.
 - 27. Фишман В. Указ. соч.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЕВОГО ИЗУЧЕНИЯ АЛХАН-КАЛИНСКОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ В ЧЕЧНЕ

В данной статье приводится история полевого изучения комплекса памятников Алхан-Калинского городища (городища и могильника). За годы изучения этого комплекса был накоплен большой фактический материал. Однако он не был своевременно и полностью введен в научный оборот и ныне в значительной степени утрачен.

Ключевые слова: история, археология, раскопы, городище, памятник, курган, сосуд, керамика, катакомба.

STORIES FROM THE FIELD STUDY ALKHAN-KALA COMPLEX OF MONUMENTS IN CHECHNYA

This article has the history of study of the monuments Alkhan-Kala settlement (settlement and burial) complex. During the years of this complex studying it was accumulated great amount of material. But it was not introduced in the scientific turnover in time and fully, so nowadays its large part is lost.

Keywords: history, archeology, excavation, settlement, monument, mound, container, ceramics, catacombs.

Алхан-Калинское городище — одно из крупнейших в Северо-Восточном Кавказе расположено в 4 км к западу от сел. Алхан-Кала на высоком левом обрывистом берегу р. Сунжи. Протяженность внешнего рва, определяющего его размеры, составляет сейчас более 1,5 км, современный вид памятника во многом объясняется природными процессами — в результате частого изменения русла реки часть его оказалась смытой, а другая, небольшая — отделена поймой от его основной территории. В ближней и дальней округе городища расположены многочисленные курганы. Городище и курганы давно привлекали внимание исследователей [1; 2, 237-238].

Здесь проводились как стационарные археологические работы (А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий, В. Б. Виноградов, М. Х. Багаев), так и многократные обследования и осмотры (Т.М. Минаева., М.П. Севостьянов, Н.И. Штанько и др.). Открытие этих памятников для науки состоялось в 1888 году, когда Председатель Императорской Археологической Комиссии граф А. А. Бобринский впервые кратко описал Алхан-Калинское городище и раскопал рядом с ним 4 подкурганных катакомбы. Исследование пятой насыпи остались незавершенными из-за больших размеров. Было установлено, что погребальные сооружения состояли из подземных камер-катакомб. Все курганы были разграблены в древности, но в них были обнаружены остатки золотых украшений, как тогда называли — «меровингского» стиля, покрытые темно-красными и лиловыми вставками из стекла или гранатами. На этом основании А. А. Бобринский справедливо предположил, что погребения принадлежат времени «переселения народов», т.е. IV-V вв. до н.э., а сам могильник, который, по его мнению, был очень большим прямо связан с Алхан-Калинским городищем, т.е. оставлен обитателями последнего [3, 252].

В последующие десятилетия ни на самом городище, ни в его округе никаких значительных археологических работ не производилось. В связи с этим можно лишь отметить разыскания подъесаула Ф.С. Панкратова, который в 1913 г. проводил археологические исследования в Алхан-Чуртовской и Сунженской долинах. По мнению Ф.С. Панкратова, на этой территории обитали калмыки, расположившиеся по всему протяжению р. Терека и Сунжи, а ставка их предводителя Сургут-Хана якобы находилась недалеко от нынешнего с. Алхан-Кала «в укрепленном местечке Гулларъ», т.е. на Алхан-Калинском городище. Вероятно, краевед побывал на последнем, но

никаких археологических работ он там, судя по его газетным публикациям, не проводил [4].

В середине 1930-х гг. прошлого века в изучение древностей Чечено-Ингушетии активно включаются археологические экспедиции Государственной академии Истории материальной культуры. В 1936 г. по договору между ГАИМК и ЧИНИИЯ была организована Чечено-Ингушская экспедиция, возглавляемая А.П. Кругловым. Среди ее первоочередных целей было и Алхан-Калинское городище. На памятнике был заложен разведочный раскоп 2 на 3 м [5]. Кстати, последующие исследователи упорно «увеличивают» размеры вскрытой тогда площади — от 8 кв.м. [6, 143] до 63 кв.м. [7, 182]. Собранный материал был датирован временем с II-III вв. до IV-V вв. н.э. Тогда же, сопоставив керамику Алхан-Калинского и Ногай-Мирзаюртовского городищ на Тереке, А.П. Круглов отметил отсутствие на первом фрагментов средневековых сосудов.

В 1937-1938 гг. отряды СКАЭ ИИМК (ГАИМК) продолжали раскопки Алхан-Калинского комплекса памятников. А.П. Круглов провел исследования на курганном могильнике. В краткой информации, опубликованной в 1939 г., отмечалось, что за два сезона было исследовано 9 курганов, содержавших основные катакомбные погребения, датированные II-III вв. н.э. Обнаруженная здесь керамика позволила установить одновременность курганов с городищем [8].

Позднее важную роль в дальнейшем изучении материалов этих раскопок сыграла Л. Г. Нечаева, сумевшая к 1956 г. собрать разрозненные во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. сведения о них в своей диссертации Могильник был датирован временем с ІІ до V-VI вв. [9]. Но работа Л. Г. Нечаевой осталась неизданной и поэтому вполне объяснимо, что совсем недавно к этим же материалам вновь обратились В. Ю. Малашев и Х. М. Мамаев. Опираясь на указанную диссертацию и результаты собственного исследования коллекции находок из раскопок, хранящейся в фондах ОАВЕС ГЭ, они опубликовали сохранившиеся данные об исследовании Алхан-Калинского могильника ленинградскими археологами, уделив при этом основное внимание хронологии памятника, определенной в рамках второй половиной ІІ-первой половиной V вв. [2].

В 1938 г. раскопки на самом городище начал отряд В. Г. Подгаецкого. Был заложен раскоп общей площадью в 175 кв. м. Ввиду отсутствия отчета и первичных материалов место его расположения на территории городища точно не установлено — ясно лишь, что это участок

памятника между первым и вторым рвом, т.е., скорее всего, там же, где заложил шурф в 1936 г. А.П. Круглов. Возможно, на место его расположения указывает фотография, опубликованная в статье последнего [5, 9]. В раскопе было выявлено три строительных горизонта, представляющие остатки глиняных полов, поврежденных ямами, многочисленные фрагменты керамики, глиняные грузила для ткацких станков, каменные жернова, остатки птичьего проса и пшеницы, большое количество костей животных и т.д.. Исследованный слой был датирован первыми веками н.э. При этом нужно обратить внимание на обстоятельство, которое отметила Л.Г. Нечаева — раскоп, по каким-то причинам, не был доведен до материка. Полученные результаты также не были опубликованы и о выразительных находках, например, зооморфной керамики из этих раскопок стало известно лишь благодаря работе К.М. Скалон. Уже в недавнее время общие сведения об исследованиях 1938 г. появились в работах М. Х. Багаева и Х. М. Мамаева [10; 11, 94-95].

В 1945 г. Т.М. Минаева при участии Н.И. Штанько провела обследование долины р. Сунжи от Грозного до ст. Карабулакской. На Алхан-Калинском городище был собран обильный подьемный материал, причем не только с поверхности, но и из многочисленных оборонительных сооружений, вырытых здесь в 1942 г., что создавало возможность получения общих представлений о характеристике всей толщи культурных напластований. Т.М. Минаева выделила в находках несколько групп керамики: две малочисленные, представлявшие сплошь чернолощеные и лощенные полосами горшочки и сероглиняные тонкостенные гончарные сосуды и, третью самую многочисленную — миски с загнутым краем, кувшины, тарные сосуды, которые, по мнению исследовательницы, являлись характерными для всех сунженских памятников [12, 413-418]. Однако, поскольку она видела в сунженских памятниках «последующий и, может быть, завершающий этап в развитии городищ Ставрополья», отнесенных к предшествующему периоду, то датировала их и, прежде всего, Алхан-Калинское, IX-XII вв., то есть значительно более поздним временем, чем это предлагали ее предшественники [13, 152]. Но очевидно, что собранный и рассмотренный Т. М. Минаевой материал таких оснований не давал [11, 96]. Обратила она внимание и на могильник, отметив, что количество курганов по сравнению со временами А. А. Бобринского заметно сократилось, прежде всего, из-за распашки, сохранились лишь большие насыпи, высотой до 6 м. [12, 415].

Сконца 1940-х гг. Алхан-Калинское городище попало в сферу внимания грозненских краеведов, сотрудничавших с Е.И. Крупновым [14]. Так, в 1948 г. городище посетили М.П. Севостьянов и Н.И. Штанько и с этого момента памятник стал одним из основных объектов краеведческой работы в Грозном — Областной институт и музей краеведения организовывали археологические экскурсии для школьников и учителей-историков с посещением Алхан-Калинского городища и сбором на нем подъемного материала [15; 16]. Последний передавался в фонды Грозненского музея краеведения, где его накопилось в те годы немало и к нему неоднократно обращались такие известные специалисты, как выдающийся кавказовед Е.И. Крупнов и крупнейший алановед В. А. Кузнецов [17; 18].

Основной вклад в археологическое изучение Алхан-Калинского городища был внесен В.Б. Виноградовым, исследовавшим памятник в течение четырех полевых сезонов — с 1965 по 1968 г., когда было вскрыто более 800 кв. м. В целом оценка проделанного за эти годы варьировала от сдержанно-позитивной [19, 17] до скепсиса [20, 16-17], исходившего прежде всего на отсутствии полноценных публикаций материалов [11].

Краткие результаты раскопок Алхан-Калинского городища в 60-х гг. прошлого века публиковались в виде информаций в сборнике «Археологические открытия» за соответствующие годы, в «Археолого-этнографических сборниках», издававшихся ЧИНИИЯИЛ, а позднее полученные материалы были использованы М. Х. Багаевым в его диссертационном исследовании [21].

В общем, картина изучения городища, выглядела следующим образом. В 1965 г. В.Б. Виноградов заложил на его территории два небольших раскопа общей площадью 36 кв.м. В ходе раскопок были обнаружены многочисленные фрагменты керамики, глиняные грузила, пряслица, большое число костей животных и рыб. Этот материал был отнесен к V-XII вв. Кроме того, была выявлена группа предметов — бронзовая арбалетовидная фибула II-III вв., обломки краснолаковых античных сосудов, биконические пряслица и др. находки первых веков н.э., находившиеся в переотложенном состоянии [22].

В 1966 г. на городище было вскрыто 200 кв. м., составлявших один раскоп и два шурфа. Толщина культурного слоя в раскопе и в шурфе 1 достигала 1,2 м, а в шурфе на Бабушкиной горе — части цитадели, отрезанной р. Сунжей — 2м. Материалы, обнаруженные в послед-

нем, были отнесены к аланской культуре раннего средневековья, т. е. V-XII вв. [23].

В раскопе жена основной части городища прослеживались два слоя. Ранний слой (пласт) датирован первыми веками н.э. и по находкам (бронзовые арбалетовидные фибулы, пряслица, темнолощенная керамика с характерным орнаментом и зооморфными ручками и т.д.), отнесен к позднесарматской культуре. Он был перекрыт стерильной прослойкой, выше которой шли метровые отложения культурного слоя эпохи раннего средневековья, обильно насыщенные находками. Здесь было вскрыто несколько строительных горизонтов, представленные остатками турлучных построек. Среди находок оказалось большое количество разнообразной керамики, пряслица, обломки курильниц, каменные и глиняные грузила, ядра для пращи, костяной наконечник стрелы, бусы, бронзовые украшения, фрагменты железных предметов и т.д.

Особый интерес, по В.Б. Виноградову, представлял материал из верхних слоев, который был датирован XI-XIII вв. Было обнаружено место ритуальных церемоний, где на площади 32 кв. м. были аккуратно поставлены вверх дном 25 глиняных стакановидных курильниц. Тут же были найдены обгоревшие тушки баранов [24].

В 1967 г. исследованию была подвергнута возвышенность высотой около 2-х м и диаметром 40-50 м. в центральной части городища, культурные напластования которой включали мощный слой пепла и древесной золы. По мнению В. Б. Виноградова, здесь находилось центральное культовое «кострище» [25].

В том же году было предпринята попытка изучение внешнего вала, а внутри городища и у западных ворот было раскопано четыре культовых места (капища), представляющие собой глинобитные «алтарики» со стакановидными курильницами и следами жертвоприношения вокруг. Рядом с двумя из них было обнаружены погребения подростка и женщины. Наполнение культурного слоя в целом не отличалось от уже известного — в нижней части керамика позднесарматского времени, основной слой был датирован ранним средневековьем [26].

В 1968 г. вскрытая площадь составила 190 кв. м., при этом половину ее занимали 28 ям, изрезавших культурный слой. Здесь впервые за время раскопок были вскрыты остатки турлучных построек с сохранившимися глинобитными полами и следами деревянных столбов-опор [27; 28].

Указанный год оказался последним, когда на Алхан-Калинском городище проводились стационарные работы. В дальнейшем на памятнике или собирался подъемный материал, или исследовались случайно выявленные захоронения.

Вскоре после раскопок В.Б. Виноградов высказал предположение, согласно которому Алхан-Калинское городище представляло ««политический, экономический, религиозный центр, принадлежавший аланскому раннесредневековому этносу» [29, 163]. Затем Алхан-Калинское городище было отождествлено с столицей алан городом Магасом. По мнению исследователя, военно-фортификационные данные городища, материалы раскопок и письменные источники подтверждают локализацию Магаса на месте Алхан-Калинского городища [1]. Первоначально эту версию поддержали В. А. Кузнецов, Н. П. Гриценко, Х. М. Мамаев и др. Но вскоре появились возражения — Л. И. Лавров, В. И. Марковин и Х. Д. Ошаев, считавшие, что такие выводы преждевременны, так как материалы памятника полностью не изучены В. А. Кузнецов также отошел от версии «Магас-Алхан-Кала» и предложил собственный вариант- знаменитый Нижний Архыз в верховьях Кубани [30, 161]. Недавно Х. М. Мамаев, использовав доступные материалы и опираясь на разработки В. Ю. Малашева о хронологии аланской керамики, указал на отсутствие в городище следов активной жизни в последние столетия раннего средневековья и в предзолотоордынский период [31; 32]. Версию В.Б. Виноградова продолжает разделять Е. И. Нарожный, исследовавший некоторые артефакты из сборов 1986-1991 гг. и погребения XIII-XIV вв. на территории городища [33].

После раскопок 1960-х гг. прошлого века на Алхан-Калинском городище проводились только осмотры и сборы «подьемки». Так, в 1972 г. в обвале берега р. Сунжи был случайно обнаружен стеклянный сосуд сирийского производства, датированный І в. н.э. [34]. В 1986-1991 гг. на памятнике неоднократно собирался подъемный материал. Среди находок была и керамика раннего железного века [7]. В 2012 году, впервые после долгого перерыва городище обследовали археологи ИГИ АН ЧР, обнаружившие характерную керамику позднесарматского времени непосредственно в сунженской пойме, в 150-170 м. южнее нынешнего обреза левобережной террасы, что подтверждает предположения о размыве р. Сунжей значительной части территории памятника [32].

Таким образом, можно констатировать, что за годы полевого изучения Алхан-Калинского комплекса памятников был накоплен большой фактический материал. Однако он не был своевременно и полностью введен в научный оборот и ныне в значительной степени утрачен. Предпринятая в свое время В.Б. Виноградовым попытка изучения территории отдельными разбросанными раскопами особого результата не принесла и при тогдашних представлениях о керамике аланских городищ детальной хронологии получиться не могло, а заложенные Т. М. Минаевой ошибочные представления о ее датировках усугубили ситуацию. Поэтому организация продолжение изучения Алхан-Калинского комплекса памятников является одной из важных задач археологии Чечни [32, 56].

Примечания

- 1. Виноградов В.Б. Военно-фортификационные аргументы Алхан-Калинского Магаса (актуальный конспект) // МИАСК. Вып.2 Армавир. 2003.
- 2. Малашев В.Ю., Мамаев Х. М. Алхан-Калинский могильник (материалы раскопок 1937-1938) //Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный-М. 2011.
 - 3. ОАК за 1888 г. // ОАК за 1882-1888 гг. СПб. 1893..
- 4. Панкратов Ф. С. По Алханъ-Чуртовской и Сунженским долинамъ (отчеты о раскопкахъ, произведенных 8 сентября 1913 года) // Терские ведомости. 1914. № 59.
- 5. Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 года // Записки ЧИНИИЯ. Т.1. Грозный. 1938.
 - 6. Арсанукаев Р. Д. Вайнахи и аланы. Баку. 2002.
- 7. Бурков С.Б. К истории полевого изучения бытовых памятников эпохи раннего железного века на территории Чечни // ИАА. Армавир-Краснодар-М.2012.
 - 8. Северо-Кавказская I экспедиция // КСИИМК. М. 1939.
- 9. Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л.1956.
- 10. Багаев М. Х. Некоторые черты материальной культуры вайнахских племен в раннем средневековье // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. III. Орджоникидзе. 1975.
- 11. Мамаев Х.М. Из истории археологического изучения Чечни (к 70-ти летию начало работы Чечено-Ингушской археологической

- экспедиции ГАИМК и Северо-Кавказской экспедиции ИИМК) // Вестник Академии Наук Чеченской Республики. Вып. 1. 2008.
- 12. Минаева Т. М. Археологические разведки в долине реки Сунжи // Сборник трудов Историко-филологического факультета. Вып. 13. Ставрополь. 1958.
- 13. Минаева Т.М. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып.1. Ставрополь. 1949.
- 14. Мамаев Х. М., Мамаев Р. Х. Археологические исследования в Чечне во второй половине 40 первой половине 50-х годов ХХ в. // Российская археология. 4.2013.
- 15. Севостьянов М.П. Маршруты экскурсий и походов по Грозненской области // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Вып.7-8. Грозный. 1956.
- 16. Севостьянов М. П. Из опыта экскурсионно-туристической работы с учащимися // Известия Грозненского института и музея краеведения. Вып.2-3. Грозный.1950.
 - 17. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М. 1960.
 - 18. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа, М. 1962.
- 19. Крупнов Е.И. Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР //АЭС. Т. III. Грозный. 1969.
- 20. Марковин В.И. Мужухоев М.Б. Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии //Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.1979.
- 21. Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено- Ингушетии. Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 1970.
- 22. Виноградов В.Б. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 году // АЭС. Том II. Грозный. 1968.
- 23. Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа// АЭС. Т. III. Грозный. 1969.
- 24. Крупнов Е. И., Марковин В. И., Козенкова В. И., Мунчаев Р. М., Виноградов В. Б. СКАЭ. АО-66. М.1967.
- 25. Мамаев Х.М. Алхан-Калинское «кострище» // Археология и вопросы атеизма. Грозный. 1977.
- 26. Крупнов Е.И., Марковин В.И. Козенкова В.И., Мунчаев Р.М., Виноградов В.Б. СКЭ. АО-67. М,1968.
- 27. Багаев М. Х., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Новые памятники археологии в Чечено-Ингушетии //АО-1968 года. М.1969.

- 28. Мамаев Х.М. О характере строительных остатков Алхан-Калинского городища // XII Крупновские чтения. Москва.1982. Крупновские чтения 1971-2006. М. 2008.
- 29. Виноградов В. Б. Алхан-Калинское городище //VII Крупновские чтения. Черкесск.1977. Крупновские чтения 1971-2006. М. 2008.
 - 30. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе. 1984.
- 31. Мамаев Х. М. О хронологии Алхан-Калинского городища // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Владикавказ. 2008.
- 32. Мамаев М. А. К историко-культурной интерпретации Алхан-Калинского городища (археологические реалии) // Северо-Кавказский город в региональном историческом процессе. Материалы международной конференции 18-19 сентября 2012 гг. Каспийск, Республика Дагестан. Махачкала. 2012.
- 33. Нарожный Е.И. О находках золотоордынского времени с территории Алхан-Калинского городища (Чечня) //Древности юга России. М. 2008.
- 34. Мамаев Х. М., Петренко В. А. Стеклянный сосуд из окрестностей Алхан-Калинского городища // СА. №2. М.1974.

ПОЛНЫЙ ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК Д. И. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ

В статье приведены биографические сведения об одном из кавказских администраторов и военачальников середины XIX в. Дмитрии Ивановиче Святополк-Мирском и охарактеризована его деятельность на военном поприще.

Ключевые слова: Д.И. Святополк-Мирский, послужной список, Северный Кавказ, военные кампании, административная деятельность.

COMPLETE CURRICULUM VITAE DI SVYATOPOLK-MIRSKY AS A SOURCE FOR THE RECONSTRUCTION OF LIFE

The article provides the biographical information about one of the Caucasian administrators and military leaders of the mid XIX century Dmitry Ivanovich Svyatopolk-Mirsky and describes his activities in the military field.

Keywords: D. I. Svyatopolk-Mirsky, track record, North Caucasus, military campaigns, administrative activities

Дмитрий Иванович Святополк-Мирский известен как талантливый кавказский администратор и военачальник середины XIX в. Он являлся участником Кавказских походов, Крымской войны и русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и был награжден многочисленными орденами и медалями.

Родился Дмитрий Иванович Святополк-Мирский 13 октября 1825 г. в Санкт-Петербурге в семье князя Ивана Семеновича и Марцианы Савельевны Святополк-Мирских. Детство он провел за границей с отцом, который был членом акционерного общества «Христианская кампания по колонизации и цивилизации Африки».

Когда Дмитрию Ивановичу исполнилось 15 лет, он самовольно отправился в Россию, хотя в ту пору он с трудом изъяснялся на русском языке.

Святополк-Мирский начал военную службу на Кавказе в начале 40-х гг. XIX в. — наиболее сложный для Российской империи период Кавказской войны. Весь боевой путь Дмитрия Ивановича отмечен наградами и знаками отличия, полученными за отвагу и героизм. Вступив в 1841 г. рядовым в егерский полк генерал-адъютанта князя Чернышева (впоследствии переименованный в 80-й кабардинский полк генерал-фельдмаршала князя Барятинского), Святополк-Мирский участвовал в боевых операциях против дагестанцев и чеченцев. За проявленную доблесть и упорство Святополк-Мирский 1 января 1845 г. был произведен в унтер-офицеры и 12 апреля того же года награжден знаком отличия военного ордена Святого Георгия [1, д. 39104, л. 1], а уже в июле того же года за отличие, проявленное при взятии штурмом Андийских высот, приказом главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом Святополк-Мирский был произведен в прапорщики. С мая 1847 г. Святополк-Мирский находился в составе войск генерал-майора Фрейтага, участвуя в боях возле крепостей Грозной и Воздвиженской. За отличие, проявленное здесь, он был дважды повышен в чине. В январе-феврале 1848 г. Святополк-Мирский в составе отряда Фрейтага участвует в боевых действиях в Малой Чечне; с апреля его командируют в Дагестанский отряд, направленный для осады аула Гергебиль. За взятие Гергебиля Святополк-Мирский получает орден Св. Владимира 4 степени с бантом [1, д. 39104, л. 2].

23 июня 1848 г. во время движения колонны генерал-майора Э.В. Бриммера Святополк-Мирский был тяжело ранен. Как следует из медицинского отчета, «пуля вошла несколько ниже правого грудного соска, прошла через правое легкое и остановилась в спине под кожей, откуда через разрез была вынута» [2]. Излечившись от раны, Святополк-Мирский возвращается в строй. Он принимает активное участие в кампаниях 1849 и начала 1850 гг., неоднократно бывая в походах и перестрелках с горцами. В феврале 1850 г. Дмитрий Иванович назначается адъютантом начальника Главного штаба войск на Кавказе генерал-адъютанта П.Е. Коцебу. В июне 1850 г. он получает чин штабс-капитана, а через год, за отличие в делах против горцев в Большой Чечне, — капитана. В следующем, 1851 г.,

Святополк-Мирский участвует в боевых действиях против горцев на реке Мичик, и 2 июня 1852 г. его производят в майоры.

Наиболее важное назначение Дмитрий Иванович получает 29 сентября 1852 г., став адъютантом главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом князя М.С. Воронцова, бывшего кавказским наместником. Святополк-Мирский состоял также в непосредственном подчинении у князя А.И. Барятинского, с которым совершил в 1853 г. повторную боевую экспедицию на р. Мичик. За отличие, проявленное в боях против горцев во время зимней экспедиции в Чечне, 9 января 1853 г. Святополк-Мирский был произведен в подполковники [1, д. 39104, л. 3].

В период Крымской войны Святополк-Мирский находился в Александропольском отряде и участвовал в сражениях с турками при Баяндуре и Курюк-Дара. Отвага и мужество Святополк-Мирского были отмечены орденом Св. Анны 2 степени.

В октябре 1854 г. Святополк-Мирского переводят в Тенгинский пехотный полк, но прослужил он там недолго. Когда Н. Н. Муравьева главнокомандующим на Кавказе (после М.С. Воронцова в 1862 г.), Дмитрий Иванович публично выступил оппонентом последнего, написав ему громкое письмо в защиту Ермолова и ермоловских порядков. В результате Святополк-Мирский вынужден был покинуть Кавказ. В 1855 г. он был переведен в Азовский пехотный полк в Крыму, с которым участвовал в сражениях с турками в Севастополе. В сражении с англо-французами на Черной речке он вновь был ранен, но остался в строю, а за проявленную доблесть был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. Распоряжением начальства Святополк-Мирского прикомандировывают к Одесскому егерскому полку, а 11 сентября 1855 г. его назначают командиром пехотного полка генерал-фельдмаршала Дибича-Забалканского. За отличия по службе Святополк-Мирский был произведен в полковники и назначен флигель-адъютантом Его Императорского Величества. В январе-феврале 1856 г. в составе отряда генерал-майора Нестерова Святополк-Мирский участвовал в зимней экспедиции в Чечне.

После окончания Крымской войны Святополк-Мирский вернулся на Кавказ, где с 1858 г. командовал Кабардинским полком и с которым совершил военную экспедицию в нагорную часть Чечни. 12 июля 1858 г. его назначают начальником Кумыкского округа, где он получает начальный опыт административной деятельности. 12 апреля 1859 г. Святополк-Мирский был произведен в генерал-майоры и

назначен начальником штаба войск в Прикаспийском крае. Тогда же он был зачислен в свиту Его Величества. В кампании против горцев в 1859 г. он был уже начальником походного штаба Дагестанского отряда генерал-адъютанта барона А.Е. Врангеля и в этом качестве принял участие в штурме знаменитого аула Гуниб [1, д. 39104, л. 5]. В 1860 году Святополк-Мирский был назначен командующим шапсугским отрядом в земле шапсугов. После пленения Шамиля и завершения военных действий на Восточном Кавказе Святополк-Мирский становится помощником командующего войсками Кубанской области, генерала Н.И. Евдокимова.

21 сентября 1861 г. Д.И. Святополк-Мирский получает чин генерал-лейтенанта и назначается начальником Терской области и командующим войсками в ней.

Покинув Северный Кавказ в связи с назначением кутаисским генерал-губернатором (в этой должности он пробыл с 1863 по 1867 гг.), Дмитрий Иванович использовал опыт, появившийся у него во время управления Терской областью. В эти годы ему пришлось подавить возмущение горцев в Абхазии и провести ряд мероприятий по введению в только что покоренной стране нового административного и судебного устройства.

В июне 1866 г. за труды «на ниве гражданского управления» Святополк-Мирский был произведен в генерал-адъютанты, награжден орденами Белого Орла (4 мая 1863 г.) и св. Александра Невского (8 ноября 1866 г.); 30 августа 1870 г. ему были пожалованы алмазные знаки к последней награде. В августе 1873 г. Дмитрий Иванович получает чин генерала от инфантерии. Кроме того, 19 декабря 1869 г. князь Святополк-Мирский был избран действительным членом и почетным председателем Кавказского отделения Русского географического общества.

За участие в составлении проектов положений об освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости в Кутаисской губернии и содействие к выполнению этого труда Святополк-Мирскому была пожалована золотая медаль.

Учитывая несомненные заслуги Д. И. Святополк-Мирского в сфере военно-административной деятельности и его богатый практический опыт, в 1875 г. его назначают помощником Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича. Князь Святополк-Мирский участвовал и в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Находясь при главнокомандующем Кавказской армией, он принимал деятельное

участие в планировании и проведении штурма Карса, получив высокие воинские награды: орден св. Георгия 2-й степени за № 108 (ноябрь 1877 г.) и орден св. Владимира 1-й степени с мечами (февраль 1879 г.). В качестве особой награды Святополк-Мирскому был передан портрет Его Величества, украшенный бриллиантами, полученный от персидского шаха, и большой офицерский крест Почетного Легиона, пожалованный президентом Французской республики.

Незаурядный ум, богатый военный и административный опыт, активная гражданская позиция, верность долгу и чести предопределили назначение Святополк-Мирского в 1880 г. членом Государственного совета. В 1881-1882 г. ему довелось исполнять обязанности командующего войсками Харьковского военного округа и временного Харьковского генерал-губернатора. 14 июня 1895 г. по случаю пятидесятилетия службы в офицерских чинах он был удостоен ордена св. Андрея Первозванного.

Д.И. Святополк-Мирский был женат на Софье Яковлевне Орбелиани. У них было трое детей: сын Петр, дочери Нина и Мария.

Умер Дмитрий Иванович Святополк-Мирский 18 января 1899 г. в Ницце.

Краткий обзор военной и административной деятельности Д.И. Святополк-Мирского позволяет говорить о нем как о незаурядном администраторе и талантливом военачальнике.

Примечания

- 1. РГВИА. Ф. 404. Оп. II. Д.39104. Л. 1-24.
- 2. Святополк-Мирский Дмитрий Иванович биография [Электронный ресурс]. URL: http://pomnipro.ru/memorypage 3273/biography/(дата обращения 7.11.2013)

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВАЙНАХСКИХ НАРОДОВ С РОССИЕЙ В XVI-XIX ВВ.

Статья посвящена анализу взаимоотношений чеченского и ингушского народов с Россией в XVI-XIX вв. как аспекту дореволюционной отечественной историографии. В работе представлены концепции разных авторов о российском «завоевании» Чечни, «подданстве» Ингушетии, итогах Кавказской войны.

Ключевые слова: историография, Россия, Чечня, Ингушетия, Кавказская война, завоевание, подданство

PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY OF RELATIONS VAINAKH PEOPLES WITH RUSSIA IN XVI-XIX CENTURIES

The article is devoted to analysis of the issue of relations Vainakh peoples with Russia in XVI-XIX centuries in the pre-revolutionary historiography, in it examines concepts about Russian «conquest» of Chechnya, «citizenship» of Ingushetia.

Key words: historiography, Russia, Chechnya, Ingushetia, conquest, citizenship

Проблеме исторического взаимодействия России с народами Северного Кавказа в отечественной историографии отведено значительное место. Историографический анализ взаимоотношений России и народов Северного Кавказа предоставляет возможность для выработки новых подходов и концепций русско-кавказских отношений в XXI веке [1, 104]. В ходе изучения поставленной проблемы ученые дают различные характеристики русско-кавказским взаимоотношениям того или иного периода. Идейные различия в исследованиях «завязаны» вокруг таких понятий, как «добровольное присоединение», «завоевание», «вхождение», «подданство» и др., при этом у

разных авторов одна и та же категория наполнена различным фактологическим содержанием. Все это создает сложную палитру мнений и оценок, которые идеологически конфликтуют и создают дискурсивное поле, требующее глубокого научного анализа.

В отечественной исторической науке первой половины XIX в. шло интенсивное изучение особенностей региона, поскольку здесь резко изменился характер российской политики. Повестку дня теперь определяла проблема завоевания народов Кавказа и включения его территории в состав Российской империи. Помочь в решении этой задачи могла историческая наука, концентрирующая свои усилия на сборе и анализе материалов, посвященных горским народам. Помимо сбора эмпирического материала о политических, экономических, социальных отношениях у автохтонных народов, появляются работы, в которых авторы стремятся проанализировать происходящие в их жизни события, изучить их природу, т.е. то, что в современной историографии выступает как сложная методологическая задача «открытия Другого». Данная установка, по мнению А. Х. Борова «выглядела как элемент военного планирования, нацеленного на определение сильных и слабых мест противника» [2, 8].

Исследуя историю взаимоотношений России с народами Чечни и Ингушетии, дореволюционные авторы рассматривали вопросы, связанные с Кавказской войной, мюридизмом, общественным и экономическим строем чеченцев и ингушей, их материальной и духовной культурой, попытками распространения христианства среди ингушского населения и др. Одной из наиболее ранних работ по истории взаимоотношений России с вайнахами, является исследование С.М. Броневского [3]. Давая оценку характера этих связей, он подчеркивает, что: «Нравы сего колена отличают его от всех кавказских народов злобою, хищностью и свирепым бесстрашием в разбоях, составляющих главное ремесло чеченцев. По сей причине, — продолжает автор, — соседство их с Российскими границами почиталось весьма беспокойным, так что сношений с ними других не бывает, кроме воинских, или временной и притворной их покорности, которая при первом удобном случае опять превращается в необузданную наглость» [4]. С. М. Броневский дает сведения о «военных поисках» российских главнокомандующих на Кавказе в 1718, 1722, 1758, 1770 гг., предпринятых с целью «усмирения» чеченцев. И «после каждого поиска, — замечает исследователь, — чеченцы приведены были к присяге,... оружием принудили их дать аманатов, которые с того времени обновляются в знак подданства» [4]. По сообщению автора, из-за частых чеченских грабежей и разбоев в зоне государственной границы, было решено «от времени до времени наводить на них страх» [5, 174].

В отличие от чеченцев, ингуши издавна ориентировались на Россию: «Аксаевские и Кабардинские князья издревле стараются утвердить над ингушами временные права завоевания наложением даней и требованием всегдашнего от них покорства. Частые разорения, наипаче от кабардинцев им причиняемые, побудили ингушей в 1770 году предаться Российскому покровительству» [4]. Автор признает факт многолетней зависимости ингушей от кабардинцев, но здесь же приводит слова ингушских старшин о том, что, несмотря на это в подчинении адыгов они никогда не были. «В 1773 году, по случаю разбирательства взаимных притязаний между кабардинцами и ингушами, ингушевские старшины представили генерал-майору Де Медему: «Что они временно платили подать кабардинцам с каждого двора по одному барану, а у кого нет барана, то на одну косу железа, однако они подвластными им никогда себя не признавали, а тем паче не признают себя с того времени, как они поступили в российское подданство, и многие из них приняли христианскую веру» [4]. Таким образом, в работе С. М. Броневского содержится важная информация, характеризующая отношения чеченцев и ингушей с российской администрацией на Кавказе.

Р. А. Фадеев [6] подробно осветил хронологию Кавказской войны, у него есть интересные высказывания о народах, участвовавших в ней, в частности о чеченцах он говорит, что они — «бесспорно храбрейший народ в восточных горах. Походы в их землю всегда стоили нам кровавых жертв. Но это племя никогда не проникалось мюридизмом вполне» [6, 75]. Последняя фраза говорит о том, что, по мнению автора, идеи мюридизма не имели здесь серьезной поддержки, как в Дагестане. А это, вероятно, облегчало задачу «покорения» чеченского народа. В 1857-1858 гг. к России была присоединена Малая Чечня. Заслугу в этом он отдает генералу Н. И. Евдокимову, поскольку в результате военной экспедиции в октябре 1858 г. «обширное пространство гор от Военно-Грузинской дороги до Шаро-Аргуна признало русскую власть» [7]. Завоевание всей Чечни произошло, как утверждает автор, в 1859 гг., в год фактического окончания Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе [7].

По истории русско-вайнахских взаимоотношений в XVIII веке

немало написано П.Г. Бутковым [8]. «Народ Ингуши, — начинает он свое повествование о них, — известные под именем кистов, или киштинцев, обитающий между рек Терека и Сунжи, будучи трудолюбив и покоен, искал освободиться от притеснения кумыков и кабардинцев. Они взошли с просьбою о том к кизлярскому коменданту, и по собственному их желанию приняты 1769 года в российское подданство и дали аманатов» [8, 300]. Ингуши, согласно автору, с древних времен «являли склонность к христианской вере» [9]. Дело с чеченским народом обстояло значительно сложнее. Как рассказывает П.Г. Бутков, «не так поступали прочие кистинского же племени народы, особенно чеченцы, издавна счисляющеся в российском подданстве» [9], они периодически нападали на казачьи станицы. Де Медем в феврале 1770 г. снарядил карательный поход и отправился в Чечню [10]. Это столкновение было далеко не последним в истории русско-чеченских взаимоотношений, поскольку чеченцы, по мнению автора, «от буйства своего не отставали» [10]. Если процесс присоединения Ингушетии обозначен как завершенный, то включение Чечни в состав Российской империи, по его мнению, только предстоит.

Интересные исторические сведения привел Н. Ф. Грабовский [11]. В 1769 году, ингуши, «как народ трудолюбивый и покойный, желая избавиться от аксайских кумыков и кабардинцев, в зависимости от которых они находились тогда, вошли с просьбой о принятии их в подданство России. В том же году они были приняты в подданство России и выдали от себя аманатов» [11, 22]. Здесь же приведены данные о попытках кавказской администрации распространения христианства, начавшихся еще с 1744 года, и в случае, если ингуш крестился, он автоматически становился «подданным» Российского государства.

Автор подмечает, что «хотя ингуши и были приняты в подданство России, но, тем не менее, фактическая зависимость их от кабардинцев, все-таки, продолжала тяготеть над ними и ингуши по-прежнему платили дань кабардинцам, в год по одному барану со двора, а у кого нет баранов, то железом на одну косу» [11, 24]. В итоге 22 августа 1810 года заключен договор между бывшим комендантом Владикавказской крепости генерал-майором Дельпоцо и представителями 6 ингушских фамилий. Он состоял из 20 пунктов, согласно которым ингуши «на вечные времена» вступали в «совершенное верно-подданническое состояние» к России, обязались российских «врагов... считать равным образом своими врагами», охранять

Военно-грузинскую дорогу от нападений соседних народов; не платить больше никогда дани «кабардинцам, чеченцам и прочим здешним магометанского закона народам»; построить дома посланным для их защиты военным и др. [11, 27, 28]. Здесь названа другая дата присоединения ингушского народа к России. Текст данного договора можно найти и в Актах Кавказской Археографической комиссии [12], которая и ввела его фактически в научный оборот.

В. А. Потто, рассказывая об экспедиции в Северную Осетию и Ингушетию в 1830 г. генерала Абхазова, пишет: «Задача, поставленная теперь перед Абхазовым, заключалась в обеспечении Военно-Грузинской дороги от разбоев соседних народов... Абхазов решил устремиться сперва на восток, чтобы смирить ингушей, и затем уже обратиться к прочному покорению Осетии» [13]. Обстоятельства этого мероприятия, сложились очень удачно, что стало неожиданностью для самого генерала. Потто констатирует: «Слабое сопротивление неприятеля показывало, что дух горских народов уже подорван. И, действительно, едва отряд вступил в Кистинское ущелье, как большая часть населения изъявила покорность» [13]. Таким образом, несмотря на обозначенные другими авторами российско-ингушские договоры 1770, 1810 гг., военные столкновения сторон не прекращались еще долгое время.

О первом посольстве вайнахов в Москву, состоявшемся в 1588-1589 гг., упоминает С. А. Белокуров [14]. Оно было отправлено влиятельным вайнахским князем Ших-мурзой [15, 18] в поисках защиты своих владений от «недругов», чтоб государь его «держал под своей рукой, а он государю рад служить,... и от государя отступен не будет до века» [15, 63]. Отношения с соседями были сложные: «А черкасы... со мною в недружбе, а для того они со мною в недружбе, что я тебе великому князю белому царю служу», — говорилось в присланной грамоте от Ших-мурзы. Отношение к России вайнахов Я. З. Ахмадов характеризует чертами средневекового вассалитета [15, 25]. Причем этот «вассалитет» существовал исходя из записей, и до посольства: «Преж сего которые ваши государевы на Тереке городы были, — и в те поры я с отцом своим Ушарым мурзою тебе, государю, верою и правдою служили» [14, 64]. Историческая ценность работы Белокурова в том, что он собрал и предоставил большой объем документального материала по истории русско-северокавказских связей.

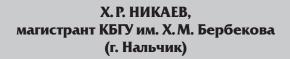
Таким образом, взаимоотношения Ингушетии и России в прошлом, приведшие к ее последующему включению в состав империи,

были менее сложными и трагичными, чем русско-чеченские взаимоотношения в XVIII-XIX вв. Большинство авторов подчеркивает завоевательный характер российской политики в регионе в XIX в. и считает присоединение Чечни одним из главных итогов Кавказской войны.

Примечания

- 1. Журтова А. А. Проблема присоединения Кабарды к России в дореволюционной отечественной историографии //Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Владикавказ, 2012. Вып. 8.
- 2. Боров А.Х. Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // Исторический вестник ИГИ КБР и КБЦ РАН. 2012. Вып. Х.
- 3. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М.: Типография С. Селивановского, 1823. Т. 2.
- 4. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе // URL: http://warweb.chat.ru/abreks.htm (дата обращения: 25.12.2013).
- 5. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. Майкоп, 2000. Т. 2.
- 6. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Fadee v_R_A/text³.htm (дата обращения: 25.12.2013).
 - 7. Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.
- 8. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 r. // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/Butkov 1/frametext8.htm (дата обращения: 25.12.2013).
- 9. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. І.
- 10. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. І. // URL: http://books.google.ru/bookssourccопераде (дата обращения: 25.12.2013).
- 11. Грабовский Н. Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9.
- 12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией/Под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1870. Т. 4; Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах. Сборник докумен-

- тов/Сост. Л. М. Парова, отв. ред. Т. Х.-Б. Муталиев. Назрань: Изд-во Ингушского НИИ, 1995.
- 13. Потто В.А. Кавказская война // URL: http://statehistory.ru/books/Kavkazskaya-voyna--Tom-5--Vremya-Paskevicha--ili-Bunt-CHechni/10 (дата обращения: 25.12.2013).
- 14. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1889.
- 15. Ахмадов Я.З. Первое вайнахское посольство в Москву (1588-1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

В статье представлен анализ работ отечественных авторов по вопросам терминов «историографический факт» и «источник», применительно к периодической печати Северного Кавказа. Показана роль и значение периодики в изучении развития исторической науки и общественно-политической мысли региона

Ключевые слова: Историография, периодическая печать, газета, журнал, рецензия, исторический источник, историографический источник, исторический факт, историографический факт.

PERIODICALS HISTORIOGRAPHIC SPACE CAUCASIOLOGY

The article analyzes the works of local authors on terms «historiographical fact» and «source», with respect to the periodical press of the North Caucasus. The role and importance of the study of periodicals in the development of historical science and political thought in the region.

Key words: Historiography, periodicals, newspaper, magazine, review, historical source, historiographical source, historical fact, historiographical fact

Являясь относительно молодой наукой, историография ставит своей целью изучение «истории самой исторической науки» [1, 3]. Важным моментом в этом процессе выступает проблема познания историографического факта, которая является ключевой в изучении историографии. Значительную роль в ее развитии сыграла советская историческая школа, состоящая из таких видных историков как А. М. Сахаров, М. В. Нечкина, А. И. Зевелев, В. П. Наумов, С. О. Шмидт, Е. Н. Городецкий, К. Н. Тарновский и др. Однако, трактовка терминов «историографический факт» и «историографиче-

ский источник» и по сей день является дискуссионной, требующий детального исследования.

Весомую роль в изучении общего и особенного во взаимоотношениях историографического факта и историографического источника сыграл известный российский историк А. М. Сахаров. Согласно его представлениям, суть этих терминов заключается в следующем. Главным историографическим фактом он считал, «концепцию учёного, которая может быть выражена в одной, или в нескольких работах. При этом содержание концепции и её воплощение не всегда совпадают (влияние политики, настроения научного общества и т.д.)» [2, 9]. С подобным мнением трудно не согласиться, учитывая, что в дореволюционный и советский периоды, цензура играла значительную роль в политическом и идеологическом редактировании (корректировании) издаваемых научных, публицистических и других работ. Подобная трактовка А. М. Сахарова совпадает с позицией М.В. Нечкиной, по мнению которой, «исторический факт является «жилплощадью» для факта историографического» [3]. Практически такой же точки зрения придерживается и М. А. Барг. Вместе с тем, по его мнению, исторический источник состоит из трёх уровней: 1) факт-событие; 2) факт, отраженный в историческом источнике (т.е. сообщение источника) и 3) факт осмысленный историком (т.е. концептуализированный факт)» [4, 154] — последний и является на его взгляд историографическим источником, что так же отстаивает и А. М. Сахаров.

Однимизоппонентов подобной трактовки, является Э. А. Шеуджен, которая утверждает, что «предложенное определение вызывает возражение как несколько общее» [5]. По её мнению более точно определение А.И. Зевелева и В.П. Наумова: «Историографическим фактом является факт исторической науки, несущий информацию об исторических знаниях, используемых для выявления закономерностей развития истории исторической науки» [5]. Вместе с тем по образному выражению академика М.В. Нечкиной, «историографический факт неисчерпаем, как атом, ибо он имеет бесконечное количество качеств, свойств, сторон, взаимоотношений» [5]. Таким образом, историографический факт базируется на историческом факте, при этом важно учитывать, что исторический факт более широкое понятие, в то время как историографический факт составляет лишь часть этого общего понятия, т.е. понятие более узкое. Подобное определение, по мнению Э.А. Шеуджен, «выглядит достаточно ёмким и, в большей степени, отражает содержание предмета историографии» [5]. Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что А.М. Сахаров и Э.А. Шеуджен в равной степени в подтверждение правоты своих взглядов апеллируют к научному наследию академика М.В. Нечкиной.

Однако кажущиеся на первый взгляд противоречия, фактически дополняя друг друга, дают нам более точное определение раскрывающее суть и многогранность историографического факта. На наш взгляд, историографический факт представляет собой всесторонний анализ концепции учёного, которая может быть представлена как в одной, так и в нескольких работах, с возможностью использования информации содержащейся в ней, для выявления закономерностей и развития исторической мысли и эволюции истории исторической науки, отражая по сути уровень развития науки.

В задачу историографа входит отбор фактов, определение их глубины и объёма научной информации, её истинности и значимости. Важно учитывать и время возникновения конкретного историографического факта: «сотворен» ли он современником анализируемых событий или автор описывает их с исторической дистанции, с ретроспективной позиции» [5]. В настоящее время многие важные методологические аспекты, связанные с анализом и оценкой историографических фактов, стали предметом научных обсуждений. В то же время «при всей их дискуссионности бесспорным остается утверждение, что историографический факт многослоен, неисчерпаем по объёму информации и способен играть решающую роль в развитии исторического знания» [5].

Историографический факт по своей функциональной нагрузке шире, чем историографический источник. Не каждый историографический факт «материализуется» в источник, но на основе историографических источников появляется историографический факт, доступный для широкого изучения (например, материалы лаборатории историка, рукописи книг и диссертаций, неизданные стенограммы дискуссий и научных конференций).

Под историографическим источником А. М. Сахаров понимает «труды историков в особой форме (монографии, статьи, заметки, выступления, тезисы, черновики и т.д.). Кроме того, к историографическим источникам относят документацию научно-исследовательских организаций (протоколы съездов, конференций, круглых столов историков, стенограммы дискуссии т. д.)» [2, 9]. Аналогичной точки зрения придерживается и С.О. Шмидт, считающий что «главными историографическими источниками признаются печатные труды

историков, и выдающиеся памятники общественно-исторической мысли» [6, 119]. Помимо этого, А.М. Сахаров и С.О. Шмидт выделяют также и особый вид историографических источников — рецензии на исторические исследования, которые не только отражают процесс утверждения концепции в науке, но и отражают гипотезы и позитивные решения.

свою очередь Э.А. Шеуджен опирается на Е. Н. Городецкого, который считает, что «определение историографического источника нуждается в большей масштабности», оно должно включать «...материалы, которые важны и необходимы для понимания процесса развития исторической науки» [5]. Из этого следует, что речь идёт о процессах, протекающих в исторической науке. Важно обратить внимание на то обстоятельство, «что в круг историографических источников включаются и такие, которые не несут прямой «историографической нагрузки», а в большей степени связаны с условиями функционирования исторической науки» [5]. Таким образом, мнение Э. А. Шеуджен об историографическом источнике, тесно переплетается с научной позицией А. М. Сахарова, в вопросе о внешнем влиянии на историографический факт политики, настроения научного общества и т.д. Таким образом, А. М. Сахаров и Э. А. Шеуджен пришли к своеобразному консенсусу, рассуждая о важности исследования условий создания (написания) той или иной исторической концепции и источника.

Оппонентами А.М. Сахарова и Э.А. Шеуджен выступают Г.В. Можаев и Н.А. Мишанкин, которые утверждают, что «историографический источник — это источник особого типа: он создаётся с целью передачи нескольких видов информации: во-первых, исторической, общественно значимой, а во-вторых, внутринаучной рефлексии истории. При этом информация в таком источнике представляется как объективная,...претендующая на непредвзятое изложение событий, научную позицию по отношению к описываемому. Мы полагаем, что историографический текст помимо открытой информации содержит значительный пласт информации латентной, позволяющей раскрыть способы моделирования восприятия исторических событий, личностей» [7]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что используя историографические источники, можно проследить не только ход исторических событий (исторического факта), но и внешнее влияние на написание историографического источника.

В данном вопросе значительный интерес представляет мнение С.О. Шмидта. В понимании видного учёного-историографа, внёсшего весомый вклад в развитие истории исторической науки: «понятие о круге историографических фактов предопределяет и понятие о круге историографических источников. Если историческим источником допустимо признать всё, что может источать историческую информацию (т.е. информацию исторического характера, полезную для работы историка), то историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений» [6, 92].

Рассматривая различные точки зрения о сути «историографический источник» и «историографический факт», важно найти место периодической печати в содержании этих понятий. Сама периодическая печать, как и «любой текстовый (в том числе и историографический) источник — это результат деятельности человека по отбору, осмыслению, накоплению и кодированию информации» [7]. В этом отношении «газетный и журнальный тексты рассматриваются нами как социально дозволяемое цензурным законодательством изъяснение индивидуального (коллективного) мышления относительно истории или историографический «текст-источник» в значении результата сотворчества мыслительной деятельности автора и научного сообщества в лице редакции издания и института цензуры, а также читателей, которым адресовалась и по инициативе которых рождалась и появлялась на страницах газеты (журнала) та или иная публикация «по части истории» [8, 10]. При этом «важно осознать тот факт, что периодическая печать «выступает как самодостаточный «текст-источник» [8, 10]. Историографический текст отражает картину мира его автора, включающую как фактографическую информационную составляющую, так и субъективные смыслы, передающие информацию об авторском отношении к объекту описания. Модель мира, события или исторического процесса представленная в тексте, может быть максимально эксплицирована посредством применения информационного подхода, предполагающего применение междисциплинарных методик анализа.

Не менее интересную точку зрения высказывает П. А. Кузьминов, указывающий, что понятия «историографический факт» и «историографический источник» несут во многом одинаковую смысловую нагрузку, отражая многогранную информацию о развитии науки [9, 11]. В его понимании в центре внимания учёного должны находиться «малоизученные проблемы познаваемости газетных и журнальных

статей, очерков, представленные как историографические источники и факты, анализ которых позволяет проследить важнейшие этапы» в истории Северного Кавказа путём «...концептуального осмысления периодической печати региона, дореволюционного периода» [9, 5]. При её изучении, важно осознавать, что «внимание историков исторической мысли не могут не привлекать проблемы: историческая тема в популярных общественно-политических, научных, литературно-художественных журналах и в газетах; проявление интереса к историческим событиям, к историческим личностям (и соответственно к использованию собственно исторических источников) у писателей, деятелей искусства» [6, 126].

В XIX в. на Кавказе энергично развивалась периодическая печать, что способствовало как «накоплению материалов о различных сторонах жизни народов Кавказа» [9, 36], так и появлению выдающихся общественно-политических деятелей того периода. Концентрация материалов в административных учреждениях содействовала открытию на Кавказе сначала официальных периодических изданий, а впоследствии и частных. Таким образом, речь идёт о роли, которая отводилась российским научным сообществом журналистике в развитии историографической традиции, научной исторической мысли и массового исторического сознания в дореволюционный период. М.П. Мохначёва связывает процесс «наплыва исторического и этнографического материала в губернских ведомостях» с «появлением любителей археологии и этнографии в регионе» [8, 14]. С момента появления периодической печати, исторические материалы занимали значимое место на её страницах. Это обусловлено неиссякаемым (вечным) интересом человека к своей истории, культуре и потребностью в получении своевременной информации о событиях, происходящих в стране и мире. При этом «наличие исторических материалов на страницах периодической печати уже само по себе достаточно предметно характеризует историческое сознание на индивидуальном и коллективном уровнях бытования, отражает состояние исторической науки и исторического знания через проблемно-тематический подход к освещению истории и концептуальные построения, воплощенные в публикуемом тексте» [8, 9].

Огромную роль в изучении и публикации исторических сведений о народах Кавказа сыграли крупнейшие газеты, журналы, ежегодные периодические издания: «Кавказ (Тифлис), Ставропольские губернские ведомости (Ставрополь), Терские ведомости (Владикавказ),

Кубанские войсковые (областные) ведомости (Екатериноград), Казбек (Тифлис), Терек (Владикавказ), Новое обозрение (Баку), Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис), Сборник сведений о Северном Кавказе (Ставрополь), Терский сборник (Владикавказ), Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис) и др.» [9, 36]. В них были отражены результаты работы ведущих общественных деятелей и учёных Кавказа и России. «Творчество» данных изданий является ценнейшим историографическим источником по истории Кавказа в виду того, что они «варятся в собственном соку» и стоят особняком в научной жизни России и Европы» [9, 9]. Это подчёркивает необходимость и актуальность историографических исследований в целом и кавказоведения в частности. Однако в настоящее время «проблема заключается в том, что многотысячный коллектив учёных-историков до сих пор не создал обобщающего труда по истории зарождения, становления и развития исторической науки в Северо-Кавказском регионе» [9, 9]. В сложившихся условиях изучение периодической печати как историографического источника, является крайне важной частью истории развития общественной мысли и исторической науки Северного Кавказа.

Подавляющее большинство исторических исследований по новой и новейшей истории России, и Северного Кавказа в частности, невозможно представить без привлечения материалов периодической печати, являющихся ценнейшим историческим и историографическим источником. Однако, несмотря на это, периодика по-прежнему остаётся малоизученной страницей исторической науки, несмотря на то, что она представляет собой огромный пласт работ на основании которых, можно внести неоценимый вклад в изучение как истории народов Северного Кавказа, так и историографии, развития общественно-политической мысли региона.

Примечания

- 1. Наумова Г. Р., Шикло А. Е. Историография истории России. М., 2008.
- 2. Цит. по: Сидоренко О.В. Историография IX нач. XX вв. Отечественной истории. Владивосток, 2004.
- 3. Бычков С.П., Корзун В. П. Введение В историографию истории отечественной XXОмск. 2001. URL/http://cornholio.narod.ru/history6/chapter1par3.htm
 - 4. Кузьминов П. А. Эпоха преобразований 50-70-х годов XIX у на-

- родов Северного Кавказа в новейшей историографии. Нальчик. 2011.
- 5. Шеуджен Э.А. Историография. История исторической науки. Курс лекций. Майкоп, 1999. URL. http://www.history.perm.ru/modules/smartsection/print.php?itemid=29
- 6. Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М. 1997.
- 7. Можаева Г. В., Мишанкина Н. А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) URL. http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/294/image / $294_52-60.pdf$
 - 8. Мохначёва М. П. Журналистика и историческая наука. М. 1999.
- 9. Кузьминов П. А.. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009.

ЭТНОГЕНЕЗ АДЫГОВ В РАБОТАХ ШКОЛЫ РОМАНТИЗМА

Статья посвящена исследованию теории этногенеза адыгов. Автором рассматривается влияние европейского романтизма на существовавшие в XVIII-XIX вв. миграционные теории происхождения адыгов. В основном, затрагиваются версии об арабском, аравийском и киммерийском происхождении адыгов.

Ключевые слова: этногенез, романтизм, адыги, теория, концепция.

ETHNOGENESIS ADYGEA IN SCHOOLS ROMANTICISM

The article investigates the theory of ethnogenesis Circassians. The author considers the impact on the existing European Romanticism in XVIII-XIX centuries. migration theory of the origin Circassians. Basically, the affected versions of Arabic, Arabian and Cimmerian origin Circassians.

Keywords: ethnogenesis, romanticism, circassians, theory, concept.

В Европе на рубеже XVIII-XIX вв. формируется идейно-художественное движение, впоследствии получившее название романтизма. Романтизм во многом повлиял на направления и школы в искусстве и литературе, содействовал изменениям в науках, общественной мысли и философии европейских стран и России. Свое выражение романтизм нашел и в историческом знании. В сочинениях романтиков смысловые акценты были расставлены следующим образом: движение истории понималось, как естественный процесс. У всех явлений появилось дополнительное — историческое измерение: их следовало рассматривать в становлении, развитии, расцвете и упадке. Все явления прошлого виделись авторами-романтиками как неповторимые, уникальные. Так, в исторических сочинениях романтизма

складывалось ощущение дистанции между настоящим и прошлым. Такой взгляд подразумевал, что все без исключения эпохи, как необходимые стадии роста человеческого сообщества, были по-своему значимы. Народы, государства и культуры, согласно концепциям романтиков, развивались естественным образом. Особой притягательностью обладали сюжеты, связанные с изучением народного творчества. Считалось, что дух народа, присущий ему неповторимый гений наиболее ярко проявлялись в языке, фольклоре, преданиях и обычаях. Романтики собирали и публиковали тексты народных песен, легенд, обрядов, т.е. источники, считавшиеся прежде не важными, не заслуживающими внимания «серьезных историков». Эта деятельность заложила основы будущих культурно-антропологических исследований [1].

Большое влияние романтизм оказал и на исследователей, которые изучали Кавказ со второй половины XVIII века, когда началось систематическое научное изучение региона. Этот период представлен историческими сочинениями путешественников и исследователей, которые заложили, ставшие традиционными, существующими до настоящего времени, направления научных исследований. Среди них — изучение древней этнической истории народов Северного Кавказа, локализация древних народов, топонимика региона, изучение социального строя и быта северокавказских народов, археологические, лингвистические и эпиграфические исследования [2, 209-210].

Решающее значение, в изучении народов Северного Кавказа, по словам П. А. Кузьминова, сыграло строительство Кизляра и Моздока в XVIII веке, а затем крепостей и форпостов Кавказской линии, появление администрации, призванной «присматривать» за народами Северного Кавказа, обусловивший осознанную необходимость в точных сведениях о политическом и социальном устройстве горцев, их взаимоотношениях между собой, численности, древней истории и т.д. [3, 27].

Но еще в глубокой древности ходили легенды о необычайном многоязычии Кавказа. Этот факт неизменно подчеркивали греки и римляне, арабские, персидские и европейские географы средневековья, при этом назывались цифры от семидесяти до трехсот. Арабский историк и путешественник X в. Масуди отмечал: «Гора Кавказа — гора языков».

Существование многоязычия на Кавказе и происхождение населяющих его народов всегда интересовало не только исследователей,

но и самих носителей языков, и это породило множество легенд и преданий. Согласно этим легендам (и теории) Кавказ издревле был местом прохождения многочисленных народов и племен, часть которых оставалась на различных отрогах и склонах Кавказа [4].

Более или менее подробные и достоверные сведения об адыгах в европейской литературе встречаются с XV-XVI вв., в произведениях путешественников иностранцев, по тем или причинам попадавших на Северный Кавказ. С этого времени происходит накопление этнографических и исторических сведений о местном населении. Исторические и географические сочинения того времени носили преимущественно описательный характер. Но наряду со сведениями о быте в этих трудах встречаются суждения об этнической принадлежности и происхождении черкесов и кабардинцев, со ссылкой на этногенетические, в частности генеалогические предания самих адыгов о своем происхождении. Сущность этих сказаний сводится к тому, что адыгов под предводительством Арабхана, Кеса, Инала или какого-либо иного руководителя они выводят из Аравии, Египта и Восточной Малой Азии, направляют сперва в Крым и через некоторое время поселяют на Западном Кавказе [5, 13].

Первые гипотезы, возникшие еще в XVIII-XIX вв., носят явные следы влияния старой вульгарно-миграционной теории происхождения народов. Адыгам приписывалось арабское, сарматское, тюркское и даже славянское происхождение. Их предками считали выходцев из Аравии, Египта, Сирии. Некоторые полагали, что адыги берут свое начало от абиссинцев, индусов. [5,14].

Проблема этногенеза адыгов в российской историографии фигурирует, как было сказано выше, с середины XVIII века. Академик Петр Симон Паллас, приглашенный императрицей Екатериной II для научной работы в Россию, в 1793 году совершил путешествие на Северный Кавказ. Описание своей поездки и собранного этнографического и прочего материала Паллас дал в своем сочинении на немецком языке «Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.», изданном в Петербурге в 1799-1801 гг. Характерно, что к «абаза» Паллас причисляет натухайцев и шапсугов. Кабардинцев он, ссылаясь на их предания, выводит от арабов. Далее он указывает на миграции кабардинцев по регионам южной России в древности и заключает, что время их оседания в районе Центрального Кавказа неизвестно. Общим родоначальником черкесских князей Паллас считает Инала. Он приводит генеало-

гическую таблицу кабардинских Иналидов. Он пишет: «Кабардинцы считают себя по происхождению арабами; может быть это остатки тех войск, которые халифы когда-то посылали на Кавказ. Другие же ведут их происхождение от мамелюков. Что они когда-то жили в Крыму, на это указывает предание, которое еще подтверждается существующими названиями. Верхняя часть реки Бельбек в Крыму до сих пор еще называется Кабарда и вся прекрасная страна между этой рекой и Качей Черкес-тус. Когда они расселились по Кубани и в районе Бештау нельзя твердо установить. Они называют себя сами как все черкесские племена, адыге» [6, 216-218].

Довольно примитивную схему Палласа продолжил один российский академик немецкого происхождения Генрих Юлиус Клапрот, который составил обширный двухтомный труд «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.», изданный в Берлине в 1812 г. Проблема черкесского этногенеза Клапротом сводится к рассмотрению генеалогии кабардинских князей, которых он возводит к легендарному Арап-хану. После Арап-хана, по Клапроту, следует Хурпатайя, а после него Инал. Как и Паллас, Клапрот считает, что первоначальным местом расселения аравийских или египетских беглецов стали окрестности Анапы. Приводя кабардинскую легенду, Клапрот сомневается в ее реальности на основании того, что черкесский султан Инал (1453 г.) значительно старше, чем третий представитель в роду основателей кабардинской династии Иналидов. Так он отмечал: «Их первого основателя звали Арап-Хан, и он, должно быть, был князем из Аравии, давно появившийся оттуда в Шанчир, теперь совершенно опустошенный город, находившийся недалеко от Анапы в земле натухайцев, которые обязаны своим происхождением князья темиргой и все черкесы. За Арап-Ханом следовал его сын Хурпатайя, оставившей после себя также сына Инала, известного по имени Рэф, т.е. раскосый, который рассматривается князьями из Большой и Малой Кабарды, как их общий предок» [7, 258-259].

Клапроту принадлежит заслуга в составлении первого подробного описания «племенного состава населения» Северного Кавказа, социально-политического строя, нравов, обычаев горских народов (адыгейских племен, абазин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, ингушей, осетин). Имея прекрасную общелингвистическую подготовку, владея рядом восточных языков, Клапрот уточнил лингвистическую классификацию народов Северного Кавказа и сделал очень

многое для актуализации исследования проблемы этногенеза северокавказских народов [2, 216-217].

Другой польский писатель, ученый-археолог, путешественник Ян Потоцкий в своей работе «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» трактует подобную версию происхождения адыгов. Он пишет: «Абдун-Хан, в сопровождении небольшого числа подданных, прибыл к императору Константину; там он оставался некоторое время; затем он покинул его двор и отправился в Крым, где он обосновался на реке по названию Кабарда. Там у Абдун-Хана родился сын, которого он назвал Кисрай. Оттуда на кораблях они пришли в Суджук-Кала, и оттуда по суше добрались до устья Кубани, до места в шести часах пешего марша, называемого Кизил-Таш. Там они стали многочисленнее, там же умер Абдун-Хан. После его смерти его сын Кесс стал халифом, потом его сын Хруфатайя. После смерти Хруфатаи ему унаследовал его сын Инал» [8, 229].

По форме изложения труд Я. Потоцкого представляет собой путевой дневник с авторскими комментариями. Это уже не традиционный жанр «ученого путешествия», а своеобразный очерк жизни народов Северного Кавказа. Сопровождающие рукопись иллюстративные материалы являются этнографическим источником, так как дают представление о быте, культуре и особенностях местного населения.

Труд Я. Потоцкого, долгое время недооцененный в отечественной историографии, характеризуется высокой степенью достоверности и информативности. Появившийся на заре кавказоведения он явился своеобразным этапом в изучении Северного Кавказа в этот период [2, 216]

Кроме того, авторы того времени сделали и ряд верных замечаний. Для Г.Ю. Клапрота, А. Ламберти, Дж. Лукка, Ж. И. де Бесса, И. А. Гильденштедта не было сомнений в этническом родстве абхазов и адыгов [5,14].

В российской историографии XIX столетия проблема адыгского этногенеза затрагивалась также в работах И.Ф. Бларамберга, Н. Дубровина, Л. Я. Люлье, А. Филипсона, Ф. А. Щербины.

Офицер Генерального штаба генерал-майор Иван Федорович (Иоганн Франсуа) Бларамберг (1800-1878) является автором самой известной работы по истории и этнографии Кавказа — «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа», представляющей собой поистине энциклопедию этнографии Кавказа. Помимо этнографических данных в ней содержится

большое количество исторических материалов, а также сведения о ряде археологических памятников Северного Кавказа, о древнейшей истории северокавказских народов. Он впервые, высказал мысль о киммерийском происхождении черкесов. Он пишет: «Близ устья реки Кубани жили синды, которые были, по-видимому, фракского (фракийского) или киммерийского происхождения» [9, 109].

Большую ценность для историографического анализа имеют статьи Леонтия Яковлевича Люлье, написанные им в первой половине XIX века, которые были помещены в «записках Кавказского Отдела Русского Географического Общества». Среди них особенно следует выделить следующие работы: «Общий взгляд на страны занимаемые: Черкесами (Адыге), Абхазцами (Азега) и др. смежными с ними», «О Натухажцах, Шапсугах и Абадзехах». В этих статьях Л.Я. Люлье определяет разделение адыгских племен на отрасли с обозначением географического положения местожительства каждого из них, сообщает предания о времени их появления на Кавказе; входит в критическую оценку известий об этих племенах, сообщаемых различными лицами; несколько догадок о происхождении, как этих племен, так и соседних с ними убыхов; язык трех поколений. Говоря о происхождении адыгов, он пишет: «Кабардинцы считают себя аравийскими выходцами и при этом повествуют следующее: Вследствие междоусобных раздоров, один из народных предводителей переселился со своими подвластными и приверженцами в Анатолию. Далее предание гласит, — не определяя тоже эпохи, — что выходцы предприняли другое переселение и очутились в Крыму. Каким путем они следовали, кто был их предводитель, неизвестно. Из Крыма выходцы перешли на Кавказ» [10]. Все эти статьи, несмотря на свою краткость, составляют весьма драгоценный историко-этнографический материал, собранный правдивым и обладающим огромным запасом сведений наблюдателем, прожившим более пяти лет среди черкесских племен и изучившим их язык, что придает огромное преимущество его труду перед другими.

Переходя к выводам, следует сказать, что ведущую роль в изучении региона, в период который мы рассматривали, сыграла Санкт-Петербургская Академия наук, чьи экспедиции заложили фундамент научного кавказоведения и позволили проникнуть в историю народов Северного Кавказа. Они проводились, в первую очередь, в интересах социально-экономического освоения новых земель и в рамках «натуральной истории». Перед учеными была поставлена задача —

связать изучение края с потребностями его дальнейшего развития, дать практические рекомендации по использованию его ресурсов. Деятельность «академических экспедиций» в области исторических исследований развивалась по двум направлениям: научно-поисковому (сбор исторических источников) и научно-исследовательскому (написание обобщающих трудов). Особенностью ее было повышенное внимание к сбору фактических данных о различных сторонах жизни и деятельности многочисленных народов региона [2, 218].

Примечания

- 1. Репина Л. П. История исторического знания: пособие для вузов. М., 2006./URL: Дата обращения 7.10.13.
- 2. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII века начало XX века. Ставрополь, 2011.
- 3. Кузьминов П. А. Эпоха реформ 50-70 годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009.
- 4. Абдуллаев И.Х. К истории становления и развития дагестанского языкознания. // URL: http://www.iyalidnc.ru/ Дата обращения: 20.04.2013 г.
- 5. Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998 г.
- 6. Паллас П. С. Заметки о путешествиях в Южные Наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Под ред. Гарданова В. К. Нальчик, 1974 г.
- 7. Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Под ред. Гарданова В.К. Нальчик, 1974 г.
- 8. Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII-XIX вв. Под ред. Гарданова В. К. Нальчик, 1974 г.
- 9. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999.
- 10. Люлье Л.Я. Черкессия: историко-этнографические статьи// URL: http://www.elot.ru/ Дата обращения 12.10.13.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена семейно-брачным отношениям осетин в XIX веке. На материалах периодической печати, архивных документов, авторских полевых исследований рассматриваются конфликты, возникающие в процессе заключения брака и брачного договора, и те принципы мирного разрешения, которые предлагались принятыми нормами осетинского права. Особое внимание уделяется тем формам брака, которые имели место в рассматриваемый период.

Ключевые слова: заключение брака, калым, умыкание, левират, сорорат.

REGULATION CONJUGAL RELATIONS TRADITIONAL OSSETIAN SOCIETY

The article is devoted to family and marriage relations of the Ossetians in the XIXth century. The conflicts arising in the course of marriage and marriage contracts, the principles of peaceful resolution which were adopted by the standards of the Ossetian law are studied through the periodicals, the archival documents and the author's fieldwork. The special attention is paid on those forms of marriage taking place in this period.

Kew words: marriage, dowry, abduction, levirate, sororate.

Семейно-брачные отношения, как и заключение брака, в традиционном осетинском обществе регламентировались целым комплексом запретов и регламентаций. Необходимо учесть, что во всех обществах Осетии имелись свои специфические особенности, однако, существовали некоторые общие брачные ограничения. Прежде чем перейти к самой процедуре заключения брачного договора, необходимо описать те виды запретов, которые соблюдались в брачных отношениях.

Базовым принципом брачной политики осетин, как традиционной, так и современной, является отсутствие возможности заключения брака между людьми, состоящими даже в отдаленном родстве. В брак не вступали не только со своими однофамильцами, но и однофамильцами матери, а также бабушек с обеих сторон. Более того, исключался брак и между амхæрафырт, т.е. теми, у кого однофамильцами являлись матери. Исключения из этого правила встречается в литературе, в частности, этнолог И. Т. Марзоев, указывая на бытовавшие случаи, когда сын женился на однофамилице своей матери или бабушки, объяснял это явление тем, что избранница происходила из другой, более отдаленной ветви фамилии. Данное явление автор считает влиянием ислама на осетинскую аристократию [1, 118].

Вторым важнейшим запретом в рассматриваемый период было заключение, но уже для алдара, официального брака с лицом более низкого социального статуса, так называемая «сословная эндогамия». Так, А. Шегрен отмечал, что «...равенство браков соблюдается очень строго; старшина (наш дворянин) ни за что не выдаст свою дочь за фарсаглага... Таким же образом и фарсаглаг не выдает своей дочери за человека ниже его состоянием; а себе жену из низшего состояния» [2, 52]. Среди высшего сословия Осетии было принято заключать браки между собой, но приветствовались также браки с кабардинской знатью. К примеру, в описаниях брачных отношений в Дигорском обществе, исследователи отмечают, что жених и невеста должны были быть равными и по происхождению и по положению; «поэтому у дигорцев не было примера неравных браков» [3].

Тот же вывод встречается в источниках при исследовании и других обществ Осетии. «Тагаурские алдары в замужество из фамилий фарсаглагов и кавдасардов никого не брали, также и не отдают дочерей за означенные фамилии» [4, 40].

Одним из важных условий заключения брака являлось оформление брачного договора, выражавшегося в уплате калыма. Калымом

являлась та сумма, которую семья жениха должна была выплатить за невесту. Размер калыма ирад определяли до заключения помолвки путем устного договора между семьями. Сначала эта сумма определялась свободным договором. Размеры калыма устанавливались исходя из родовитости фамилии [5, 60]. Установленный для каждой фамилии размер калыма чаще всего оставался неизменным. Он выплачивался крупным и мелким рогатым скотом, который являлся главным эквивалентом при обмене, а также дорогими вещами, среди которых особенно ценились медный котел для варки пива и оружие. В начале XIX века размер калыма составлял 30-100 быков [6]. В сборнике адатов 1844 года в Дигорском обществе старшине за дочь полагался калым в размере 60 голов рогатого скота, тогда как у фарсаглагов он составлял 10 голов. По получении калыма старшина раздавал по 3 скотины ближайшим родственникам — братьям и дядям. В Тагаурском обществе за девицу отдавали 100 быков или 1000 рублей серебром. Куртатинское общество установило калым размером в 100 коров [4, 40-44]. Калым не соответствовал экономическому положению народа и вел к разорению сельского хозяйства — единственного источника существования. В архивный фондах сохранилось следующее описание размера калыма, который дает некий Б. Х.: «Я при сговоре подарил 20 рублей и подарков на 15 рублей. Калым мой состоял из 15 овец, 2 быков, 2 коров. На свадьбу я предоставил жертвенное животное, мешки муки и подарки. Это был калым бедняка» [7].

Зачастую сверх калыма преподносили еще и дорогие подарки, такие как, сабля, ружье, хороший конь и т.д. В Куртатинском обществе имел место следующий случай: Г. С. сватал сестру Т. Т. Сверх калыма Т. Т. требовал верхового коня, а в противном случае угрожая сорвать его брак с сестрой. Г. С.; жених, влюбленный в девушку, расстался с конем [8].

В сборнике адатов 1866 года у бадилят — высшего сословия Дигорского общества полагался калым в 650 рублей, за девушку из простолюдин уплачивали 150 рублей. Высшее сословие Тагаурского общества установило калым в размере 420 рублей [4, 67-68].

Как правило, калым выплачивался дробно. Сама невеста не вправе была принимать выплаты, так как калым являлся собственностью ее семьи. Если ее отец был в живых, то он принимал калым, если нет, то он передавался братьям невесты, а в случае отсутствия братьев, родственникам по мужской линии. Преимущество отдавалось тем, в чьем доме воспитывалась невеста [9, 245].

Однако представители всех сословий следовали общему правил, фиксированному в адатах. В случаях, если брак не состоялся после уплаты полного размера калыма или одной его части, то уплаченное следовало возвратить. Расторжение брачного договора подлежало обязательному аргументированию. Семье жениха в этом случае необходимо было привести весомые доводы своего решения. Так, в 1862 году житель с. Бад, Т. Н. заплатив за девушку Г. Р. полный калым, узнал о ее отношениях с соседом С. Дж. Не договорившись с родителями невесты, которые отрицали данную информацию, Т. Н. обратился в народный суд. Выслушав показания свидетелей, которые подтвердили подозрения жениха, народный суд постановил: «вернуть калым Т. Н., а также подозреваемый уплачивает штраф в размере 80 рублей жениху и жениться на Г. Р.» [10, 320-321].

Одним из вариантов разрешения вопроса о выплате калыма и заключении брака было такое явление как мидагмой — «внутренний муж», муж, вселяющийся в дом жены [11, 115]. Это явление было редким и считалось унизительным для мужчин. Основной причиной такой формы заключения брака была отработка калыма. На такой вид заключения брака обычно соглашался парень из очень бедной семьи, а также если у него было мало родственников, на которых можно рассчитывать в сборе калыма. Н. Жданов приводит следующее: «Не всякий осетин может выкрасть себе невесту и не у всякого найдется средства для выкупа за нее. В таком случае жених должен поступить в работники к своему будущему тестю и заработать себе жену своим личным трудом. Лишь после долгого служения, иногда проработав 6-8 лет, он получает право жениться на избранной девушке» [12, 58]. Обычно его брали пастухом. Отработав обусловленный договором срок, (А. Хадикова указывает 5 лет), жених увозил невесту в свой дом [13, 191]. Данная форма заключения брака не носила массового характера и не приветствовалась среди холостых мужчин.

Умыкание скъюфт у осетин не являлось нормой обычного права и могло вызывать негативные последствия, вплоть до кровомщения. К похищению девиц прибегали бедные крестьяне с целью сокращения свадебных расходов. Умыкание в большинстве случаев случалось по взаимному сговору. Дату и время похищения жених и невеста назначали с помощью посредника.

В осетинском обычном праве спорным вопросом считались обстоятельства повторного бракосочетания вдовы или разведенной женщины. На этот случай также были разработаны особые регламентации. Известно, что члены Тагаурского общества вынесли общее решение выплачивать калым за вдову только по согласию обеих фамилий. Единственным условием было то, что калым за вдову или разведенную женщину должен был быть меньше, чем за девицу. «За вдову платили по обоюдному согласию с обеих сторон, но по уменьшенной цене сравнительно с калымом, платимым за девицу. С 1830 года, по общему добровольному согласию между обществом тагаурских алдар, сделано условие платить: за девицу 300 руб. серебром и лошадь, стоящую 30 руб. серебром. За вдову по усмотрению же родственников и согласию их между собой» [4, 40].

В Куртатинском обществе за молодую вдову был установлен калым такого же размера, что и за девицу, то есть 100 коров, за женщину в возрасте платили не более 20 быков [4, 42-43]. В сборнике адатов 1866 года Дигорское общество установило калым за вдову в размере 500 рублей; в Тагаурском обществе алдары требовали 420 рублей калыма, как за девушку, так и за вдову [4, 69]. Нередко калым присваивали себе не только родственники жены, но и родственники покойного мужа.

В исследуемый период в Осетии еще наблюдались случаи левирата. Родственники мужа были заинтересованы в заключении брака между вдовой и братом умершего, так как во-первых, если она уходила в родительский дом или выходила замуж за представителя другой фамилии, они теряли рабочую силу; во-вторых, если среди детей умершего были сыновья, то им необходимо было отдать долю отца. При левирате имуществом умершего распоряжался его брат. Следует учесть, что дети оставались в семье умершего отца. Вероятно, что основной причиной согласия вдовы на левират было именно нежелание оставлять детей.

Однако в нескольких случаях за вдовой оставалось право выбора: «Если вдова не имела детей и не хочет вновь выйти замуж, то новый муж должен заплатить семейству, из которого она выходит, половину покупной цены» [14, 80].

Ввиду того, что жена или дочь никогда не наследовали, то выходит, что вдова не получала доли после смерти мужа. Если она все-таки уходила в родительский дом, то она имела право забрать предметы из своей комнаты [15, 154]. На это указывает и цитата из сочинения А. Есиева «... жена, уходящая из дома умершего, может забрать все вещи и все убранство своей комнаты» [16, 379]. Калым не возвращался, о чем свидетельствует адат «Если вдова не пожелает остаться в доме бывшего ее мужа и уходит к родным, то калым тоже не возвращается» [4, 66].

Если у покойного было несколько братьев, то среди них вдова сама могла выбрать себе мужа. На это указывал и А. Яновский «После смерти мужа родной брат должен жениться на оставшейся вдове, хоты бы он и был женат; впрочем, более двух таких жен иметь не позволяется. Если же после покойного осталось несколько братьев, каждый из них желает взять вдову, то спор решается ее собственным выбором» [2, 199]. При левирате калым имел место. В адатах Дигорского общества этот факт оговаривается следующим образом: «Если брат умершего бадилята женится на вдове покойного, то уплачивает вторичный за нее калым 150 рублей», а также в сборнике адатов Тагаурского и Куртатинского обществ 1866 года: «Если брат женится на вдове своего брата, то платит за нее вторичный калым, равняющийся 3-й части первого, т.е. 140 рублей» [4, 38].

Приговором осетинского народа 1859 года левират пытались отменить. Полковник М. Кундухов, по инициативе которого приговор был составлен, утверждал, что «вдову братья мужа удерживать или заставлять выйти замуж за кого- либо из них не могут, если она сама того добровольно не пожелает; как у Христиан, так и у Магометан, жена после смерти мужа остается свободною и может выходить замуж за кого ей угодно; но у Христиан же выходить замуж за родственников прежнего мужа воспрещено церковным уставом» [17, 19].

Крупнейший исследователь осетинской этнографии А. Х. Магометов указывал на существование у осетин и такого обычая как сорорат в форме вступление в брак вдовца с сестрой умершей жены [18, 114]. Главным фактором в данном случае были интересы детей, а также имущественный платеж — калым, который мог быть меньше.

Запреты и регламентации, принятые в осетинской традиции, а также правовые нормы брачной политики осетин были чрезвычайно развиты и, безусловно, являлись весомой частью не только семейного, но и общественного уклада.

Примечания

- 1. Марзоев И. Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIIIнач. XX вв. Владикавказ, 2011.
- 2. Яновский А. Осетия // Обозрение российских владений за Кавказом. ч. II. СПб., 1836.

- 3. В. Х. Кое-что о дигорцах // Кавказ. 1887. № 340.
- 4. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса. 1883. Вып. II.
- 5. Дзагоева Э.П. Женское пространство в хозяйстве традиционной осетинской семьи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-2 (37). С. 59-62.
 - 6. Терские ведомости.1887. №4.
- 7. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ). Отд. Литература. Ф, Фольклор, д.122, п.92.
 - 8. НА СОИГСИ Ф. 4. Оп. 1.
- 9. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т.2. 410 с. Репринтное воспроизведение. Владикавказ: Алания, 1995. 410 c.
- 10. Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе (ССК). Тифлис, 1872. Т.2. с.258-325.
- 11. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.: Академия наук СССР, 1958. Т.1. 656 с.
 - 12. Жданов Н. Рассказ о кавказском племени осетинах. М., 1898.
 - 13. Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003.
- 14. Канукова З. В. Гутиева Э. Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). C.71-82.
- 15. Канукова З. В., Дзагоева Э. П. Женская одежда в традиционной культуре осетин // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 1 (18). C. 152-155.
- 16. Есиев А. Обычное земельное право и право землевладения горных осетин терской области // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ, 2006. T. VI.
- 17. Приговор осетинского народа. Владикавказ, 2011. Репринтное воспроизведение издания 1859 г. 25 с.
- 18. Магометов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974. 364 с.
 - 19. Осетины / Отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М., 2012.

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ КОНЕЦ XVIII-XIX ВВ.

В статье исследуются наследственные права женщины в традиционном осетинском обществе, в период с XVIII до конца XIX века. На основе анализа источников по обычному праву осетин, выявляются этногендерные изменения и модернизационные перемены в наследственном праве во второй половине XIX века: включение наследников мужчин по женской линии, а также появление возможностей наследственных прав для женщин.

Ключевые слова: наследственное право, адаты, женщины-наследницы, агнаты, когнаты, имущество, трансформация, матрилокальный брак.

INHERITANCE RIGHTS OF WOMEN IN TRADITIONAL OSSETIAN SOCIETY END XVIII-XIX CENTURIES

The article analyses woman's inheritance rights in the traditional Ossetian society from the XVIIIth till the end of XIXth centuries. It presents an attempt to reveal some gender and modernization changes in the second half of the XIXth century such as inclusion the male heirs of female line and possibilities of inheritance rights for women on the basis of the sources of Ossetian customary law.

Key words: inheritance rights, adats, female heirs, agnathies, cognates, possessions, transformation, matrilocal marriage.

Гендерная ассиметрия проявлялась во многих сферах жизнедеятельности традиционного осетинского общества, особенно в имущественном и наследственном праве. Поэтому проблема наследования имущества занимает одну из ключевых позиций в исследовании этногендерных процессов. Развитие наследственного права в осетинском

обществе началось с появлением первых семейных разделов, которые широко распространились на фоне пореформенной модернизации осетинского общества, обусловленной его интеграцией в российское экономическое и социокультурное пространство, проведением буржуазных реформ, массовым переселением горцев на равнинные земли. Эти явления несли в себе реальную динамику общественного развития и привели к глубокой трансформации жизнедеятельности осетин: традиционные структуры вступали в противоречие с новыми условиями жизни социума [3, 288-289].

В этот период актуализировался вопрос о правах родственников на наследование имущества, и сформировалась система очередности в наследовании.

Правила наследования отразились в нормах обычного права осетин. В XIX в. адаты были собраны исследователями А. Г. Яновским, Т.А. Норденстренгом и Ф.И. Леонтовичем. Эти документы составили источниковую базу для изучения наследственного права в осетинской семье. По исследуемой теме широко известны работы М. М. Ковалевского, В. Пфафа, М. О. Косвена, которые осветили общие принципы развития наследственного права в Осетии.

Нормы обычного права предусматривали в наследовании разделение имущества в первую очередь между прямыми агнатами, и исключали из числа наследников женщин. Имущество умершего отца разделялось между сыновьями на равные части, старший и младший из сыновей получали дополнительно к первой части имущества надбавку. Для старшего брата надбавочная часть была больше, чем для младшего. Одновременное присутствие майората и минората являлось в осетинском наследственном праве исключительной особенностью. Отсутствие нисходящих наследников включало в наследование родственников первого колена — братьев умершего, затем всех дальних агнатных родственников. Наследование имущества бездетного члена семьи, например сына, включало в наследники наравне с братьями умершего и его отца. Наследственное право осетин предусматривало наследование нисходящих, восходящих и боковых агнатов, что ограничивало имущественные права дочерей. Причиной для исключения дочерей из числа наследников в традиционном обществе оставалась забота о сохранении родового движимого и недвижимого имущества в пределах семьи. Дочери-наследницы, выданные замуж, могли быть реальной угрозой целостности родовой собственности, отчуждения их доли в пользу новых родственников [5, т. 1, 319].

В сборнике адатов 1844 года в Куртатинском, Алагирском и Тагаурском обществах предусматривался выдел части наследственного имущества на содержание вдовы — матери и сестер [8, 24]. Адат предусматривал для женщин право выбора между опекунами — сыновьями. Согласно нормам обычного права, содержание матери и сестер являлось обязанностью младшего из сыновей. В случае смерти матери ее вдовья часть подлежала разделу по общим принципам наследования. При разделении материнской части имущества дочери также были лишены прав наследства. Незамужние сестры содержались в доме брата до выхода замуж, впоследствии полученный за них калым разделялся между братьями на равные части, вне зависимости от того с каким именно братом они проживали до замужества. При отсутствии прямых наследников обязанность содержание женщин переходила к родственникам мужского пола, которые получали наследство.

Таким образом, обычай, лишивший наследственных прав женщин, тем не менее, защитил их социальные права, обязав как прямых, так и дальних наследников к материальному обеспечению женщин после смерти главы семьи.

Выделяя особенностей одну ИЗ наследования М. М. Ковалевский отмечал, что «оригинальную черту их обычного права составляет при этом то обстоятельство, что, наряду с наследованием законных детей ему известно наследование и незаконных...» [5, т. 1, 322]. Дети, рожденные от нолмыл ус («номинальной жены», простолюдинки по происхождению), допускались к наследованию в случае отсутствия прямых и боковых агнатов, а также дальних родственников. Незаконнорожденные дети мужского пола имели преимущество в правах наследования перед законнорожденными дочерьми, что являлось характерной особенностью патриархального общества, в котором наследование агнатов является прерогативой перед наследованием когнатов.

Исследуя имущественные отношения, М.М. Ковалевский выделял два периода развития порядков наследования: «Во-первых, когда, обычаи, оставаясь верным архаическому началу неотчуждаемости дворовой собственности, совершенно устраняют женщин от наследования; и во-вторых того, когда подчиняясь естественному желанию родителей обеспечить всех своих детей без различия пола, они распространяют на женщин права наследования мужчин» [5, т. 1, 319]. В Осетии адат не предусматривал наследственных прав для женщин,

но включал в исключительных случаях когнатных родственников. Последнее, по мнению А. Х. Магометова, следует рассматривать как архаичный пережиток матриархального общества [9, 113].

До второй половины XIX века наследственное право оставалось неизменным. Первые трансформации в наследовании и разделении имущества были отмечены в Проекте решения сословного и поземельного вопроса в Осетинском округе, составленном майором Красницким в 1859 г. В примечаниях проекта закона о состоянии, женщины получали на будущее время равные права в наследовании [2, 113]. Влияние российского законодательства на нормы обычного права проявились и в Приговоре осетинского народа, составленном по решению М. Кундухова в 1859 г. В ответ на запрет завещания дочерям наследницам в ст. 19 отмечалось: «Всякое законное завещание как Христианина так и Магометанина, считать неприкосновенным и исполнять в точности предусмотренною волю покойного» [10, 20]. Завещательное право не было в достаточном виде развито среди осетин на том основании, что обычай заранее предусматривал правила разделение семейного имущества после смерти наследодателя. Личное имущество завещалось осетинами путем устного оглашения еще при жизни человека.

Российское законодательство второй половины XIX в. открывало для женщин равные имущественные права при наследовании путем введения завещательного права. Так как осетинка не обладала самостоятельными юридическими правами отдельно от мужчин — отца, брата или мужа, то трансформации наследованного права не позволяли ей долгое время обходить дальних агнатов в наследовании имущества родных. Передача имущества при отсутствии прямых наследников в руки дальних агнатных родственников, и исключение кровных наследниц — дочерей по законам российского законодательства, являлось ущемляющим права женщин.

Дальнейшее развитие наследственные права получили в адатах 1866 г., опубликованных Леонтовичем. Общим исключением для «Сборника 1866 г.» стало включение наследников мужчин по женской линии в наследство. В ст. 101 Сборника адатов 1866 г. рассмотрены подобные случаи наследования: «относительно же наследования имения дочерьми, в тех случаях, когда не было наследников мужского пола, бывали примеры, что если, по приговору общества, одна из дочерей выходила замуж и, живя в доме покойного своего отца, приживала сына, то последний получал право на наследство всего имения» [8, 75].

Подобные факты включения наследников из женской линии могли быть и при живом наследодателе в случае отсутствия наследников по мужской линии. Последнее было отмечено М.М. Ковалевским: «Только при полном отсутствии нисходящих мужского пола, отец заручившись предварительным согласием отдаленных агнатов, вправе помимо всяких формальностей усыновить и признать наследником, по себе сына своего живущего с ним в одном дворе зятя или так называемой «мидагмой»» [5, 302]. Исключение дальних агнатных родственников и замены их родственниками по женской линии, осуществлялось еще при жизни отца семейства. В этом случая передача наследственных прав исполнялась путем усыновления, и наследодателю требовалось разрешение дальних агнатных родственников, поскольку наследственное право ставило их в число наследников имущества. Матрилокальный брак мидагмой — «приймачество», когда мужчина переходит жить в дом жены, воспринимался осетинским обществом как нечто постыдное. Форма брака мидагмой предусматривала проживание и работу на отца невесты до того периода, пока жених не отрабатывал калым в полной мере; только после уплаты калыма мужчина получал право забрать жену в свой дом.

Включение наследников по женской линии в наследование, происходившее после смерти наследодателя, описано в той же статье Сборника адатов 1866 года: «...бывали примеры, что наследство переходило в женское колено при следующих условиях: если после смерти отца семейства не было наследников мужского пола, и вдова оставаясь у покойного своего мужа и не выходя вторично замуж, приживала на имя бывшего мужа с кем — либо сына, то последний принимал фамилию покойного мужа своей матери и наследовал все имение; на подобную связь с кем — либо другим должно было быть согласие близких родственников» [8, 74-75]. Такой вид замены наследника был зафиксирован бароном А. Гастгаузеном в 1857 г. в поездке по Южной Осетии: «если у покойного мужа уже умер отец и нет брата и вдова вследствие этого должна остаться незамужнею — ничто не мешает ей быть в связи с посторонним и рожденные от того дети считаются детьми расторгнутого смертью брака» [1, д. 2, л. 16]. Далее барон А. Гастгаузен приводит свидетельство личного столкновения с подобным случаем в быту: «Этот пример был у нас перед глазами. Хозяйка наша была вдова: от покойного мужа своего имела трех дочерей, но ни одного сына; муж ее умер 5 лет тому назад, а у груди ее был мальчик одного года. Мальчик этот был наследник двора, назывался

именем покойного мужа и действительные законные дочери его ничего не наследовали, а напротив должны были продаваться в пользу побочного сына» [1, д. 2, л.17]. Появление подобных форм включения чужеродцев в наследование имущества осуществлялось с разрешения родственников умершего мужа, и при отсутствии прямых восходящих, нисходящих и боковых агнатов. Подобные случаи являлись исключительными и мало распространенными в традиционном осетинском обществе, где родство являлось решающим фактором. В случая отсутствия мужчин — наследников появление чужеродца являлось охранительной мерой для продолжения фамилии. Рожденные вдовой дети наделялись наследственными правами на том основании, что первый брак считался единственно законным и священным.

Таким образом, лишение женщин наследственных прав не являлось одинаковым для всех представительниц женской стороны семьи; полное исключение дочерей из числа наследниц не лишало в той же степени имущественных прав вдовы (жены, матери), так как выделяемая ей часть являлась гарантом ее материального обеспечения после смерти мужа. Адаты предусматривали обязанность сыновей содержать матери и сестер до выхода последних замуж. Эти нормы обычного права компенсировали отсутствие прямых наследственных прав женщин и материальное обеспечение их в лице прямых кровных наследников — мужчин или дальних агнатных родственников, [13, 332].

Модернизация осетинского общества, связанная с проведением буржуазных реформ и введением российского законодательства, привела к этногендерным переменам, в частности, к появлению завещательного права, которое открывало возможность наследования имущества женщиной. Включение в наследование мужчин — родственников по женской линии, которое некоторые исследователи оценили как отголосок матриархата, можно рассматривать и в контексте трансформационных перемен обычного права. Первые шаги в признании равных прав в наследовании дочерьми имущества родителей, а женой — имущества мужа, свидетельствуют об изменении гендерных позиций в осетинском обществе.

Примечания

- 1. Гастгаузен А. Кавказский край Т. II. Заметки о семейной и общественной жизни Научный Архив СОИГСИ. Ф 2. ОП 1.
 - 2. Гутнов Ф. Х. Обычное право осетин Часть 1. Адаты Тагаурского

- Общества (Список Норденстренга 1844). Владикавказ.: ИПО СОИГСИ, 2012.
- 3. Канукова З. В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник, МГИМО — Университет, Т. 5 (37). М.: Русская панорама, 2008.
- 4. Ковалевский М. М. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин // Юридический вестник Т. XIX. Кн. 2, 3. № 6, 7, c. 319-332.
- 5. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении. Репринтное воспроизведение. В 2-х т. Владикавказ: Алания, 1995.
- 6. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд. вост. литры. 1961.
- 7. Лавров Д. Я. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник./Сост. Чибиров Л. А. Цхинвали: Ирыстон, 1989.
- 8. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II.
- 9. Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX). Орджоникидзе: Ир, 1974.
- Приговор осетинского народа (текст). Владикавказ.: Издательско- полиграфического предприятие им В. Гассиева, 2011. Репринтное воспроизведение издания 1859 года.
- 11. Пфаф В. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. T.1-2, C.- Π ., 2010.
- 12. Яновский А. Осетия. Цхинвал: Полиграфическое производственное объединение Республики Южная Осетия. 1993.
 - 13. Осетины / Отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М., 2012.

ОСЕТИНСКАЯ СКАЗКА КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (на примере сказки «Как поладили юноша и девушка»)

В статье рассмотрена осетинская сказка в качестве этнографического источника. В ходе анализа текста сказки «Как поладили юноша и девушка» выявлены зафиксированные в ней традиции, нормы этикета и элементы материальной культуры.

Ключевые слова: сказка, традиция, этикет, обрядность, культура жизнеобеспечения, коммуникативное поведение

MINECRAFT AS ETHNOGRAPHIC SOURCE (for example, the fairy tale «as a boy and a girl hit it off»)

In article the minecraft as ethnographic source. The text of the tales as a boy and a girl hit it off «were recorded in the traditions, rules of etiquette and the elements of material culture

Keywords: fairy tale tradition, etiquette, ceremonies, life culture, communicative behavior

Народные осетинские сказки являются информативным источником не только для фольклористики, но и для этнологических исследований. В них отражена материальная, социальная и духовная культура, мировоззрение народа.

В качестве примера в статье рассмотрена народная осетинская новеллистическая сказка «Лæппу æмæ чызг куыд бафидыдтой» («Как поладили юноша и девушка») [4, 102].

Повествование начинается со встречи героев — алдара и юного всадника: «Иу æлдар фæцæйцыди йæ хæдзармæ. Фæндагыл æлдарыл амбæлыд иу лæппулæг. Салам радтой кæрæдзийæн» («Один алдар ехал домой. По дороге ему повстречался юноша. Поприветствовали они друг друга») [4, 102]. Здесь зафиксирована норма этикета. Следование этикету было обязательным условием жизни в осетинском обществе. Существовали строго регламентированные формы обращения и приветствия. Встречаясь, осетины непременно должны были поздороваться, даже если они были незнакомы [1, 147].

Если осетин куда-нибудь выезжал и встречался на пути со старшим (верховым же), то должен был повернуть своего коня и ехать с ним рядом с левой стороны, до тех пор, пока тот не отпустит его: «Лæппу барæг йæ бæх æрцавта æмæ æлдары галиу фарс цæуын байдыдта» («Молодой всадник стегнул коня и стал ехать слева от алдара») [4, 102]. Встреча в пути и проводы старшего сопровождались, кроме того, целым рядом других церемоний. Вот как описывает их М. А. Мисиков: «Куда бы старший не шел, долг каждого сопроводить его на некоторое расстояние, пока он многократно не попросит его оставить одного... Когда со стариком встречается всадник, младший летами, то он должен соскочить с лошади, не доезжая до старика, и, ведя лошадь под уздцы, идти старшему навстречу. Первым приветствует старик, а младший скромно, еле слышно отвечает. Затем поворачивается и провожает старика, но последний многократно отсылает его идти своей дорогой и благодарит за внимание. Отойдя шагов сто, младший вскакивает на лошадь и едет далее» [3, 463].

В сказке нашла отражение и похоронно-поминальная обрядность. По дороге путникам повстречалась похоронная процессия. На кладбище усопшего сопровождало очень много людей: «Цæуынц, цæуынц, æмæ мæнæ дунейы адæм мард фæласынц..» («Едут они, едут и видят огромную похоронную процессию») [4, 102].

Похороны у осетин всегда были очень многолюдными. «Мах хуызжн мардмж нж цжуынц жнджр ржтты» («Нет похорон многолюднее наших»), — писал Коста Хетагуров. Все родственники, соседи и знакомые, услышав печальную весть, спешили выразить соболезнование семье умершего и считали своим долгом проводить его в последний путь. Для того чтобы сообщить о случившемся, в дальние кварталы села и соседние селения посылали вестников. Сообщающий горестную весть назывался «хъжргжнжг» (букв. «кричащий») [1, 166].

По осетинскому обычаю, каждый, кто проходил мимо дома, в котором случилось несчастье, останавливался, чтобы выразить соболезнования родственникам умершего. Всадники же при этом обязательно должны были слезть с коня: «Сæ бæхтæй æрхызтызты бæлцæттæ, æрлæууыдысты, мардæн æгъдау радтой» («Путники слезли с коней, остановились, отдали по обычаю долг усопшему») [4, 102].

Юноша удивился такому количеству людей, так как на кладбище покойника обычно сопровождали только мужчины и самые близкие родственники. Попросив прощения, он спросил у людей: «Уæ мард хæдзары мард у, хъæуы мард у æви комы мард?» («Ваш покойник потеря только для одного дома, потеря для целого селения или потеря для всего ущелья?») [4, 102]. Ему ответили, что усопший — это потеря для всего ущелья.

«Лæппулæг ахæм дзуапп куы фехъуыста, уæд марды цурмæ кæугæ бацыди, йæ сæр ехсæй нæмгæйæ» («Когда юноша услышал такой ответ, он приблизился к покойнику с плачем, ударяя себе голову плетью») [4, 103]. Ведь «покойник всего ущелья, всего народа не может быть чужим покойником».

Церемония выражения скорби у осетин принимала гипертрофированные формы. Известный этнограф Николай Берзенов, посетивший горную Осетию в середине XIX века, писал, что войдя в саклю, он «увидел покойника около дымного очага, укутанного с ног до головы. Он лежал на длинной скамейке, кругом расположились родственники и знакомые; у каждого из них была в руке ременная плеть, которою с изумительным остервенением били себя до крови по голове, по шее и по чему попало; женщины тоже ударяли кулаками по груди, рвали волосы и рыдали, приговаривали: дадай, дадай» (Берзенов. 1981. c. 100-101).

Еще более подробно обряд самоистязания был описан современником Николая Берзенова Соломоном Жускаевым: «Спустя немного берут плети, нарочито для этого сделанные, и ими ударяют себе по голове так сильно, что закругленный конец плети, касаясь через лоб и темя шеи, вырывает тело кусками. Некоторые натирают конец плети воском, показывая тем свое сострадание к умершему и участие в сердечной горести его домашних, и тогда кровь льется ручьями из задней части головы. Женщины же, став рядом одна за другой и спустив рукава своих одежд, бьют себя по лицу ладонями — лица их в это время от частых и сильных ударов страшно раздуваются, и глаза покрываются опухолью, другие крестообразно ударяют себя по пред-

плечьям так, что правая рука приходится в левое предплечье, а левая — в правое, иные же, и особенно молодые родственницы, царапают себе ногтями лицо» (Жускаев. 1981. с. 134). От беспрестанных ударов глаза женщин наливаются кровью. Истязания плетьми мужчинами, а также самоистязания и царапание лица и груди женщинами в дни траура бытовали у осетин с древних времен, о чем свидетельствуют этнографические материалы (Яновский. 1993. с. 22-23). Истоки обряда уходят вглубь истории к отдаленным предкам осетин — скифам. Подобно осетинам, скифы занимались самоистязанием при смерти близких, делали царапины на лбу и на носу. Ссылаясь на Геродота, М.И. Ростовцев писал, что поминальный ритуал «требовал от подвластных царю племен изуродования себя в знак траура» (Ростовцев. 1918. c. 60).

Обычай истязания у горцев имеет в основе своей убеждение, что покойник, чувствуя и сознавая все то, что совершается вокруг него, видит и ценит действия, свидетельствующие о расположении и нерасположении к нему как кровных, так и далеких родственников (Гатиев. 1987. с. 151) [8, 296-297].

В сказке также зафиксированы некоторые элементы материальной культуры осетин, например, ноговицы. «Куы базыдта мæ уазær, ме'мбал, лег дзыллейы, комы лег кей уыди, уед баздехт еме йе зжнгойы хъусжй ехс сласта жмж йж сжр хойгж, жридаггжнгж бацыд» («Когда мой гость, мой спутник узнал, что покойник был потерей для всего народа, то свернул, достал из-за голенища ноговицы плеть и, ударяя голову, подошел к умершему»).

Ноговицы являются специфическим элементом костюма народов Кавказа, в особенности Северного, и представляют собой нечто вроде гамаш, надеваемых поверх брюк. Они плотно охватывают ногу, начинаясь от подъема и заканчиваясь выше колена (часто закругленным выступом) или доходят до бедра. Закрепляли ноговицы под ступней штрипками. Ноговицы обтягивали ногу поверх брюк, не давая последним болтаться, цепляться за ветки и камни. Во время верховой езды ноговицы защищали ноги от пота лошади, металлических пряжек стременных ремней и т.п. Они утепляли ногу и играли роль голенищ высоких сапог. По материалу можно выделить ноговицы из ткани — домотканого сукна, из войлока и из кожи [5].

Из элементов традиционной культуры жизнеобеспечения, запечатленных в анализируемой сказке, можно выделить кунацкую: «Араст та сты уырдыгей се бехтыл еме иу бон елдары керты ду-

армж жрхызтызты. Жлдар уазжгдонмж бакодта уазжджы, йжхжджг бацыд йæ хæдзармæ» («Отправились они дальше на своих конях и через какое-то время спешились у ворот алдара. Гостя алдар проводил в кунацкую, сам вошел в дом») [4, 103].

Состоятельный осетин в прошлом не мог обойтись без кунацкой — «уазæгдон», которая строилась отдельно во дворе и играла роль общественного учреждения. Двери кунацкой никогда не закрывались; гость мог заезжать сюда в любое время и чувствовать себя свободно. Кунацкой любого хозяина могли распоряжаться сельчане, если в этом была необходимость. Она обставлялась постелью, кроватью, скамейками, кувганом, тазом и даже веником. По сравнению с другими постройками здесь было больше света и уюта [7, 149].

Гостеприимство было у осетин важным социальным институтом. Отношения между хозяином («фысым») и гостем («уазæг») были строго регламентированы обычаем и включали не только предоставление гостю крова и пищи, но и неограниченное покровительство и защиту. Хозяин, допустивший, чтобы в его доме гость стал жертвой насилия, получал позорную кличку «уазæгхор» («гостеед»). Клеймо ложилось не только на него, но и на всю его фамилию.

Принять гостя достойно было делом чести каждой семьи. Полагалось быть вежливым не только к гостю, но и в отношениях с домочадцами [1, 148].

Обычно обслуживанием гостя занимались юноши, женщины в кунацкую не входили, но в сказке у алдара была единственная дочь. Приготовив еду, она попросила у отца разрешения самой поприветствовать гостя и понести ему угощения: «Æмæ чызг арæвдз кодта алы хæринаг, алы нуазинаг. Йæ фыды кой акодта. Уыйфæстæ фынг ахаста уазæгдонмæ» («И девушка приготовила разной еду и напитков. Позаботилась об отце, а потом понесла фынг в кунацкую») [4, 104].

Фынг — трехногий столик в традиционном быту осетин, имеющий сакральное значение. Изготавливался из дерева, часто имел точеные ножки, мог украшаться резьбой. В застольном этикете осетин фынг занимал почётное место. Сидящие за столом не могли позволить себе сквернословия, упоминания нечистых животных, неуважительного отношения к трапезе, которая часто сопровождалось произнесением молитв или тостов.

В традиционном жилище осетин это был непременный элемент интерьера. По рассказам знатоков народного быта такой столик подавали отдельно каждому гостю или же один на двоих, максимально — трех человек. После трапезы их убирали, как правило, вешали на стенку. В нашем современном понимании это кажется маловероятным, но речь идет о небольшом столике с высотой 20-25 см.

Высота их бывала и выше, вплоть до 50-60 см, но высоты современных столов европейского типа все известные образцы не достигали. По существу это были не столы, в нашем понимании, а блюда на трех ножках. Наличие бортика по всей окружности столешницы говорит в пользу данного предположения [6].

Далее в сказке упоминается еще один элемент материальной культуры осетин — нуазæн (бокал): «Чызг рауагъта иу нуазæн æмæ йæ радта уазæгмæ» («Девушка наполнила бокал и подала его гостю») [4, 104].

За столом гостю обязательно подавали нуазжн — почетный бокал; если гость не удостаивался нуазæн, то расценивал это как личное оскорбление и мог засидеться в гостях, пока хозяева не исправят своей ошибки. Однажды, рассказывает народное предание, один мужчина шел домой. Встретивший его путник, узнав о том, что он был в гостях, спросил, отчего у него такой недовольный вид, плохо угостили? Приняли очень хорошо, но не удостоили почетного бокала, был ответ. В другой раз гость вернулся обратно в семью, вспомнив по дороге, что хозяева не преподнесли ему почетный бокал [8, 617].

В этом обычае отражен быт предков осетин, что подтверждается древними авторами, в частности Геродотом, и данными осетинского фольклора. Почетные бокалы подносили скифы и аланы особо отличившимся в сражениях воинам. Геродот, описывая этот обычай у скифов, отмечает, что скифские воины, убившие много врагов, пили вино из особой чашки. «Но те, кто не имел этой заслуги, не могли к ней прикасаться. Они со стыдом сидели в стороне; для них это было величайшим бесчестьем». В осетинских нартовских оказаниях эта чаша фигурирует под названием уацамонгж. Наполненная ронгом или пивом, она сама поднималась к устам нарта, отличившегося в борьбе с врагами. Все это говорит о том, что обычай нуазжн восходит к скифской эпохе, что подтверждается также некоторым распространением этого обычая среди адыгских народов, преимущественно среди кабардинцев, в этногенезе которых аланские элементы сыграли определенную роль. До сих пор при передаче почетного бокала за столом осетины строго придерживаются определенных правил. Получивший нуазжн имеет право передавать его другому лицу только

с разрешения старшего. В старину у равнинных осетин гость не имел права уехать, пока хозяин дома не преподнесет ему свой «уазæджы нуазæн» (бокал для гостя) [2, 170].

«Уазæг банызта æртыккаг хатт, баздæхт æмæ нуазæн къонайы делтъурыл ныххафт ласта; нуазен базгъеленте, йе 'згъеленте фенычы стæлфыдысты» («Гость выпил третий раз, и, повернувшись, ударил бокал об основание очага; бокал разбился вдребезги, осколки его заблестели из золы») [4, 104].

Очаг являлся организующим центром всего внутреннего пространства дома. Видоизменяясь, он прошел целый ряд стадий от простого костра первобытного жилья до своеобразной формы пристенного камина. Тип срединного очага, рассчитанного на большую семью, является более архаичной формой, чем пристенный очаг, рассчитанный на малую семью. С двух сторон очага ставились большие камни, посредине которых клались дрова и разводился огонь. На определенной высоте над очагом сооружалось «ердо» или плетеный дымник [3, 266].

Еще одна норма этикета, зафиксированная в сказке — седлание коня гостя: «Уазæгæн йæ хæрд йæхи куы фæуа, уæд дуармæ кæсы. Чызг фынг афснайдта жмж бжхыл саргъ авжрдта» («Когда гость поест, то смотрит на дверь. Девушка убрала фынг, оседлала коня») [4, 104-105].

Когда гость объявлял, что он уезжает, то хозяева седлали его коня. Готового к походу коня ставили, как правило, головой к дверям дома, а не к воротам, к выходу, давая этим понять, что от него не хотят избавиться и что ему рады всегда [3, 453].

Сев на коня, гость взмахом руки предложил девушке отправится с ним, но она дала ему понять, что не посмеет покинуть дом отца, если за нее не будет уплачен калым: «Æз ын мæ дадалитæм æвнæлдей загътон: ме серен худинаг кей у ене иред; иред та ме дадалиты цал æрдуйы ис, уал истæмæй, ирæд цæмæйты фæфидынц» («Дотронувшись до своих кос, я ответила ему: стыдно мне идти без калыма; а калым за меня так же велик, как число волос в моих волосах — столько нужно того, чем платят калым») [4, 106].

В прошлом брак у осетин основан был исключительно на уплате за невесту калыма. Размер калыма определялся достоинством невесты и вступающих в родство семей. Иногда он приобрел такие масштабы, что довольно часто разорял целые фамилии и всегда приводил к большим материальным затруднениям.

Через десять дней юноша, как и обещал, вернулся с калымом: «Кæсы чызг, æмæ бæстæ рæгъæуттæй, бæх, фос, гал, хъуг, фысвос рæгъæуттæй байдзаг, æмæ æлдары хæдзармæ сæ ных сарæзтой («Смотрит девушка, а земля наполнилась табунами коней, стадами быков и коров, отарами овец, и все они движутся к дому алдара») [4, 106].

В хозяйственной жизни осетин (в нагорной полосе) скотоводство играло исключительно важную роль. Домашние животные фигурировали везде: они заменяли денежные знаки при купле-продаже; ими платили калым за невесту и использовали их в самых различных случаях жизни. Крупный рогатый скот, помимо того, что он использовался в качестве тяговой силы, служил в основном предметом внутреннего обмена. Мелкий же рогатый скот служил предметом внешнего обмена. Одним словом, живой скот был самым главным предметом обмена, превратившимся в товар и, в конце концов, даже в деньги» [3, 94].

Так, на примере одной небольшой сказки мы видим, что она отразила нормы этикета, похоронно-поминальную обрядность, обычаи гостеприимства и отдельные элементы материальной и социальной культуры осетин.

Примечания

- 1. Газданова В.С. Традиционная культура осетин. Владикавказ: «Сем», 2005.
 - 2. Калоев Б. А. Осетины. М.: «Наука», 1967.
- 3. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: «Ир», 1968.
- 4. Осетинские народные сказки. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1960.
- 5. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. М.: «Наука», 1989 г.
- 6. Уарзиати В. С. О столике «фынг» и ритуальной пище осетин. // Литературная Осетия. 1989. № 74.
- 7. Чибиров Л.А. Осетинское народное жилище. Цхинвали: «Ирыстон», 1970.
- 8. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

ПРОЕКТ «ПОТЕРЯННАЯ ОСЕТИЯ» КАК РЕСУРС ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО БРЕНДИРОВАНИЯ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-21-13001)

Статья посвящена проблеме брендирования историко-культурного наследия Северной Осетии, выявлению его инновационных ресурсов. На примере конкретных объектов, а именно, башен Курта и Тага и Дзивгисской наскальной крепости, рассмотрены возможности информационных технологий в их сохранении и популяризации. Исследованы история появления и функционирования этих объектов, сведения о выделенных объектах в фольклоре осетин, представлена роль сетевого проекта «Lost Osetia» в популяризации полученных результатов.

Ключевые слова: историко-культурное наследие региона, ущелье, башня, наскальная крепость, инновационные ресурсы, сетевой проект.

THE PROJECT «LOST OSSETIA» AS A RESOURCE OF HISTORICAL AND CULTURAL BRANDING

The article deals with the problem of branding historical and cultural heritage of North Ossetia, revealing its innovative resources. The possibilities of information technology for preservation and promotion were analyzed on the example of specific objects, namely, towers Kurta and Taga, as well as Dzivgisskiy rock fortress. History of the emergence and functioning of these facilities, information about the selected objects in the folklore of the Ossetians are researched, the role of the network project «Lost Ossetia» in popularizing the results is presented.

Keywords: historical and cultural heritage of the region, gorge, tower, rock fortress, innovative resources, network project.

Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской

Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия [9, 1]. В современном мире, в сохранении историко-культурного наследия регионов важную роль играют инновационные ресурсы.

Французское innovation восходит к латинскому innovatio (обновление, перемена). Еще в 80-е годы прошлого века абстрактного слова инновация не было в словарях русского литературного языка. А вот в «Толковом словаре иноязычных слов» Леонида Крысина, вышедшем в 2006 году, который Александр Солженицын назвал «превосходным, крайне необходимым, в уровень с эпохой», инновация толкуется как нововведение, новшество. Под словом нововведение словарь Ожегова — Шведовой понимает «новое правило, вновь установленный порядок», а под новшеством — «новое явление, новый обычай, новый метод, изобретение» [5, 7].

Традиционная культура сохраняет множество символов и образов, содержащих позитивный потенциал, грамотное использование которого требует разработки инновационных методик этнокультурного брендирования, способных содействовать ее сохранению в условиях глобализации [4, 275]. Одним из инновационных ресурсов на территории Северной и Южной Осетии является проект «Потерянная Осетия» (Lost Osetia.ru).

Проект «Потерянная Осетия» — это мультимедийная карта с широким функционалом, предназначенная как для профессионального пользователя, так и для самой широкой аудитории пользователей сети интернет [10]. Данный проект объединяет в себе несколько задач:

- 1. Просветительский портал для жителей Осетии и других регионов, содержащий информацию о родовых селах и историко-культурных;
- 2. Оперативный мониторинг за памятниками культуры и архитектуры Северной и Южной Осетии;
- 3. Прикладную функцию мобильного электронного туристского путеводителя;
- 4. Брендинг историко-культурного наследия Северной и Южной Осетии.

В качестве объекта историко-культурного брендирования рассмотрим два объекта, находящиеся на территории Куртатинского общества Северной Осетии-Алания.

Куртатинское общество занимало ущелье реки Фиагдон. На западе соседями куртатинцев были алагирцы, на юге — туальцы и тырсы-

гомцы, на востоке — тагаурцы. На северной равнине жили кабардинцы. Куртатинское общество было союзом нескольких гражданских общин. Крупнейшим из них была Куртатинская и Цымытинская.

По народному преданию, Куртатинская гражданская община была основана двумя братьями, правнуками Сидамона — Курта и Тага. Потом братья рассорились, и Тага со своей семьей переселился в Даргваскую долину. Курта и три его сына стали родоначальниками Куртатинской общины [1, 32].

Первый объект — это башня Курта и Тага. Она располагается на северо-западной окраине Уаллагсых, в плане четырёхугольная (5,50 х 5,30м.). Сложена она из разноразмерных грубо оттёсанных камней. В северо-восточной фасадной стене башни на высоте 3,60 м от земли устроен арочный входной проём (ширина — 1, 20 и 1,40 м, высота — 1,90 и 2,00 м., толщина стены 1,00 м.), имеющий внутри «ложносводчатое» устройство и перегороженный каменной плитой (на 0,15 м. выше внешней части перекрытия проёма). Проём отстоит от пола камеры, засыпанной камнями и землёй на 0,40 м. Размеры камеры: ширина и длина — 2,80 м., высота около 15,0 м. Стены камеры прорезаны нишами, четырёхугольными бойницами и оконными проёмами, имеющие в экстерьере арочную (полуциркульную конфигурацию запирающей части). Высота башни 18,50 м [7, 100].

По одной из версий, когда-то в этой башне жил осетин с женой, был у них единственный сын. Будучи юношей, сын в чем-то оказал отцу неповиновение, за что отец побил его. Оскорбленный юноша оставил родительский дом и бежал в селение Кадгарон, где в то время жили черкесы (касоги), и поселился у одного черкесского князя. Добрый и прилежный юноша заслужил доверие и любовь своего господина, князь привязался к юноше как родному сыну. Однажды князь и его 12 друзей отправились в чужую страну. Доехали до того места, где в настоящее время находится селение Эльхотово, путникам понравилась местность, и решили остановиться здесь на несколько дней. Юноша прислуживал господам и с охотой исполнял всякую работу. В высокой башне жила необыкновенной красоты девица, которая с башни наблюдала за юношей и любовалась его ловкостью и трудолюбием. Раз девица тайно зазвала к себе юношу и долго беседовала с ним. Прошло немного времени. Девица и юноша полюбили друг друга и дали обет супружества.

Девица раз сказала юноше: «Иди, узнай у своего господина, сколько ты стоишь, приходи и сообщи мне». На вопрос юноши, за сколько он

его ценит, князь, ничего не подозревая, сказал, шутя, что его цена — 300 монет. Юноша ответ господина передал девице, девица отдала юноше 300 монет и сказала: «Иди, отдай своему господину и попроси, чтобы он тебя освободил». Князь был очень огорчен предложением юноши и с досадой сказал: «Очень огорчен я твоей разлукой, но раз это требуется для твоего благополучия и счастья, ты свободен, иди, не хочу никакого выкупа, да благословит тебя Творец!» Князь дал ему хорошее оружие и богато седланного красивого коня. Юноша поблагодарил господина и отправился к своей обрученной. Юноша и девица жили очень счастливо. Раз жена заметила на лице мужа отражение скрытой печали и спросила причину. Муж сказал, что на горе Хакун в башне живут его родители, рассказал историю своего бегства и добавил, что разлука с ними для него невыносима и печаль одолела его. Жена ответила, что она очень рада этому, поедем к твоим родителям, и будем жить вместе с ними. Мужу понравилось предложение жены. И они отправились к его родителям. Но сын не осмелился явиться к родителям, поблизости отцовской башни, немного ниже горы Хакун, местности «Уаласых» построил башню и начали там жить поблизости своих родителей. Один раз, когда отец со своей высокой башни обозревал свои владения, он с удивлением заметил новую башню и с недоумением начал думать: кто бы это мог осмелиться без его разрешения построить башню на моей земле, он грозно спустился узнать, кто там живет, и наказать его за дерзость. Узнав своего сына, он очень обрадовался; начали жить вместе, а после смерти отца, он сделался полным хозяином отцовских владений.

У него родилось двое детей — мальчиков, одного назвал Курта, второго Тага. После смерти родителей Курта и Тага жили вместе в дружбе и согласии, любили охоту и всегда ходили вместе. Каждый из них имел дрессированного сокола. Однажды, когда братья охотились, соколы братьев поссорились и начали бить друг друга. Сокол Курта одолел сокола брата. Тага это показалось плохим предзнаменованием: «когда-нибудь и брат мой Курта одолеет и подчинит меня», — подумал Тага, и удалился в другую страну — в Даргавское котловину и поселился жить там. Курта же остался на прежнем месте, и эта местность получила от него название — Куртатинское общество. У Курта было трое сыновей: Уаласых, Тембол и Найфон, от которых произошли куртатинцы. От Тага произошли Тагауры — Тагиаты. Потом Тагиаты переселились и в другие места Осетии» [5].

Второй объект — это Дзивгиская наскальная крепость (Дзывгъисы фидар). Дзигис расположен на левом берегу реки Фиагдон, непода-

лёку от самого узкого места в Куртатинском обществе — теснины Кадаргаван. Занимая почти ровную террасу между рекой и обрывами горы Кариухох (Хъериухох), Дзивгис играл важную роль в обороне ущелья и потому, несомненно, был хорошо укреплён [7, 106]. К этому периоду (XIII-XVI вв.) относятся грандиозные оборонительные сооружения селения, среди которых особенно стоит отметить Дзивгискую крепость (ос. Дзывгъисы фидар).

Это крупнейшая наскальная (пещерная) крепость на Кавказе, состоящая из семи оборонительных сооружений, располагающихся у входов в естественные пещеры. Как показали исследования, сообщение между отдельными башнями осуществлялось при помощи системы консольных балок, вбитых в скальные расщелины; на балки клался настил из двух-трех досок, по которому можно было пройти от одного укрепления к другому. В случае необходимости доски убирались, и взять башню было практически невозможно. Каждое сооружение было автономным во время боевых действий [6].

Центральная крепость, находящаяся на значительной высоте, могла вмещать в себя более 100 воинов. Это одно из самых ранних фортификационных сооружений, служивших защитой от набегов в ущелье различных завоевателей, в частности в 1239 и 1395 гг. Особенно ожесточенные боевые действия велись здесь и в других ущельях во время похода Тамерлана, который согласно историческим источникам двинул свои войска на штурм крупных аланских крепостей горно-кавказской «области Иркувун»: «...у тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы, и пройти туда было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился глаз, и шапка валилась с головы...» [3, 172].

Летопись Йезди сообщает, что проникшие в ущелье войска после неравной схватки, ворвавшись в укрепление «умертвили множество людей из племени Иркувун», это свидетельство было подтверждено открытием в Дзивгисе крупного захоронения с очень значительным количеством погребенных — 235 человек, среди которых немало детских и женских останков, относящихся ко времени описываемых событий. Среди находок было обнаружено множество уникальных предметов средневекового аланского быта, украшения. Нужно отметить, что материал этот до сих пор недостаточно обработан и не исследован тщательным образом [9].

В первой половине XIX века в Дзивгисе побывал ссыльный декабрист В.С. Толстой. На него большое впечатление произвела пеще-

ра в скале над Дзивгисом, вся заполненная «человеческими костями и несколькими тысячами таких же остовов небольшого размера». Очевидно, В.С. Толстой описал отмеченный выше наскальный склеповый могильник эпохи походов Тимура. Местные жители, по словам декабриста, чтили эти останки в пещере как святыню и связывали останки с легендарными нартами [3, 173].

Профессор В.Ф. Миллер во время своей научной экспедиции 1888 года «под самым отвесом скалы» исследовал могильные пещеры. В одних покойники лежали в деревянных гробах, в других кости лежали в беспорядке, «так что определить положение костяка было невозможно». Среди массовых находок — много бус, бронзовых браслетов, колец и серег, несколько металлических зеркал, глиняные сосуды и др. [2].

Крепости и другие памятники селения всегда завораживали путника, равно как и окружающая нетронутая природа, особое дыхание старины. Так, например Ф.И. Гребенца, побывавшего на территории Куртатинского общества в 1913 году, поразила природа («поразительно красивая картина» — по его словам) и архитектурные памятники Дзивгиса.

«С грустью приходилось покидать эти дивные места», — признался он. Стоит упомянуть, что отношение к этим укреплениям было и прямо противоположным. Большое количество памятников осетинской архитектуры были повреждены или уничтожены во время многочисленных карательных экспедиций царских войск, в 1830 году каратели под командованием генерала И.Н. Абхазова разрушили огромное количество укреплений Куртатинского общества, нанеся серьезные повреждения и Дзивгиской крепости [2].

Эта наскальная крепость далеко не единственная в Осетии, подобные сооружения возводились и в начале других ущелий. Перед Дзивгиской крепостью в теснине находилось укрепление Кадаргаван или Комыдагъал, тщательно замаскированное и служившее для блокирования и окружения вражеского отряда, прошедшего к Дзивгису. Комыдагъал — что в переводе означает «ключ ущелья» представляет собой оборонительную систему из трех пещер с каменными парапетами. Очень скромные размеры каменных кладок свидетельствуют о стремлении сделать укрепление максимально незаметным (в отличие от пещерных укреплений Дзивгиса), в то время как внушительная площадь крепости позволяет расположить здесь значительную военную силу. Интересен также факт, что недалеко находилось место Лабуран аддаг («Место нападения овраг») лесистое углубление, где куртатинцы часто устраивали засады [6].

Безусловно, оба рассмотренных выше объекта имеют важное историко-культурное значение, как для местного населения, так и для гостей республики. Поэтому они нуждаются в правильной популяризации без какого-либо ущерба для самих объектов.

И башня Курта и Тага, и Дзивгиская наскальная крепость, представлены на сайте LostOsetia.ru. При выборе объекта на карте открывается страница с краткой и полной информацией о нем.

К краткой относятся:

- расположение месторасположение объекта по ущельному признаку;
- принадлежность отношение объекту тому или иному обществу;
- категория принадлежность объекта к какому-либо виду памятников культуры или архитектуры;
- состояние оценка состояния объекта по шкале: критическое, среднее, утрачено, хорошее;
- религиозная принадлежность отношение объекта к той или иной религии;
 - назначение в данном пункте отмечаются функции объекта;
- статус назначение объекта по статусу охраны: вновь выявленный, регионального значения, федерального значения;
 - координаты отмечаются точные GPS-координаты объекта;
- связь с фамилиями отношение объекта к той или иной фамилии.

К подробной относятся:

- описание данный раздел содержит в себе всю информацию об объекте, кроме любопытных фактов, фольклора, списка призывников в период ВОВ имеющих отношение к конкретному объекту, жителей конкретных селений подвергающихся репрессиям и точного описания строения объекта;
- видео раздел, хранящий видеозаписи, имеющие отношение к данному объекту;
- люди информация о людях имеющих отношение к конкретному объекту;
- любопытные факты в данном разделе описываются факты об объекте, привлекающие внимание своей необычностью;
 - фольклер в данном разделе публикуются легенды, истории,

мифы и т.д. связанные с объектом;

- специалистам данный раздел содержит техническую информацию об объекте: размер, высота, объем и т.д.
- Вов раздел, содержащий список призывников в годы ВОВ имеющих отношение к конкретному объекту;
- репрессии раздел, содержащий список жителей конкретных селений, подвергавшихся репрессиям [10].

Помимо краткой и полной информации, в левом верхнем углу показано небольшое окошко (карта) с точным географическим месторасположением объекта. А в правом верхнем углу функционирует слайд-шоу с фотографиями объекта. При желании, любую фотографию можно увеличить, нажав на неё левой кнопкой мышки.

Благодаря информации, которая имеется на сайте проекта «Потерянная Осетия», любой желающий может ознакомиться с интересующей его информацией об объекте и посмотреть правильный маршрут до него. Данный инновационный ресурс прост в использовании и эффективен за счёт лёгкого восприятия пользователей.

Примечания

- 1. Бзаров Р.С. Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе: Ир, 1988.
 - 2. Гутнов Ф. Х. Гутновы // Дарьял. Владикавказ. 2009. № 3.
 - 3. Гутнов Ф. Х. Осетинские фамилии. Владикавказ: Респект, 2012.
- 4. Канукова З.В. Этнокультурный символ как фактор инновационного развития // Инновационная стратегия Республики Южная Осетия: экономический, социокультурный и медико-биологический аспекты. Владимкавказ, 2010.
 - 5. Милославский И. Г. Известия. Москва, 2009.
- 6. Натадзе Р. Г., Как появились Тагаурцы и Куртатинцы // Иверия. 1898. №169. Тифлис, 1933.
- 7. Сланов А. А. Военное дело Алан I-XV вв. Владикавказ: СОИГСИ, 2007.
- 8. Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984.
- 9. Федеральный закон об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации. М., 2002.
 - 10. Шереф-ад-Дина Йезди. Книга побед. Ташкент, 2008.
 - 11. LostOsetia.ru.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК РЕЗУЛЬТАТ АККУЛЬТУРАЦИИ

В статье исследуется проблема аккультурации. Основное внимание уделяется вопросам государства и права осетинского народа на основании адатов кавказских горцев, исследуются малоизвестные вопросы развития правовой культуры народов Северного Кавказа и события юридического и фактического их вхождения в состав Российской империи. На основе анализа архивных данных, исследований отечественных и зарубежных авторов прослеживается генезис мирного образования российского государства и ее правовой системы.

Ключевые слова: Правовая культура, педагогика, история государства и права, аккультурация, Сневерныя Кавказ, международное право, Осетия.

LEGAL EDUCATION OF THE NORTH CAUCASUS AS A RESULT ACCULTURATION

In the article explores the problem of acculturation. Focuses on issues of State and law of the Ossetian people based on tourism of the Caucasian Highlanders, explores the littleknown issues in the development of legal culture of peoples of North Caucasus and de jure and de facto to their incorporation into the Russian Empire. Based on the analysis of archival data, studies of Ukrainian and foreign authors, the authors show the genesis of the peace education of the Russian State and its legal system.

Keywords: legal culture, pedagogy, history of State and law, acculturation, Snevernyâ, international law, Ossetia.

Правовой облик России, как многонационального государства, имеет свою богатую историю. Ее изучение очень перспективно для формирования и реализации вопросов внутренней и внешней политики страны. Основная идея нашей статьи заключается в том, что дореволюционная Россия не была «тюрьмой народов», самодержавие

«жандармом Европы» а СССР «империей зла», как это было принято считать сначала в кругах революционно-настроенных представителей либеральной интеллигенции, а уже затем данное определения приобретали методологическое значение в отечественной историографии основных вопросов государства и права [1].

Понятие «правовая культура» сугубо юридическое, в его основе два производных понятия — «право» и «культура». В советское время применительно к дореволюционному прошлому оно почти не употреблялось. По справедливому мнению профессора В. А. Томсинова термин «культура», в русской философской и исторической литературе по идущей еще с прошлого века традиции понимался в качестве синонима термина «цивилизация» [2, 9]. Правовая культура представляет собой комплекс элементов обычного и профессионального права.

Исторический путь формирования правовой культуры у народов Северного Кавказа и, в частности у осетин, по нашему мнению, схож с общеевропейским (романо-германским и англо-саксонским). До и в начальный период своего вхождения в состав России осетинский народ, как и другие, не очень-то задумывался о процессах аккультурации. Понимание этого пришло несколько позже, с появлением национальной интеллигенцией. Своеобразным синонимом этому понятию следует считать термин «ассимиляция», употребляемый, скажем, К.Л. Хетагуровым в своих произведениях. «Представители осетинской интеллигенции с возмущением восприняли решение администрации Терской области, запретившей своим постановлением от 15 марта 1891 года туземцам одной национальности проживать в районах поселения русских и туземцев другой народности».

Это решение явилось наглядным выражением политики правящих классов на разделение народов, сохранение их национальной обособленности, недоверия и вражды между ними. Оно консервировало и укрепляло национальную замкнутость кавказских народов, искусственно разделяя и противопоставляя их друг другу, а горские народы — русскому. С горечью пишет Коста о действиях администрации края, отнимающих возможность у коренных народов «...видеть и непосредственно наблюдать русскую гражданственность, и жизнь, а также деятельность культурных людей, слышать русскую речь, работать рука об руку с русским пионером и мало-помалу ассимилироваться...» [3, 122]. В данном случае Коста понимал под ассимиляцией приобщение осетинского народа к российской государственности.

Осетия входила и не думала об аккультурации, а она была и предлагалась в XIX веке в виде двух моделей. Первую мы бы охарактеризовали как российский вариант, вторую — имаматский. В основе первого лежали идеи христианской (православной) государственности, вторая представляла в основном идеи исламской (мюридской) государственности.

Правосознание осетин двух проходит два этапа:

1. Мифологический. Он характеризуется мифологическим (традиционным) осознанием действия правовых норм, представлением себя (своего народа, семьи) в системе правовых отношений и за их пределами. Данное правосознание можно с полным основанием считать архаичным, присущим доиндустриальному обществу. Оно характеризуется представлением народа о действии правовых норм табуированных Богом и предками, в том числе и мифическими. За этими пределами находится внеправовая сфера. На данном этапе исторического развития человечества архаичное общество слабо связанное правовыми началами с внешним миром не только не имеет представления о внешних правовых сферах, в том числе о необходимости считаться с правовыми традициями других народов, но и отрицает их подчас в агрессивной форме.

Данный правовой эгоцентризм зачастую поглощает ростки гуманизма и толерантности, обусловливает агрессивную, захватническую внешнюю политику, пускай и осуществляемую весьма примитивными способами.

2. Философско-правовой. Для него характерно философско-правовое, позитивное осознание правовых начал и их роли внутри и вне общества (государства). Наличие государственно-правовых отношений, пускай даже на раннем этапе их развития, применительно к народам Северного Кавказа, отмечается нами еще до их официального присоединения к России. Вхождение же в состав Российской империи позволило этим народам структурировать имеющуюся у них систему правовых отношений в соответствии с общероссийской. Естественно, что этот процесс не был кратковременным и растянулся по времени до 20-х годов XX века.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что на примере осетинского народа, как и других кавказских народов юга России отчетливо проявляется тенденция описанная Н.К. Ренненкампфом: «В государствах, где нет кодексов, или где законодательное право слишком не полно, обычное право может действовать самостоятельно, т.е. оно устанавливает новые правила, пополняет, толкует и даже отменяет, или, по крайней мере, ослабляет действие закона» [4, 63].

В этих условиях, согласно концепции Г.И. Муромцева, в зависимости от сфер проявления политики, ее направленности и целей выделяют внешнюю и внутреннюю политику, а в рамках последней экономическую, культурную, таможенную и прочие виды политики. В такую же классификацию вполне «вписывается» правовая политика как один из видов политики в общесоциальном смысле, отличающийся собственным объектом, целями и средствами их достижения.

Однако с этой точки зрения правовая политика отличается известной спецификой. Так, если всякая государственная политика осуществляется, прежде всего, правовыми средствами, то правовая политика, пожалуй, является правовой дважды. Она не только осуществляется правовыми средствами, но и в качестве объекта воздействия предполагает опять же право — точнее: такие области правовой действительности, как правотворчество, кодификация, процедуры защиты права, подготовка юридических кадров и т.д.

Такой ее дуализм обусловливает известную размытость границ между правовой политикой и иными разновидностями политики, осуществляемой в правовой форме. Так, право может быть и формой (инструментом, техникой) осуществления политики в ее различных сферах, и одновременно — объектом воздействия государства, осуществляющего собственно правовую политику.

При этом нормы права могут одновременно, воздействуя на общественные отношения, упорядочивать систему и структуру самого права. Поэтому думается, что элементы правовой политики присутствуют во всякой иной политике государства, осуществляемой в правовой форме — экономической, социальной, культурной и т.д. И наоборот: правовая политика включает (может включать) некий аспект («пласт», «срез» и т.д.) неправовой политики, характер которой определяется спецификой общественной сферы, инструментом воздействия на которую является право. Многое здесь зависит от акцентов, даваемых в ходе законодательной или правоприменительной деятельности тем или иным нормам, актам, предписаниям [5, 4-7].

Определенным генерирующим фактором приобщения всего Кавказа к России следует признать роль христианства, в частности — православия. Однако говорить лишь о христианском религиозно-культурном факторе в качестве основной причины присоедине-

ния Кавказа к России не вполне научно корректно. Главной, на наш взгляд, является социально-экономическая доминанта, состоящая из двух составляющих. Первая заключается в том, что Россия в значительной мере отличалась от иных стран национальной и религиозной веротерпимостью. Вторая обусловливалась выгодами хозяйственного характера, наличием давних хозяйственно-экономических связей, способствовавших этому сближению. Следует также иметь в виду, что присоединение к России спасло многие кавказские народы от физического уничтожения.

Нам представляется, что применительно к анализу процессов эволюции правовой и политической культуры осетинского народа в составе России от традиции к аккультурации следует различать кодификацию и регламентацию права. Под первой следует понимать один из видов законодательной деятельности центрального российского правительства по сбору и систематизации нормативно-правового материала системы обычного права осетин.

Это длительный процесс, он начался со времени присоединения Осетии к России и наглядно проявился в 30-40-е годы XIX века. В условиях Кавказа он не знал инкорпорации по отраслевому принципу, был во многом фрагментарным, что, в общем-то, было свойственно и всему общероссийскому праву. Данное положение иллюстрирует тот факт, что в нашей стране вплоть до советского (социалистического) способа кодификации права не удавалось принять обособленные нормы Гражданского права в отличие от Уголовного.

Регламентация права или правовое регулирование есть процесс целенаправленного воздействия государства на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, которые направлены на их стабилизацию и упорядочивание. Особенность правового регулирования как отдельного вида социального регулирования заключается в том, что воздействие на поведение людей и общественные отношения осуществляется исключительно при помощи специальных правовых средств и методов. Отсюда использование любых других средств правового характера, специально для этого не предназначенных, правовым регулированием не считаются, они относятся к более широкому понятию — правовое воздействие. Поэтому какое-либо воздействие на поведение людей через средства массовой информации, путём пропаганды или агитации, в том числе нравственного или правового воспитания и обучения, не являются правовым регулированием, ввиду того, что не представля-

ют из себя специально направленную юридическую деятельность по упорядочиванию общественных отношений.

Правовое регулирование следует отличать от правового воздействия. Под ним, по нашему мнению, следует понимать весь процесс влияния права на социальную жизнь общества. Предмет правового воздействия намного шире предмета правового регулирования, который содержательно входит в него. Помимо собственно правового регулирования правовым воздействием также охватываются экономические, политические и социальные отношения, которые правом напрямую не регулируются, но на которые оно так или иначе оказывает влияние (информационно-правовое и воспитательно-правовое воздействие).

Правовая аккультурация в России имеет ряд существенных отличий от аналогичного процесса в других странах. Высшая власть нашей страны в отличие от таких стран Европы, как Англия и Франция, ради упрочения империи не допускала коренную трансформацию традиционных ценностей, а пыталась заимствовать опыт решения социально-культурных задач. Это определило имперская модель модернизации, имеющая идеократический (традиционалистский) характер.

Россия, по образному выражению видного представителя русского зарубежья, философа Г. Федотова, является империей своеобразной. «...Её нерусские владения не отделены от неё морями. Они составляют прямое продолжение её материкового тела, а массив русского населения не отделен резкой чертой от инородческих окраин...» [6, 304-327].

В данном случае его мысли перекликаются с мнениями М. М. Ковалевского и Н. А. Бердяева и это нашло свое отражение в формировании как внутренней государственной политики, так и определении стилей управления отдельных должностных лиц. Стили управления государством либо отдельным регионом, на наш взгляд, не связаны с этнической принадлежностью и наблюдаются у различных правителей как имперского, так и регионального уровней. Например, у А. Ермолова явно преобладает деспотический стиль руководства. Многие видные представители российская администрация на Кавказе этнически не были русскими. Это были представители многих народов империи, в том числе из так называемых «порабощенных», если следовать терминологии из западноевропейской историографии.

Анализируя проводимую ими внутреннюю политику, многие либерально настроенные историки допускали искажение исторической действительности. Что же касается советских исследователей, то в угоду политической конъюнктуре, описывая «проклятое царское прошлое», они вводили в научный оборот некоторые отдельные исторические факты, на основе которых делали общие выводы, подтверждающие пагубность положения народов Кавказа под «русским ярмом».

Российская империя наиболее мягко в сравнении с другими империями пыталась взаимодействовать с институтами власти, существовавшими у кавказских народов. Это очень верно подметил М.М. Ковалевский: «К чести нашей политики надо сказать, что в сношениях с народностями, населяющими империю, мы никогда не обнаруживали той готовности ломать установленный у них веками строй, какой отличалась, например, английская политика в Индии.

Русскую администрацию менее всего можно винить в непонимании или отрицании чужих религиозных, нравственных и правовых устоев» [7, 266-289]. «Неприятие горцами правил империи и самое их сопротивление, понималось как неразумие, как пагубное заблуждение, от которого следовало освободиться путем увещевания и демонстрации явленной благости жизни в системе регулярной гражданственности», — справедливо отмечает Е.А. Норченко [8, 28]. Справедливости ради следует добавить, что и сам Редьярд Киплинг отмечал то обстоятельство, что миллионы людей в Индии смотрели «на Россию как на великую освободительницу» [9, 345].

Резюмируя вышеизложенное, хочется заметить, что непредвзятый анализ вопросов истории российского права и государства и, в частности, народов, составляющих Российскую Федерацию, позволяет выявить истинную гуманистическую сущность процесса создания и развития отечественного государства и права и главенствующую составляющую этого процесса — правовое воспитание.

Примечания

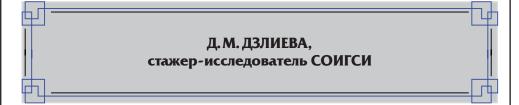
1. Чеджемов С. Р. Правовые особенности присоединения народов Северного Кавказа к России. Электронная версия. Российское право в Интернете. 2007 (04) 0,5 п.л.; Чеджемов С.Р. Правовое воспитание у народов Северного Кавказа. Электронная версия. Народное образование. 2008. № 4. 0,5 п.л.; Чеджемов С.Р. О не причинении вреда

Кавказу... (о становлении российской государственности) Народный депутат. 2010. № 4. 0,5 п.л.

- 2. Томсинов В. А. Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества: историко-сравнительное юридическое исследование. Дисс.... д-ра юр. наук. Гродно, 1993.
- 3. Хетагуров К. Л. Церковно-приходские школы в Осетии. Собр. соч. в 5-и томах. М.: АН СССР, 1959-1960. Т.4.
- 4. Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. СПб. Киев, 1889.
- 5. Муромцев Г.Н. Правовая политика: специфика понятия и ее преломление в постсоветской России // Правовая политика и пути совершенствования правотворческой деятельности в Российской Федерации. М., 2006.
- 6. Федотов Г.П. Судьба империй // Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т.2. СПб.: София, 1991.
- 7. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. М., 1886
- 8. Норченко Е.А., Айларова С.А. Модернизация Северного Кавказа в 20-50-е годы XIX века. Монография. Владикавказ: СОИГСИ, 2013. 284 c.
 - 9. Киплинг Р. Собр. соч. в 6-т. Т.1. М., 2007.

	ОИГСИ
136 ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ (11) 2014	
изывания солнам, школи шолодых учиных (11) 2014	

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИГРОВЫХ ХОРОВОДОВ В КОНТЕКСТЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ОСЕТИН

В статье рассматриваются игровые хороводы, объединенные понятием чепена. Приводятся точки зрения различных исследователей на вопросы их семантики и функционирования, освещаются вопросы классификации хороводов. В работе проведен анализ музыкально-типологических особенностей инструментальных наигрышей, сопровождающих игровые хороводы. Выявляются основные тенденции развития традиционной хореографической культуры осетин.

Ключевые слова: Традиционная культура Осетии, народная хореография, хоровод, танцевальный этикет, историческое развитие.

GENRE AND STYLISTIC FEATURES OF THE GAME RUNAROUND IN THE CONTEXT WEDDING CEREMONY **OSSETIANS**

The article types of the game round dances united by concept tchepena are examined. The author discloses the views of various researchers on questions related to their semantics, functions and historical development and sheds light on classification of round dances.

An analysis is made of musical and typological features of the instrumental folk tunes accompanying game round dances. A study of historical transformations allows the author to identify the main tendencies in the development of the Ossetian traditional choreographic culture.

Keywords: Traditional culture of Ossetia, national choreography, round dance, dancing etiquette, historical development.

В свадебную традицию осетин включены различные виды хороводов, среди которых наиболее хорошо сохранившуюся часть представляют симд и чепена/кепена. Общая черта всех хороводов в том, что участники держатся под руки — по М. Туганову, это «обычное положение рук» для данной группы танцев [1, 79].

При типологическом исследовании народной хореографии осетин нами было выявлено две категории хороводов.

К первой категории относятся орнаментальные хореографические формы, объединенные понятием симд.

Ко второй категории относится группа игровых хореографических форм, объединенных понятием чепена. Игровое начало подчеркивают такие элементы структуры чепена, как ведущая роль корифея-чегъре, наличие игрового сценария, применение атрибутики, сообразной игровому контексту, использование имитаций как характерного приема игрового поведения и др. Чепена является строго ритуальным жанром осетинского фольклора и функционирует в контексте обрядов жизненного цикла, к числу которых относится свадьба. Подобная хореография с родственным наименованием зафиксирована также и у балкарцев: «Народный танец Тепана популярен во всех селах Балкарии. <...> Он известен в двух вариантах: трудовом и свадебном» [2, 69].

Этимология слова чепена в полной мере не ясна, однако Э. Сатцаев предполагает, что в основе «Чепена» лежит персидское слово «Кейфа» — радостный, возбужденный, приносящий удовольствие и веселье, дающий хорошее настроение, доставляющий наслаждение.

В ранних источниках отмечается ритуальное значение чепена, когда хоровод с текстами эротического содержания исполнялся в темное время суток — взявшимися под руки стариками, в кругу, на третий день свадебного пирования [3, 15]. В более поздних свидетельствах раскрываются иные контексты исполнения этой группы хороводов. Так, в работе Б. А. Алборова, опубликованной в 1947 году, отмечается: «Еще сравнительно недавно в том доме, в котором была новобрачная, молодежь, а в прошлом и старшее поколение, танцевали подряд три дня с утра до вечера. По окончании обычных танцев старшие из танцоров и просто гостей собирались в хоровод — круг, брали друг друга под руки или же опирались руками на плечи друг друга и, раскачиваясь медленно, запевали в такт песню <...>. Танец продолжался до тех пор, пока участникам хороводного танца «Чепена» хозяева не вынесут съестного и выпивку. Выпив и закусив, участники высказывают с прибаутками добрые пожелания новобрачным, обычно — рождение у них 7 сыновей и одной синеокой девушки, и расходятся» [4, 360-361].

Основной массив данных свидетельствует о том, что все участники при исполнении *чепена* стояли в кругу, а руководителем танца являлся *чегъре* — ведущий, находящийся в середине круга. Обычно это был «один из лучших певцов, танцоров и балагуров. Он задавал общий тон хороводу: запевал импровизируемый текст песни, которую подхватывали участники танца» [5, 227].

Чегъре играл ключевую роль в организации танцевального пространства — все игровые задания ведущего требовалось беспрекословно исполнять участникам хоровода. В.С. Уарзиати отмечает, что «роль руководителя [речь идет о чегъре. — Д. Д.] можно было оспаривать. Если он был слишком строгим или недостаточно веселым, то из массы танцующих кто-нибудь запевал о предложении сменить ведущего и хорошенько его проучить: бросить в воду или поколотить, что незамедлительно приводилось в исполнение» [5, 228].

В научной литературе специфика *чепена* как фольклорного жанра не определена. Хореография *чепена* включает в себя как орнаментальные (движение по кругу), так и игровые элементы. Хореографические особенности *чепена* до некоторой степени определяются содержанием текстов, которые включают в себя команды танцующим:

- рахизырдем чепена ('вправо чепена');
- галиуырдам чепена ('влево чепена');
- кæдзтæ-мæдзтæ чепена ('зигзагообразно чепена');
- иугай къахыл чепена ('подскоками на одной ноге чепена');
- дзуццаг бадтай чепена ('вприсядку чепена') и т.д.

Команды могут приобретать вид более сложноорганизованных конструкций, объединяющих в последовательности два или более игровых действия:

- къухта заххыл арцавут-уа цасгомыл арсарфут ('ударьте руки об пол-оботрите ими лицо') [6, 020];
- рахиз фæрстыл æрххуыссут > æмæ сын сæ пъол расæрфут > сæ рыгтæ сын расæрфут > се 'фсинæн æнцондæр уа [7, 347] ('ложитесь на

правый бок >и вытрите им пол >и пыль вытрите чтоб хозяйке легче было') и т.д.

Особый статус песням придавали и ритуальные угрозы в адрес того, кто отказывается плясать Чепена: «Кто не спляшет Чепена, у того пусть сдохнет корова!» [8, 183] или «Кто не сделает Чепена, пусть у того вол не сможет пахать!» [9, 273].

В тексте, приведенном Берзеновым, игровое начало проявляется в особенностях построения поэтической композиции по принципу кумуляции в средней части песенного сюжета (вопросы и ответы, связанные с брачной символикой, представлениями о жизни и смерти):

«В эту ночь чем накормили нашу новобрачную?

Чем, как не красным шашлыком из мяса зайца.

На небе летит ворона, у ней во рту солома

- К чему эта солома?
- К тому, чтобы устроить гнездо и вывести в нем пташек.
- А пташки на что?
- На то, чтоб они выросли и предвещали смерть людей.

Выпьем же, пока не отошли в ту сторону,

Отколь не возвращаются.

Кони наши быстры, мечи остры — ломай их о грудь врагов!» [10, 117].

Среди поэтических текстов песен данной группы представлены также сюжеты эротического плана, отражающие идею свадьбы как соединения мужского и женского начал. Маркером этой группы является применение своеобразной лексики, на символическом уровне описывающей коитус [11, Ф. ф., д. 15, п. 8, с. 25].

Один из вариантов текста чепена построен как уподобление географических названий осетинских деревень и сел поэтическим мотивам, развивающим тему соития [11, Ф. ф., д. 15, п. 8, с. 22]. Подобные тексты весьма наглядно демонстрируют способ вербальной организации. Игровые по форме, они, безусловно, выполняли ритуальные функции в контексте свадебного обряда. Еще один вариант данного песенного сюжета был зафиксирован ГТРК «Алания» — эротическая символика в нем затушевана, что связано с авторедакцией, осуществленной народными певцами во время студийной записи. Изменения коснулись не только содержательной части текста, но и рефрена.

Выше-выше — Сирнад. Уайра уайтау. Их зерна хватило на мамалыгу. Уайра уайтау. Ниже его — Сындзысар. Уайра уайтау. Расчешите волосы невесте. Уайра уайтау. Ниже его — Ецына. Уайра уайтау. Их сена хватило на один стог. Уайра уайтау.<...>[12].

Свободное замещение слов в рефренах песенных сюжетов одного семантического поля представляется достаточно характерным. В некоторых образцах возможно функционирование двух рефренов: например, в одном из вариантов в начале текста используется припев — алай-булай, a в конце — чепена [11, Ф. ф., д. 15, п. 8, с. 28].

Рефрен, включающий словосочетание алай-булай, также указывает на ритуальные функции песни, ее связь с центральным обрядом осетинской свадьбы — обходом вокруг очага. По сведениям, полученным от Б. Газданова, Алай зараг могла координироваться с эротическими сюжетами и исполняться в кругу, взявшись под руки и пританцовывая [6, 002-002].

В настоящее время зафиксировать песни эротического содержания на осетинской свадьбе непросто. В ряде записей чепена карнавально-эротические элементы поэтики снимаются или замещаются более нейтральными. Например, в записи 1963 года запевала заменяет строки с эротической символикой распевом гласных «а» или «о». В рефрене она поет алай булай, а подпевающий ей хор вторит — уайра уайтау [11, Ф. искусство 82 № 3].

На наш взгляд, и само слово Чепена некогда принадлежало кругу табуированной лексики, обладавшей особой символической нагрузкой. Недаром слово чепена входит в рефрен песенной строфы, произносится в зачинном разделе текста и в его завершении.

Подводя итоги, отметим, что вектор исторических изменений текстов Чепена связан с нивелировкой его обрядовых функций, наиболее четко проявляющих себя на уровне эротического содержания и наличии особого рода рефренов. Цепочку преобразований можно выстроить следующим образом — от табуированных припевов чепена и алай-булай к общекавказскому возгласу, не обладающему глубинной семантикой — уайра уайтау.

Музыкально-стилевые особенности этой группы хороводных песен однородны в типологическом отношении, что обусловлено единством их функций. Необходимость поддержки хоровода и наличие игрового начала делает музыкально-ритмические и композиционные особенности ведущими в организации песенной формы. Темп исполнения всегда довольно быстрый и имеет тенденцию постепенного ускорения к концу (соотношение начального и конечного темпа звучания часто достигает пропорций 1:2).

Сравнивая полевые записи последних лет с нотациями, выполненными в 1920-е годы, обнаруживаем, что в ранних фиксациях еще более отчетливо проявлял себя принцип орнаментирования в запеве. Ритмическая организация второй части — рефрена, напротив, чрезвычайно устойчива, что, прежде всего, связано с хоровым интонированием. Характер соотношения разделов музыкальной композиции обнаруживает согласование разделов по вопросо-ответному принципу, в котором припев играет роль магической закрепки.

Устойчивость ритмического контура припевного раздела ярко проявляется в современных записях чепена, когда корифей говорком произносит текст, а остальные участники ансамбля коллективно скандируют припев, четко соблюдая нормы ритмизации, без сохранения интонационного контура. В ранних записях, напротив, многоголосие чепена обладает всеми типичными для осетинской песенной традиции способами построения вертикали, где главенствуют квинтовые параллелизмы с унисонными или октавными схождениями голосов к главной ладовой опоре.

В интонационном отношении группа напевов чепена также обладает едиными характеристиками: довольно узким диапазоном развертывания мелодической линии и ее относительной неразвитостью, скованностью. Вопросо-ответный принцип соотношения разделов композиции проявляется на уровне ладового сопряжения двух опорных тонов каждого из разделов песенной строфы — движение от побочной опоры к основной (в запеве) и ее утверждение как главенствующей (в рефрене).

Итак, музыкально-стилевые особенности чепена, проявляющиеся в ведущем значении музыкально-временных параметров организации, тесно связаны с хореографической составляющей фольклорного текста. Все они принадлежат одному типу строфики и обнаруживают принципиальное сходство вариантов, зафиксированных на разных срезах исторического развития осетинской музыкальной культуры.

Таким образом, песенно-хореографические формы, объединенные понятием чепена (включая песни с другими видами припевов), сформировались в системе свадебного обряда, но на определенном этапе исторического развития их ритуальные функции были утрачены, и на первый план вышло игровое начало. В настоящее время

игровые хороводы получают жизнь во вторичных формах — за пределами свадьбы, во время различных молодежных гуляний.

Несмотря на современные контексты функционирования чепена, структурно-типологические особенности этой группы хороводов оказываются достаточно стабильными — сохранены форма песенной строфы, ритмические особенности, общий характер интонирования, декламационная подача поэтического текста, принцип соотношения разделов (запев/хоровой рефрен). Изменениям подвергаются тексты, где происходит подмена исходных смыслов, сокращение семантически значимых элементов поэтики (обрядовая эротика), упрощение текстов в целом, что в совокупности приводит к утрате обрядовой функциональности.

Примечания

- 1. Туганов М.С. Осетинские танцы // Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977.
- 2. Кудаев М. Ч. Карачаево-балкарские народные танцы. Нальчик: Эльбрус, 1984.
- 3. Галаев Б. А. Осетинская народная музыка // Осетинские народные песни/Сост. Б. Галаев. М.: Музыка, 1964.
- 4. Алборов Б. А. Осетинские абречьи песни // Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2005.
- 5. Уарзиати В. Избранные труды: Этнология. Культура. Семиотика/сост. В. А. Цагараев, Е. М. Кочиева. Владикавказ: Проект-Пресс, 2007.
 - 6. Дзлиева Д. Личный архив. ЭВФ
- 7. Ирон адамон сфалдыстад: Дыууа томай/Чиныг саразта Салæгаты 3. Дзæуджыхъæу: Ир, 2007.
 - 8. Осетинские народные песни/Сост. Б. Галаев. М.: Музыка, 1964.
- 9. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ: Ир, 1992.
- 10. Берзенов Н.Г. Очерки об Осетии. Чиндзахсав. Сой-сой // Кавказ. 1850. № 95. Цит. по кн: Периодическая печать Кавказа об Осетии и Осетинах. Кн. І. Цхинвали: Ирыстон, 1981.
 - 11. НА СОИГСИ
 - 12. Архив ГТРК Алания.

ОБРАЗ КАРТИНЫ МИРА ЧЕРКЕШЕНКИ В НАРОДНОЙ ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Развитие гендерной истории и методологии гендерного исследования актуализирует изучение женской истории, места и роли женщины в историческом процессе. В данной статье на основе исследовательного анализа фольклорных источников, большей частью произведений в народно-песенной культуры, сделана попытка воспроизведения образа мира черкешенки, генднрных особенностей ее этноментального мировидения.

Ключевые слова: черкешенка, фольклор, песенная культура, образ мира, гендерная история, народные песни.

IMAGE PICTURE OF THE WORLD IN CIRCASSIAN FOLK SONGS CULTURE

The development of gender history and methodology of gender studies makes topical the study of women's history, place and role of women in the historical process. The purpose of this article is to analyze the image of the world circassian women. After analyzing the main sources on this subject, concluded the most productive use as a source of folklore in general, and lyrical songs in particular.

Key words: circassian women, song culture, folklore, world image, picture of the world, gender history, folk songs.

В современной исторической науке происходит отход от традиционной нарративной (событийной) истории, появляются новые направления в исследованиях. Одной из таких самых молодых, интенсивно развивающихся дисциплин в исторической науке является гендерная история. Проблемы определения роли и места женщин и мужчин в обществе вызывали острый интерес в любую эпоху и в самых разных культурах [1,7].

В исторической науке до возникновения гендерной методологии существовали различные подходы и повороты, приведшие собственно к развитию гендерной истории. Наиболее актуальным для данного исследования направлением исторической науки является «Школа Анналов».

Школа «Анналов» сделала предметом своего интереса не только идеологические и политические, находящие «на виду» явления и процессы, но и часто скрытые от общественного (и теперь уже исторического) обозрения «структуры повседневности» (Ф. Бродель), где протекает приватная жизнь людей, и в особенности — большинства женщин. Смещение интереса историков с изучения идеологических построений на историю ментальностей, мировидений, несло потенциальный заряд для включения истории женщин в исторический канон [2].

Интерес к социальной природе «половых» различий является достаточно новым явлением для российской науки, и исследования по гендерной теории не теряют актуальности. Культура народов Северного Кавказа и адыгов в частности — своеобразная и неповторимая, нуждается в серьезном научном осмыслении, анализе, сохранении и развитии на новом этапе цивилизационного процесса.

Проблема отсутствия письменности у народов Северного Кавказа, и в частности у кабардинцев, предстает пред нами в новом разрезе при исследовании вышеназванной темы. Отсутствие собственных письменных источников приводит к тому, что помимо трудностей, возникающих при исследовании фактологической истории, возникает проблема: пропадает как бы голос народа. При исследовании внутреннего мира черкешенки, построении ее картины мира главную, определяющую роль должны были бы играть источники субъективного характера, такие как мемуары, личные дневники и письма, но отсутствие письменности у кабардинцев приводит к тому, что почти единственными источниками остаются фольклорные. Вследствие обозначенных проблем приоритет при изучении внутреннего мира черкешенки будет отдаваться фольклорным текстам.

Использование в исторических исследованиях фольклорных произведений — явление привычное и общераспространенное. Это подтверждают и различные классификации исторических источников: Л.И. Пушкарева — А.П. Пронштейна, П.Д. Ковальченко, С.О. Шмидта и др.

В своем исследовании «Гендер как социокультурный конструкт адыгского общества» один из ведущих гендерологов Северного

Кавказа М. А. Текуева дает точную оценку значимости для исследования сознания, транскриптов эмоциональных переживаний и повседневной истории, фольклорных источников. Она указывает на тот факт, что незнание адыгами письменности, и, следовательно, отсутствие таких документов, как личные письма, дневники и воспоминания, относящиеся к прошлым векам и доступные историкам других культур, усложняют для исследователей доступ к частным переживаниям отдельного человека, осмыслению современной ему действительности. И как говорит Текуева, в этом случае компенсировать пробел помогают фольклорные источники [3,371].

Фольклорные источники совместно с данными письменности, этнографии, лингвистики и археологии образуют источниковую базу, которая позволяет по-новому подойти к решению важнейших проблем истории и культуры кабардинского народа.

Народная память — явление чрезвычайно сложное. Мало того, что она избирательна, она еще и весьма своенравна. И, кажется, нет на свете силы, которая в состоянии заставить ее сохранить что-то одно и забыть другое.

Конечно же, далеко не всегда сюжет фольклорного произведения в точности воспроизводит реальные события, не всегда содержащиеся в песне или преданиях оценки объективны и исходят из подлинного положения вещей. Но в любом случае в народном творчестве выражаются мировосприятие и интерпретация конкретных событий, свойственные огромной массе простых людей [4, 5].

Для исследования отношения черкесской женщины к окружающему ее миру, к себе, к мужу, детям, к миру в целом закономерным является выбор именно такого фольклорного источника, как песенная культура.

Неслучайно адыгский просветитель Адыль-Гирей Кешев утверждал, что из всех произведений народного творчества изустная песня служит наиболее полным и верным выражением отличительных свойств народного характера. Вот почему при изучении бытовых особенностей какого-либо народа исследователи обращаются, как к одному из главнейших пособий к песням, сохранившимся в его памяти.

Песни, утверждал просветитель, приобретают значение исторического документа даже в таких странах, где письменные памятники сохранились с древнейших времен [4,123].

Одними из важнейших видов фольклорных источников являются лирические песни адыгов. Они занимают довольно большое место в жанровом репертуаре устно-поэтического и музыкального искусства адыгов. Психологическая сторона таких песен имеет иррациональный характер, поскольку включает не логические, а эмоционально-чувственные единицы. Лирические песни являются выражением идейно-эстетического отношения автора или исполнителя к предмету сочинения. Подобное качество их очень многолико: это и трудовая деятельность, и семейно-бытовой уклад, и любовные, социальные отношения в патриархально-феодальном обществе и т.д. [5, 54].

Для раскрытия образа мира черкешенки в фольклоре, могут быть использованы разные жанры народных песен.

Начиная с самого рождения, ребенку поются колыбельные песни. Основная тематика адыгских колыбельных песен — это радость родителей, их мечты о прекрасном будущем для ребенка. Создателями и исполнителями колыбельных песен являются женщины, в основном матери и бабушки. Понятно, что и содержание песен связано с их миром переживаний [7, 112].

Колыбельные могут быть и спокойные, предназначенные только для укачивания ребенка, могут быть и драматичные, напоминающие песни- плачи. Последние относятся к созданным во время Кавказской войны.

> Умер отец твой, а я осталась. Хоть и не стала бы смерти бояться, Буду теперь героя растить, Бесстрашного богатыря, Кабарде моей защитника [1, 177].

Как видно из этих строчек колыбельной, черкешенка — не только мать младенца, но она еще и вдова павшего за родину воина, она мать не просто будущего мужчины, а воина, чьей судьбой теперь является отмщение за кровь отца убитого иноземными захватчиками.

Наряду с колыбельными, существует и особый вид песен, — так называемых песен первого шага. Помимо уговора научиться ходить, они отражают мечту родителей о будущем ребенка. Как и колыбельным, песням первого шага не чужд мотив будущей семейной жизни. Наиболее яркое выражение он находит в песнях, которые поют девочкам. Подобные песни обнаруживают явную близость к свадебным тостам (хохам) [9, 117].

В свадебных песнях, чаще всего представлящих собой тосты в честь молодых, ясно можно увидеть не только идеал невесты, принятый в адыгском обществе, но и главные требования, предъявляемые к ней, в качестве образца приведем песню «Здравица в честь невесты»:

> Чтобы всегда красивой была, Чтобы всегда счастливой была, Мы желаем невесте; Чтобы немало рожала детей Чтобы рожала одних сыновей, — Мы желаем невесте [9, 57].

Адыль-Гирей Кешев в своей статье «Характер адыгских песен» утверждал, что в адыгской песенной культуре нет места любовным песням, песням, воспевающим нежные чувства молодых парней и девушек. Сказанное представляется не совсем верным, так как любовные песни существовали у адыгов, хотя и в сравнительно малом количестве. К таким песням можно отнести: «Пленница», «Что ты парень будешь делать», «Черные глаза» [10, 59, 59].

Наряду с лирическими жанрами, в адыгской песенной культуре, одним из древнейших является величальный песенный стиль. Этот жанр представлен в несоизмеримо малом количестве в сравнении с другими жанрами. Самое известное произведение в этом ряду: «Песня о Малеч»

> Малеч красавица песню слагает, На подушке сидишь ты, горлица. Крымская вата — твое тело, Дахарана шейная кожа — твои щеки. В ее горло льющаяся вода (сквозь тело) видна, Один раз ее увидеть сто рублей стоит [5,126]. И другая менее известная — «Песня о моей Пак» Пак в удж когда вступает, Удж пляшущие рысью идут, Пак из уджа когда выходит, Удж пляшущие лениво вихляют [13,128].

Объясняется это тем обстоятельством, что в феодальном и постфеодальном обществе, для которых было характерны суровые патриархальные нравы, принимавшие нежную страсть за постыдное чувство; любовь приносила женщинам (а потом и мужчинам тоже) только страдания. Отсюда и распространенное представление, будто

любовная песня у адыгов — это только плач и сетования. Между тем, независимо от количества его образцов жанр любовного величания существует [5,119].

Воспоминания человека, прошедшие через его сознание, отражают его «видение» событий, не обязательно совпадающее с «видением» других людей или с реальностью. Фольклор со временем трансформируется в соответствии с нуждами общества, которое он обслуживает. В то же время субъективность может быть достоинством устных источников, предоставляя широкое поле для исследований в области формирования и трансформации исторического сознания, а также ментальности народа [11,105].

Именно субъективность такого фольклорного источника, как лирические песни адыгов, позволила в результате проведенного анализа прийти к более явному пониманию ментальности черкесской женщины. Анализ различных видов народных песен, таких как колыбельные, песни первого шага, свадебные, любовные, песни любовного величания, позволил раскрыть образ мира черкешенки. С помощью данного вида источников, было выявлено отношение матери к своему ребенку, ожидавшей для него самой лучшей судьбы: для девочек — красоты, благонравности и счастливого замужества, для мальчиков — удали и славы храбреца. Свадебные песни продолжают темы колыбельных песен, но уже более подробно описывают ожидания, предъявляемые к невесте и жениху. Особую ценность представляют самые редкие источники — любовные песни и песни любовного величания. Именно в них ярче всего отражается место женщины в традиционном адыгском обществе, то уважение и восхищение, которыми наделена она в народном сознании.

Таким образом, на основе анализа народно-песенных источников, нами, с позиции гендерной истории, воспроизведены отдельные фрагменты бытовой повседневности, отражающие различные уровни и жизненные связи (родители, дети, муж, семья, семья мужа, внешний мир) с тем, чтобы попытаться сложить их в единую картину мира черкешенки прошлых эпох.

Примечания

1. Текуева Мадина Анатольевна. Гендер как социокультурный конструкт адыгского общества: диссертация... доктора исторических наук: 07.00.07. Нальчик, 2006.

- 2. Блохина Н. А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления. URL http://www.gender-cent.ryazan.ru/blohina. htm
- 3. Гутов А. М., Кажаров В. Х. Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005.
- 4. Кешев Адыль-Гирей. Характер адыгских песен // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.
- 5. Налоев 3. Песни величания девушки // Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик. 1985.
- 6. Мижаев М.И. Детский песенный фольклор адыгов // УЗ КЧНИН. Черкеск. 1973. Вып. VII.
- 7. Колыбельная песня // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005.
- 8. Здравица в честь невесты // Песни живших до нас: из народной лирики кабардинцев и балкарцев. Пер. Н. Гребнева. Нальчик, 1966.
- 9. Пленница; Что ты парень будешь делать; Черные глаза // Песни живших до нас: из народной лирики кабардинцев и балкарцев. Пер. Н. Гребнева. Нальчик, 1966.
 - 10. Налоев 3. Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985.
- 11. Цикушева, С.Я. Устные источники в работах Ш. Ногмова и Хан-Гирея/С.Я. Цикушева // Вопросы теории и методологии истории/Науч. ред. Э. А. Шеуджен. Вып. 6. Майкоп, 2007.

КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ОСЕТИН

В статье рассматриваются общие и национально-специфические черты календарно-обрядовой поэзии осетин. Теоретические положения подтверждаются примерами обрядовой поэзии зимнего цикла.

Ключевые слова: календарь, обряд, календарно-обрядовая поэзия, аграрный цикл, молитвословие, заклинание, ритуал.

CALENDAR-CEREMONIAL POETRY IN SYSTEM OF OSSETIAN TRADITIONAL CULTURE

In the article the common and national features of the calendar-ceremonial poetry of Ossetians are considered. The theoretical provisions are confirmed by examples of ceremonial poetry of a winter cycle.

Keywords: calendar, ceremony, calendar and ceremonial poetry, agrarian circle, preghiera, spell, ritual.

В песенном фольклоре осетин календарно-обрядовая поэзия занимает значительное место. Изучение этого вида народного творчества является важным как для исследователей фольклора, так и для этнографов, этнолингвистов, филологов-фольклористов. Для того чтобы глубоко осознать значение фольклорного произведения, в частности зафиксированного в календарно-обрядовой поэзии осетин, необходимо обратиться к глубокому изучению традиционного уклада жизни народа, как хозяйственного, так и общественного и семейного.

Взаимосвязь этнографического и поэтического начала определяет уникальность и неповторимость обрядового фольклора. Изучение традиционных обрядов и календарно-обрядовой поэзии осетин способствует раскрытию традиционных, многовековых связей, выявляющих как общекавказские, так и неповторимые национальные черты, характерные только народу Осетии. Несмотря на то, что сбор и публикация фольклорного материала начались ещё во второй половине девятнадцатого века, календарно-обрядовая поэзия до настоящего времени остаётся наименее изученной областью в осетинской фольклористике.

Причины, вызвавшие к жизни календарь, объясняются историческими, экономическими факторами, географическими условиями жизни этноса. В его основе лежит трудовая деятельность земледельца, его наблюдательность, религиозные верования, сельскохозяйственный опыт, накопленный веками. Осетинский народный календарь по своему характеру — аграрный. Он тесно связан с трудовой и хозяйственной деятельностью земледельца, требующей от него знаний о том, когда приступить к вспашке, к севу, уборке урожая.

Все месяцы года и дни недели у осетин в прошлом имели свои названия. «Названия месяцев не одни и те же по всей Осетии и притом месяцы не совпадают с нашими» [1, 263]. В настоящее время осетины пользуются, как латинскими названиями месяцев в их русской форме, так и древнеосетинскими названиями. Названия старого календаря представляют большой интерес для науки.

Весьма интересные научно обоснованные сведения о названиях месяцев на осетинском языке и их этимологии мы находим в исследованиях крупнейшего ираниста В.И. Абаева. Учёный приходит к выводу о том, что этимология названий одних месяцев тесно связана с древнейшими традициями, основанными на природных явлениях, других — важнейшими праздниками церковного происхождения, с мифологическими представлениями и мировоззрениями предков осетин.

Календарные праздники занимали важное место в жизни этноса. Они обычно приурочивались к определенным датам. В дни проведения праздников совершались различные обряды, которые принято называть календарными.

Как было отмечено выше, осетинский календарь по своей сути аграрный. Отсюда праздники, связанные с земледелием, занимали ведущее место в календаре. Вслед за ними идут скотоводческие и другие праздники. Народные праздники определяли уровень духовной жизни общества. Осетинские календарные праздники отличались

многочисленностью. Праздников у осетин бесчисленное множество [2, 19].

На протяжении многовековой истории календарно-обрядовая поэзия была тесно связана с общественной жизнью и бытом человека. Этот богатейший материал выражал отношение народа к окружающей действительности. «Любой ритуал семейно-бытового или производственного характера всегда находился в центре внимания определенного коллектива. В связи с этим каждое слово обрядовой формулы воспринималось как значимое, активно воздействовало на сознание людей» [3, 5]. Каждому периоду года соответствовали праздники, которые сопровождались обрядовыми песнями.

Известно, что обряд — это ряд строго выполняемых действий, связанных с каким-нибудь обычаем. Суть обряда заключается в том, что действие ведётся по определенным правилам, постоянным и обязательным для всех участников. А обрядовая поэзия — это тот словесный материал, который сопровождает обряд. В осетинской обрядовой поэзии выделяют молитвословия, заклинания, песни, ритуалы и посвящения. Основываясь на этих фактах можно сделать вывод, что взаимосвязь конкретного и условного характеризует образы и мотивы календарно-обрядовой поэзии.

Обратим внимание на календарно-обрядовую поэзию осетин, она обнаруживает неравномерную сохранность. Наибольшему разрушению подвергся пласт музыкально-обрядового фольклора, тогда как словесная информация об обрядах хорошо сохранилась в памяти старшего поколения.

В качестве примера приведем новогодние праздники и сопровождающие их песни.

У осетин начало года ознаменовано святками — двухнедельным праздничным периодом от Цыппурс (Рождества) до Доныскъефенте (Крещения), но с некоторыми особенностями. Святочные обряды осетин содержат как традиционные для подобных ритуалов христианские компоненты, так и языческие элементы.

Древний смысл новогодних праздников заключался в чествовании возрождающегося солнца, дающего людям свет и тепло. Праздник в честь возрождения солнца играл большую роль в жизни народа. Он сопровождался разнообразными обрядовыми действиями, песнями, шутками. Присутствие культа солнца у осетин — свидетельство существования покровителя Солнца и огня — *Ертхурон* (букв. «огонь солнечный»). В честь него в Новом году каждая хозяйка выпекала

большой круглый пирог Ертхурон. Его размеры прямо зависели от количества членов семьи, чтобы каждый мог насытиться доставшимся ему куском. Там, где количество членов большой семьи достигало 50-60 душ и более, пирог достигал колоссальных размеров: для его испечения одной только муки расходовали до 15-20 кг [4, 311]. Пирог был с начинкой из сыра и кусочками сушеного внутреннего бараньего или говяжьего жира (в эти праздники категорически запрещалось держать в доме свинину). В начинку ритуального пирога обязательно клали монету. Существовало поверье: тот, кому достанется монета, будет самым счастливым в новом году. После выпечки пирог подавался на стол. Затем старший в семье мужчина произносил молит-

О, Ертхурон! Хурты хурон, Бур Ӕртхурон!

Хуыцауы минæвар дæ, æмæ йæм На дзабахдзинадта фахасс. Махæн та æнæниз цард

Ема бира хорздзинадта архасс.

О, бур Ӕртхурон!

Мæнæ дæ кувинаг гуыдын

Куыд дзаджджын у,

Афтæ дзаджджын амæ адджын Скæн нæ мæгуыр бинонты цард дæр. О, Артхурон! Солнце солнц! Желтый Артхурон! Ты посланник Бога, И донеси ему наши блага. А нам попроси у него

Здоровья, много всякого добра.

О, желтый Артхурон! Как изобилен (начинкой) Этот праздничный пирог, Такой же изобильной и сладкой Сделай жизнь нашей бедной семьи!

(Подстрочный перевод наш. — А. Т.)

Потом он просил у духа огня и солнца одарить его семью всеми благами земной жизни — счастьем, здоровьем, богатым урожаем, приплодом скота. Когда произносилась молитва, каждый «старался не забыть ничего желательного, так как существовало убеждение, согласно которому в начале года распределяется всякое добро на весь будущий год и если что пропустить в молитве, будешь лишен его» [5].

Старшая из женщин делила ритуальный пирог с учетом количества членов семьи. Если в семье была женщина в положении, то ей давали два кусочка: один — ей, второй — будущему ребенку. Оба куска должна была съесть мать, которая ждала ребенка. Строго запрещалось угощать кого-либо этим ритуальным пирогом, кроме членов семьи.

«Возрождение солнца означало наступление Нового года, и у людей возникало желание предугадать будущее, повлиять на судьбу.

С этой целью совершались разнообразные действия, которые были призваны обеспечить хороший урожай, удачную охоту, приплод скота и увеличение рода» [6, 73].

Основными участниками новогодних гуляний были хадзаронта (ряженые). При обходе домов хадзаронта громко распевали песни, произносили различные пожелания. Разыгрывание сцен сопровождалось шутками, веселым смехом, танцами. За это веселье ряженые требовали от хозяев вознаграждения. Существует большое количество новогодних песен. «Их содержание тесно связано с традиционными крестьянскими представлениями о благополучной жизни. Это в первую очередь, пожелания счастья, здоровья, приплода скота, богатого урожая, изобилия во всем. Среди пожеланий — родить хозяйке в новом году сына, а хозяину — убить оленя, самого почитаемого тотемного животного в осетинской мифологии» [7, 10].

Уж лжг саг амара! Чтобы хозяин оленя убил! Уæ ус тыр ныййара! Чтобы хозяйка сына родила! Уж фос цот ракжной! Чтобы стада ваши приумножились! Уж хуымтж жфсир жфтауой! Чтоб урожай ваш был обильным! Уе 'фсин басыл скæна! Чтобы хозяйка басил испекла! Уæ басылы къух мæн фæуа! Чтобы ручка басила мне досталась!

После новогодних пожеланий ряженые в складно составленных песнях требовали от хозяев вынести им различные яства. В состав подношений входили щедрые различные угощения: мясо, пироги, басылта, пиво, начиная с недавнего прошлого — деньги. Ряженые ставили в известность домочадцев, что они идут к ним в гости, но если они для них являлись нежеланными, даже порога их не переступали. В песне звучали вместо добрых новогодних пожеланий различные проклятия, в частности, пожелания «тесной могилы», засыпанной «всяким хламом».

По сведениям нашего информанта З.Т. Ахполовой-Борукаевой, жительницы с. Нарт, один из хадзаронта в вывороченной овечьей шкуре представлял собой фыр (круторогого барана). Он должен был «умереть» и «воскреснуть» после того, как хозяева совершали обряд подношения в виде различных яств. В основе обычая ряжения и маскирования лежала идея перевоплощения человека в иное существо. Такое перевоплощение осуществляло магическое воздействие на стихийные силы. Суть ряжения исследователи определяют как смеховую игру с сакральными ценностями в обряде, как игровое выражение мифологических представлений, связанных в частности с мифологи-

ческими оппозициями: мужское — женское, свой — чужой, молодой — старый. Ряжение, по мнению исследователей, выступало в качестве специфического языка общения с потусторонним миром [8, 10].

Л. Виноградова раскрывает «первоначальный смысл ритуального зимнего обхода как инсценирования прихода духов из «иного мира» с целью получения специальной обрядовой пищи [9, 231].

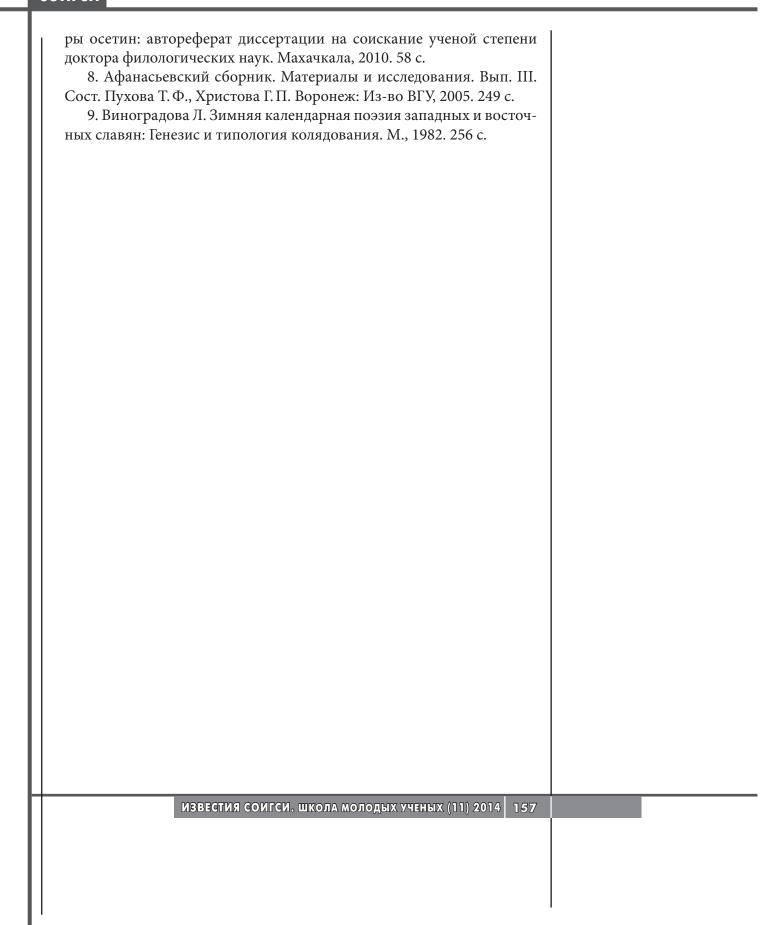
Весь песенный репертуар, который сопровождал обходы дворов в селах, в своей основе составляли разнообразные формы: колядки, посевания, благопожелания.

В первый день нового года вошедший в дом мужчина совершал обряд «посевания» со словами: «Хорджын ут!» (Богатого урожая вам!); «Баркадджын ут!» (Изобилия!); «Ананиз ут!» (Здоровья!); «Амондджын ут!» (Счастья вам!). В народе было поверье, что от человека, вошедшего в дом первым в наступившем году, зависело счастье и благополучие семьи в течение всего года.

Итак, обряды были весьма распространённым явлением в Осетии, однако степень их распространения не была одинакова в разные периоды календарного года. В современной жизни, естественно, произошла в обрядах некоторая трансформация, и всё же одним из ключей к вопросу о самоидентификации является, как известно, традиционная культура. Обряды и сопровождающая их поэзия отличаются тематическим и художественным разнообразием. Исходя из вышесказанного, календарные обряды и сопровождающая их поэзия — это органичная часть народной культуры, которая связана с сельскохозяйственной деятельностью и различными промыслами.

Примечания

- 1. Миллер В. И. Осетинские этюды. Ч. II. М.,1881. 462 с.
- 2. Зиссерман А. Отрывки из моих воспоминаний // Русский вестник. Т. 138. М., 1878. 991с.
- 3. Дарчиева М.В. Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. — 319 с.
- 4. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2008. 599 с.
 - 5. Берзенов Н. Г. Новый год у осетин // Кавказ. 1855. № 2.
- 6. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. М.: Флинта, Наука, 1998. 400 с.
 - 7. Бекоев В.И. Народная поэзия в системе традиционной культу-

Обращение есть когда слово обращаем к другому лицу, подлинному или вымышленному, от того, которого само настоящее слово требует. Сея велико лепныя, сильныя и слово оживляющия фигуры довольно есть примеров у великих ораторов и стихотворцев.

В. Ломоносов [1, 266]

СИДЖН ЖМЖ СИДЖНЫ ФУНКЦИТЖ ИРОН ЖВЗАДЖЫ (НАРТЫ КАДДЖЫТЫ ÆРМÆГМÆ ГÆСГÆ)

Ирон æвзагзонынады сидæны фарстайы тыххæй ис хицæн фиппаинæгтæ фæлæ, хъыгагæн, ацы темæйыл нырма ничи ныффыста сæрмагонд монографион куыст. Иужй-иу автортжм сиджны тыххжй цы хицжн фиппаинжгтж ис, уыдон сты уырыссаг жвзаджы ахуыргжнжн чингуыты фæткойтæм гæсгæ фыст. Уымæ гæсгæ уыдонæй теоретикон ахадындзинад ней. Афтемей та, раст зегъгейе, ирон сиденен ис йæхи национ миниуджытæ. Иннæ æвзæгты куыд у, афтæ. Æмæ ацы темæ у сæрмагондæй æркæсыны аккаг.

Регъмехаст цыбыр уацы мах пайда кенем 1946 азы мыхыргонд «Нарты кадджыты æрмæгæй», стæй æрæджы цы авдтомон æмбырдгонд рацыд, уымай дар.

Зонадон литерæтурæйы сидæны функцитыл æрмæг бирæ ис. Ахуыргæндты хъуыдымæ гæсгæ, сидæны функцитæ бирæ сты, фæлæ уыдоней авторте хиценхуызон аргъ кенынц. Сидены сейраг функцитæ сты дыууæ: апеллятивон æмæ экспрессивон [2, 341]. Ацы дыууæ функцийы сты сидæны сæйрагдæртæ, фæлæ мах бæстондæр куы æркжсжм сиджны миниуджытжм, ужд бамбардзыстжм: уыдон скойгонд функциты фелгеты не бацеудзысты.

Уырыссаг жвзагзонынады бындужвжржг М.В. Ломоносов сиджны тыххей мене афте фыста: «Сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить,, сказывать, толковать, поздравлять и проч., к кому слово от предложенной материи обращается...» [3, 267].

Ерхаст цитатæйæ бæрæг у, М. В. Ломоносов сидæнæн иттæг егъау аргъ кей кодта, уый. Ноджы М.В. Ломоносовы сидены хъомыс куыд жмбары, уымжн ис методологион ахадындзинад. Цыджридджр у, уæддæр мах номдзыд ахуыргонды мæнтæныл æнцой кæндзыстæм на куысты.

Регъмежаст теме егерон кей у, уый ембарге мах райстам ермест сидены цалдер хуызы. Хъуаме исчи зегъа, Нарты кадджыты жвзаг иуцасджр архаикон у, зжгъгж. Уый иужй раст у, фжлж нж адемме фыссынад ереджыгомау фезынд еме нем рагон фыстытж на баззади. Кадагганджыта та каддариддар пайда канынц, адем кеуыл сахуыр сты еме кей ембарынц, уыцы евзагыл. Нарты кадджытæ фыст æрцыдысты XIX-XX æнусты. Кæд æвзаджы иудадзыг ивддзинедте цеуы, уеддер Нарты кадджыты грамматикейы зынга ивддзинадта не рцыд.

Фыццаджы фыццагдæр уал æркæсæм, Нарты тæккæ дзырцомахъдæртæ (гуыппырсартæ) сидæнæй куыд пайда кодтой, уымæ.

Нарты кадджыты сиджнты ролы сты аджимжгты, жнжуд предметты, хæстæгдзинад, кар, дæсныйад, æхсæнадон статус, æнкъарæнтæ жмж жнджр нжмттж жвдисжг дзырдтж.

- Адейметты немтте евдисег:
- Цӕй ӕнкъард дӕ, Созырыхъо?

(«Созырыхъо ус куыд ракуырдта»)

— Дзерасса, маст ма кæн, æз сæ баныгæндзынæн,...

(«Сырдоны кадаг Нарты Уахтанагыл»)

— Мукара, уым нæ дæ?

(«Тары дыууæ фырты Мукара æмæ Дибыц»)

Нарты кадджыты ис ахем сиденте, кецыте евдисынц Хуыцауы жмж дауджыты нæмттæ:

- Барастыр, курын дæ, ракæн уый бæрц хорз, ...
 - («Уырызмеджы ененом леппу»)
- Хуыцауты стыр хуыцау, ме сфæлдисæг хуыцау!

(«Уырызмеджы ененом леппу»)

— Хуыцæуты хуыцау, мæхи хуыцау!

(«Сатанайы лæппу»).

— Басыгътæн, Куырдалæгон, æмæ мæ айс!

(«Батрадз жмж Бждзжнжг»)

Арахдар арынц Хуыцауы, Куырдалагоны, Барастыры ном. Уырныдта сæ, мæрдты бæсты дæр цард кæй ис. Æмæ Барастырæн лæгъстейаг сты.

Жнжуыд предметты:

- *Йе хуымаллаг*, бауром мынай уый ма тудджын у!
- Гъейтт, *берз*, ма ауадз, чысыл мын ме'знаджы еруром!

(«Сосланы мæлæт»)

- Хастагдзинад:
- Арв дæ ныццæвæд, *ме'фсымæр*! Уый ды цы ми бакодтай?

(«Сырдоны кадег Нарты Уехтенегыл»)

Афта зæгъы Æсæртæг, куы федта йæ бинойнаг Дзерасса æмæ **Ехсары** иумæ, уæд. Уый æнхъæл уыд, æмæ æрцыд æвирхъау ми, сæрмæ æрхæссæн кæмæн нæй, ахæм хъуыддаг. Æмæ йæ æнкъарæнты тых жвдыст жрцыди сиджн «ме'фсымжр» — ы. Ужлдай зынджр ын у йж **ж**фсым**ж**р**ж**й райсын ах**ж**м **ж**фх**ж**рд. Тыхджын**ж**р **ж**й к**ж**ны сид**ж**ны разжй цы жлгъыст жвжрд ис, уый.

- Мах цæуæм, нæ мад, Нарты Ныхасмæ.
 - («Уырызмет еме Хемыц Уерхеджы куыд ссардтой»)
- Ма тæрс, нæ фыд, мах ацæудзыстæм æмæ бæлас бахъахъхъæндзыстем!

(«Нарты фæткъуы»)

Ацы дæнцæгты та сидæнты руаджы æвдыст цæуы ныфсдæттæг кей сты се фыден Ехсар еме Ехсертег, се маден — Хемыц еме Уырызмет, уый. Сиденте «не фыд», «не мад» ма сты уездандзинад, кад хистæрмæ æвдисæг дæр.

— Уæ, мæ хо Сатана, ай мын цы бакодтай?

(«Сатана Уырызмеджы ус куыд сси»)

Сатанайы ми тынг сместы кодта Уырызмеджы, фегад ей кодта адемы астеу. Еме ам сиден евдисы Уырызмеджы зердейы уаг: худинаг, маст, уайдзæф. Сидæн ма тыхджынгонд цæуы æвастхъæр «уæ» йы' руаджы

— Нана, уф-уф-ф! Аллон-биллоны смаг дæ цæуы, загътой йæ фырттæ.

(«Нарты Сослан тыхагур»)

Ам уынам, кад уайгуыта, са мадма дзургайа, пайда канынц фæлмæн сидæн «нана» — йæ, уæддæр бæрæг у, кæй нæ бахъахъхъæндзжн ужйгуыты мад йж фырттжй аллон-биллоны, уый.

- ❖ Кар æвдисæг:
- Заронд, цаф сафт, дам, факодтам, уада, гъей.

(«Нарты Уырызмеджы кадег»)

— Цы маст, цы хъыг дж бацыд, заронд лаг?

(«Уырызмæджы кадæг»)

- ❖ Æхсæнадон статус:
- Уж Созырыхъойы жххуырст, Созырыхъойы жххуырст! Джхи фыдæбонæй мауал мар:...

(«Тары дыууæ фырты Мукара æмæ Дибыц»)

Фæлварæнтæ кæны Сослан Мукарайæн, фæлæ Мукара цæмæй зоны уый Сослан у, уый. Сосланы жххуырст жй хоны. Жмж йжм дзуры куыд аххуырстма, афта: ома аххуырстай цы домын, цы зоны. Фæлхатгонд дæр уымæн цæуы сидæн.

- ❖ Дæсныйад:
- Байрай, рæгъаугæс! Цы дæ, цавæр дæ?

(«Тары дыууæ фырты Мукара æмæ Дибыц»)

- **❖** Æнкъарæнтæ:
- Гъе мардзæтæ! Райсом Уарбийы æфсæдтæ Хызыны æфцæгыл ссæуынц

(«Нарты Созырыхъо куыд жрхаста Ахсжрттжггаты ржсугъд

Дзырд «мардзæ» арæхдæр æмбæлы кадджыты иууон нымæцы. Ацы ран та биржон нымжцы. Уый вжййы стжм хатт. Ам жвдисы хжстон сидт, фæдис. Тыхджынгонд цæуы æвастхъæр «гъе» — йæ.

Нарты кадджыты сиденте даргъгонд сты алыхуызон ембарынгенен дзырдтей.

— *Лæппу*, рауай-ма, ацаход, *мæ хур*!

(«Уырызмеджы ененом леппу»)

«Мæ хур» — номивæг. Афтæ хоны Уырызмæг йæ лæппуйы, фæлæ йж нж зоны йж лжппу кжй у, уый. Афтж дзурид цыфжнды жнжзонгж лæппумæ дæр.

— Хорз, ма сары хицау! — загъта йын Сатана.

(«Уырызмæг Сатанайы йæ цæгатмæ куыд арвыста»)

«Мæ сæры хицау» — номивæг æмæ номдар гуырынон хауæны æвæрдæй; Сатанайы Уырызмæг йæ цæгатмæ æрвиты, нæ фæнды Сатанайы, феле разы кены йе фендониме, дыууе не дзуры. Егъдау на халы. Уый аддаг бакастай, фала сажетма гасга Сатанайы фанд жнджр у.

— Хуыцауты стыр хуыцау, ме сфæлдисæг хуыцау!

(«Уырызмеджы ененом леппу»)

«Хуыцауты стыр хуыцау», — миногон жмж номдар биржон нымжцы гуырынон хаужны жвжрджй; «ме 'сфжлдисжг хуыцау» — номивжг жмж миногми;

Ам æвдыст цæуы даргъгонд сидæнты руаджы куыд бæрзонд жвжрд жрцыд Xуыцау, куыд жгжрон у йж стырдзинад.

Аржх сиджны разжй фжллжуынц жвастхъжртж, амонжн номивджыта, касцыта са тыхджындар каснынц эмоционалон агъдауæй.

— Гъей, каланганаджы фырт, каланганаджы фырт!

(«Тары дыууж фырты Мукара жмж Дибыц»)

Афтæ дзуры Мукара Сосланмæ, чи у уый куы базыдта, уæд. Хорз схуыдта кæлæнгæнæджы фырт.

Уæ, рæсугъд Елдæ, мæ чындзы хай Елдæ,...

(«Сатана Уырызмеджы ус куыд сси»)

— Гъж, ужртж цжужг, нжртон лжджы цыд куы кжныс, нжртон лæджы хуызæн куы дæ?

(«Тары дыууж фырты- Мукара жмж Дибыц»)**

Сидæны руаджы ма дзурæг æвдисы йæ ахаст, кæимæ дзуры, уымæ. Уыдон сты «аргъгæнæг нысаниуæг æвдисæг» [4, 347] сидæнтæ.

— Гаууыр, налат Сатана, жмж мж хо куы дж?...

(«Уырызмаг ама Сатанайы таурагъ»)

Ам Уырызмег Сатанайы налат схуыдта цы ми бакодта, уыме гесге. Ахем ми ерместдер налат сылгоймаг бакодтаид.

— Æ, мæ зондджын æмбал, дыккаг хатт мæ хъуыды дæр ничиуал **жркодта**.

(«Уырызмаг ама Сатана»)

Зондджын схуыдта Уырызмаг Сатанайы, йа ныхаста раст куы разындысты, уæд.

— О куыдзы хъæбул!

(«Хæмыцы фырт чысыл Батырадзы кадæг»)

^{*} Арахдар Нарты кадджыты фыст у Бибыц. Ам (куыд вариант) — Дибыц.

— Уж, бур хараг, жз, мж фыдыстжн!

(«Нарты Батрадз Хæмыцы туг куыд иста»)

Ацы дæнцæгты сидæнтæ «куыдзы хъæбул», «бур хæрæг» æвдисынц Нарт се 'знæгтимæ куыд æгъатыр сты, уый.

Гольдин В. Е. фыссы: «Сиден у, æвзаджы æппæты арæхдæр кæмæй пайдагонд цæуы, ахæм этикетон нысан» [5,124]. Нарты кадджыты сиджн у этикетон нысан джр. Уый жвдыст цжуы алыхуызон ахжстыты: ныййарджыты жмж цоты 'хсжн, лжг жмж усы 'хсжн, аджм жмж Хуыцау жмж дауджыты 'хсжн, уазжг жмж фысымы 'хсжн ж. а. д.

Цымыдисаг сты ахастыта Сатана ама Уырызмаджы 'хсан.

Цæлынмæ лæг æмæ ус не систы, уалынмæ арæхдæр пайда кодтой сæрмагонд нæмттæй загъд сидæнтæй.

— Фахудинаг ма кодтай, Сатана, Нарты 'хсан ма куыд фацардзыстем, цы цесгомей ма равдисдзыстем нехи?!

Ам жвдыст сиджны руаджы цжуы Уырызмжджы сагъжс сж хъысматыл.

(«Сатана Уырызмæджы ус куыд сси»)

— Гъе, уæдæ Уырызмæг, нæ хъуыддаг дæр афтæ....

(«Сатана уырызмеджы ус куыд сси»)

Сатана Уырызметен ныфс детты. Тыхджынгонд цеуы сиден жвастхъжр «гъе» — йж.

— Уырызмаг, аддама ацауынан авгъау куы дан, уа куыд бакæнæм?

(«Уырызмая сатанайы йа ус куыд скодта»)

Ембарын кæны Сатана Уырызмæгæн кæй йæ нæ фæнды искæмæ чындзы фецеуын еме сидены бавердта фарст, уынаффе евдисег жнкъаржнтж.

— Уырны дæ, Уырызмæг, фæнды мæ мой скæнын, фæлæ мæм ничи ужнды...

(«Уырызмаг ама Сатана»)

Сатана Уырызмеджы жуужндын кены жндер генен ын кей нæй, ууыл.

Фæлæ лæг æмæ ус куы баисты, уæд сидæнтæ дæр ивд æрцыдысты:

- *На лаг*, мардхусса ку никкодтай, кумадар цауйнаг ку адта.... («Оразмаги балци жмж Сатана»)
- Нæ зæронд лæг. Дæ разæй ныхасы бар никæмæн ис...

(«Уырызмæджы кадæг»)

Сидæнтæй «нæ лæг», «нæ зæронд лæг» пайда кæны арæхдæр Сатана

адæмы `хсæн. Куыд куырыхон хистæрæн, кад домы Уырызмæгæн канд хæдзары нæ, фæлæ æхсæнады дæр.

— Лагай, да зарондма фацардта кадима...

(«Уырызмеджы ененом леппу»)

Сиден «легай» — йе пайда кены Сатана интимон уаверы. Ирон æвзаджы ахæм дзырдтæ сты цалдæр: «усай», «лæгай», «чызгай», «тæрай», «чындзай»

Не'фсин, хъыг ыл кæнай, æви йыл цин кæнай, фæлæ дын зæгъдзынæн диссаджы уац!

(«Уырызмæджы æнæном лæппу»)

Сидæн «не'фсин» æвдисы Сатанайы бæрзонд статус, куыд æфсин, афтæ.

Джнцжгтжй бжржг у куыд пайда кжнынц сиджнтжй алыхуызон ситуациты Уырызмаг ама Сатана. Иунагай куы ваййынц, уад пайда кæнынц ахæм сидæнтæй: «усай», «лæгай», «арвы хин, зæххы кæлæн», «мæ зондджын æмбал» æ. а. д. Адæмы `хсæн арæхдæр дзурынц кæрæдзимæ: «не'фсин, «нæ лæг». Гуыриаты Тамерлан адон хоны «уæзданы сымах» [6,47].

Этикетон сты уазæг æмæ фысымы хсæн цы сидæнтæ ис, уыдон дæр:

— Хуыцау уын маст ма зæгъæд, мæ буц фысымтæ, фæлæ цæуыл маст кæнут?...

(«Дзерассæ-рæсугъд»)

Ехсертег «ме буц фысымтæ» схуыдта Донбеттырты, Дзерассейы бинонты. Хъездыг еме буцхаст уыдысты Дзерассейы авд жфсымжры жмж дыууж хойы.

- Хорз цæрат, уазджытæ! Æгас нæм æрцæут! дзаупп сын радтой нарты хисдæртæ.
 - («Уырызмеджы фестаг балц»)
- Æгас нæм цу, уазæг! Æрхиз дæ бæхæй! Чи дæ, цы бæстаг дæ, уымей де не ферсын!

(«Уырызмæджы æнæном лæппу»)

- Уж райсом хорз жмж фарн уж хждзары!
- Хорз дæ хай, *уазæг*, загътой уыдон дæр.

(«Дзерасса- расугъд»)

Ацы дæнцæгты æвдыст цæуы уазæг куыд кадджын уыди нартæм уый. Йж номжй на фжрсынц уазжджы, уый сжм нж кастис сжйраг.

— Æгас цу, *нæртон гуырд*! — дзуры йæм уæйыг.

(«Нартæ «чи хуыздæр» — ыл дзырдтой»)

«Нартон гуырд» афтæ схуыдта уæйыг Батрадзы, цыдæр миниуджытем гесге. Уыцы миниуджытей нарт хицен кодтой инне адæмæй.

— Хорз цæрай, æгас цæуай, хорз уазæг!

(«Хамыцы фырт чысыл Бытырадзы кадаг»)

Этикетмæ гæсгæ не'мбæлыд уазæджы йæ номæй фæрсын. Æмæ пайда кодтой сидентей: «уазæг», «фысым», «нæртон гуырд». Ацы сиджнты разжй ма аржх пайда кодтой арфжйаг дзырдтжй: «хорз дж хай», «фарн уж хждзары»; аргъгжнжг сиджнтжй: «мж буц фысымтж», «нæртон лæг», «хорз уазæг» æмæ афтæ дарддæр.

Куыд уынам афтамай сиданан ис алыхуызон нысаниуагта. Загъжн ис жмж сиджн дар (бирж жнджр жвзаджы фаржэты хуызжн) ирон æвзаг кæны «тасаг æмæ рæсугъд, хъæздыг æмæ цардхъом» [7,6].

Примечания

- 1. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Полное собрание сочинений, том VII. М.-Л., 1952.
- 2. Кручинина И. Н. Обращение // Энциклопедический лингвистический словарь. М., 1990.
- 3. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Часть II Синтаксис // Издательство «Ир». Орджоникидзе 1982.
- 4. Гольдин В. Е. Обращение: Теоретические проблемы: учебное пособие для вузов/В. Е. Гольдин. Саратов: Книжный дом «Либроком», 1987.
- 5. Гуыриаты Тамерлан. Ужд ужзданы «мах» жмж «нж» та? //Цард ивы, жвзаг рæзы. Дзæуджыхъæу. 2008.
- 6. Гуыриаты Тамерлан. Ныхасы культурейы хицен фарстате // Ирон ныхасы культура. Ор., 1989.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ В ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Современное языкознание включает ряд научных дисциплин, каждая из которых имеет свой объект и свои методы исследования. Данная статья посвящена обзору методологических подходов в таких особых научных дисциплинах, как описательная и историческая диалектология языка.

Ключевые слова: осетинский язык, методы диалектологии, дигорские говоры

ON THE METHODOLOGICAL APPROACHES IN DIALECTOLOGY

Modern linguistics includes a number of scientific disciplines each having its object and methods of research. This article reviews the methodological approaches in such specific disciplines as descriptive and historical dialectology of the language.

Keywords: Ossetian language, methods of dialectology, Digorian dialects

Диалектология — это раздел языкознания, который изучает территориальные разновидности языка (диалекты). Она подразделяется на описательную и историческую. Описательная диалектология изучает современные территориальные разновидности языка, а историческая — изменения диалектов во времени.

Еще до 40-х годов XX века диалектология находилась на эмпирическом этапе и занималась в основном накоплением материала и его систематизацией, а в области проблематики довольствовалась решением традиционных задач исторического языкознания. XX век преобразовал как лингвистику в целом, так и ее отдельные области. Идея системности как центральный постулат современной лингвистики и

развившиеся с ней новые методы исследования языка распространилась (хотя и позже чем на другие области языкознания) и на диалектологию [8, 216].

Методологические подходы в диалектологии определены целями и задачами исследования того тили иного плана, но работают они в абсолютном взаимодействии.

І. Описательная диалектология

Методы описательной диалектологии различны в зависимости от этапа изучения тех или иных говоров. Первым этапом является сбор фактического материала, а вторым — анализ собранного материла, выявление особенностей на разных уровнях языка.

Как известно, диалекты не имеют письменной формы реализации. Основным способом сбора диалектного материала является непосредственное наблюдение над устной речью носителей говоров, фиксируемое в диалектологических записях. Ввиду этого в описательной диалектологии для их изучения используется, прежде всего, анкетный метод и метод наблюдения над спонтанной речью. Анкетный метод предполагает сбор сведений о языковых особенностях диалекта, с помощью специально подготовленных вопросников. Как правило, вопросы могут относиться к разным уровням языковой системы диалектов. Сопоставление, полученных таким образом данных, дает возможность выявления различий в речи информантов и, тем самым, способствует определению особенностей того или иного говора. К сожалению, полного вопросника по диалектологии осетинского языка до сих пор не подготовлено. Мы разработали программу, которая в основном рассчитана на сбор материала по фонетике и лексике дигорских говоров. Она включала около 150 пунктов, но после апробации в нескольких населенных пунктах она пополнилась еще несколькими пунктами.

Следует отметить, что метод опроса может применяться в основном при сборе материала по лексике, при наблюдении же над другими сторонами говора — фонетикой, морфологией, синтаксисом, этот метод не совсем подходит. Однако надо иметь в виду то, что не только в лексике, но и в фонетике и морфологии мы имеем дело часто с отдельными словами или ограниченными группами. Так, например, в дигорских говорах мы имеем разные варианты произношения некоторых слов: мингий — маленький (минкъи, минкъий, мæнкъæй, мæнгæй); уæгъæли — шиповник (уæгъели, уогъæли, уагъæли, угъæли) и т.д. Или же мы имеем некоторые особенности в форме образования

множественного числа существительных, например: игра — ед.ч. гъаст, мн.ч. гъжститж, гъжстжлтж; слово — ед.ч. дзурд, мн.ч. дзурдт, дзурдтæ, дзурдтæлтæ; могила — ед.ч. цирт, мн.ч. цирттитæ, циртта и т.д. В свободной беседе эти слова могут просто не попасться, и в этом случае целесообразно включить такие случаи в вопросник, или же использовать метод тематических бесед.

Запись диалектной речи должна осуществляться с помощью фонетической транскрипции, которая даёт подробную характеристику звукового состава языка на данном этапе и отражает не только звуки-фонемы, но и варианты этих фонем (аллофоны), а также тональность звуков и ударяемость слога [9, 35]. Это необходимо при записи материалов по фонетике и морфологии.

При методе же непосредственного наблюдения происходит запись живой речи аудитивным способом. Такие записи позволяют проводить более скрупулезный анализ языковых особенностей, которые характеризуют тот или иной диалект. Особенно этот метод ценен для определения синтаксических и морфологических особенностей. Самым сложным разделом для наблюдения является синтаксис, потому как для выявления каких либо особенностей в синтаксических конструкциях необходима запись связных текстов, в то время как для фонетики и морфологии достаточно словосочетаний и слов. Следует отметить, что при проведении наблюдений над говором необходимо учитывать неоднородность говора того или иного населенного пункта, его социальную дифференциацию, потому как эта дифференциация имеет глубокие исторические корни.

Важную роль для формирования и становления описательной диалектологии сыграла разработка метода описания диалектных систем как вариантов одной системы. Метод был предложен Р. И. Аванесовым еще в 1947 году, и стал основополагающим для ряда крупных работ по русской диалектологии последующих лет. Такой подход обоснован тем, что «то свойство диалектных систем как частей более обширной языковой общности — национального языка, что они, находясь между собой в отношениях закономерных (системных) соответствий, являют в своей структуре черты общности и различий разных рангов. Структура диалектного языка в разных его звеньях и реализуется этими общими для всех говоров или варьирующимися по говорам элементами их структуры» [3, 52].

Использование этого метода для описания структуры диалектов имеет большое значение, как для диалектологии, так и для языкознания вообще, так как позволяет определить общие свойства структуры языка.

II. Историческая диалектология

Как было сказано выше, задача исторической диалектологии реконструкция истории разных диалектов (история возникновения, развития или утраты диалектных особенностей, определение ареала распространения).

Целью исторической диалектологии является воссоздание истории языка в его диалектных разновидностях на всем протяжении его существования. Своеобразная языковая ситуация, сложившаяся в современных говорах, требует типологически-сопоставительного исследования характера и путей преобразования диалектных систем. Основная сложность таких исследований заключается в неразработанности методов изучения динамики говоров, обусловленной необходимостью обращения к особой методике анализа и интерпретации языковых явлений. Одним из важных методов исторической диалектологии является сопоставление диалектных особенностей, характеризующих один и тот же говор в разные периоды обследования. Однако из-за отсутствия для многих говоров разновременных фиксаций установить изменения в говоре таким методом не всегда возможно. При отсутствии памятников письменности в исторической диалектологии используется ретроспективный метод.

Следует различать такие дисциплины как историческая грамматика и историческая диалектология. Дело в том, что они «изучают один и тот же объект: историю народного, разговорного языка, но изучают его в различных аспектах: историческая грамматика изучает общее направление в изменении системы этого языка, а историческая диалектология — историю его диалектного варьирования» [6, 10].

Историческая диалектология широко пользуется классическими методами исторического языкознания: сравнительно-историческим и методом внутренней реконструкции. Сравнительно-исторический метод можно определить как систему научно-исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для восстановления картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка-основы [5, 41]. Основной единицей при использовании этого метода является морфема, потому что именно изучение родственных морфем дает возможность определения фонетических закономерностей того или иного языка.

При исследовании процессов исторического развития языков бесписьменных и младописьменных диалектные материалы приобретают особенно большое значение, поскольку другие непосредственно внутриязыковые свидетельства в этом случае фактически отсутствуют. Однако нужно учесть, что, основываясь только на диалектных материалах, мы можем проследить ход внутреннего преобразования этих языков лишь на относительно ограниченном, причем позднем этапе их развития. О характере изменений, происходивших в них в более древний период, мы можем получить представление, лишь на основе сравнительного их изучения с другими родственными им языками, в том числе и древними, известными только по письменным памятникам [7, 23].

Сравнительно-историческое изучение родственных языков дает возможность не только с большей полнотой восстановить доисторические, не засвидетельствованные на письме системы языка-основы, но и проследить его развитие в процессе становления новых языков. Помимо реконструкции на основе фактов родственных языков звукового, грамматического и словарного облика праязыка, сравнительно-исторический метод много дает и для истории дальнейшего развития родственных языков, для уяснения законов их развития на протяжении исторических эпох. Пользуясь сравнительно-историческим методом, историческая диалектология реконструирует строй отдельных частных систем разного времени, моделирует изоглоссы для разных эпох, строя на их основе ряд карт диалектно-языкового членения и дает периодизацию с широким использованием экстралингвистических данных [2; 4, 4].

Звуковые соответствия между родственными языками дают возможность восстановить систему праязыка, ретроспективный же анализ синхронных данных отдельных систем в рамках структурно допустимых соотношений приводит к процедурам внутренней реконструкции.

В исторической диалектологии осетинского языка зона деятельности сравнительно-исторического метода определяется языковым материалом генетически родственных иранских языков. Используя различные приемы данного метода, была восстановлена фонетическая система обще-иранского языка-основы: гласные — a, \bar{a} , i, \bar{i} , u, \bar{u} , ai, au, $\bar{a}u$; полугласные — i, u; согласные: губные — \dot{p} , b, f, m; зубные —

t, d, θ , n; велярные — k, g, x; аффрикаты — \check{c} , $\hat{\jmath}$; зубные сибилянты — s, z; палатальные сибилянты — \check{s} , $[\check{z}]$; плавные — r, l; ларингальные — h*H* [10, 12].

Еще одним методом исторической диалектологии является метод внутренней реконструкции, который, в отличие от предыдущих, ограничивается сравнением фактов внутри одного языка.

Так, при рассмотрении диалектных различий между иронским и дигорским диалектом осетинского языка В.И. Абаев приходит к выводу, что в фонетическом и морфологическом плане дигорский диалект отражает некоторые языковые явления переходные от древнеиранских к современным иронским. Говоря об осетинских гласных, он обнаруживает, что доевнеиранскому дифтонгу аі соответствует дигорское e, в иронском — i: др.-иранск. maigha — (туча) — диг. mehæ, ир. mih. В данном случае очевидным является переходность дигорского гласного e от др.-иранск. ai в ир. i [1, 9].

С развитием структурной лингвистики распространение получает сопоставительно-типологический метод, целью которого является сопоставление систем одного уровня различных языков для установления сходства и различия [5, 43]. Данный метод больше характеризует описательную фонетику и грамматику, но в соединении со сравнительно-историческим методом, его использование возможно и в историческом языкознании.

Распространение идеи системности языка, о котором мы уже упоминали, привело к появлению нового метода — метода синхронного среза. Данный метод используется для восстановления именно системы языка, а не частные явления. При характеристике синхронного среза, современного исследователю, диалектолог пользуется методами и приемами описательной диалектологии. Для реконструкции систем синхронных срезов, относящихся к прошлому, диалектолог пользуется сравнительно-историческим методом, а также методом внутренней реконструкции, когда сосуществующие во времени диалектные факты представляет диахронно [5, 43].

Таким образом, основным методом исторической диалектологии является ретроспективный метод внутренней реконструкции, который чаще всего начинается с описания современного исследователю состояния того или иного диалекта с применением методов описательной диалектологии. Только после этого мы можем характеризовать прошлые состояния, тем самым демонстрируя метод внутренней реконструкции в действии.

Принятые сокращения

др. — иранск. — древнеиранский язык

диг. — дигорский вариант осетинского языка

ир. — иронский вариант осетинского языка

Примечания

- 1. Абаев В. И. Осетинская диалектология. М.-Л., 1941.
- 2. Аванесов Р. И. О некоторых теоретических вопросах истории русского языка // Вопросы филологии: Сборник трудов к 70-летию проф. А. Н. Стеценко. М., 1974.
- 3. Бромлей С.В. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 755 c.
- 4. Гагкаев К. Е. Внешняя история индоевропейских языков. Орджоникидзе, 1982. 48 с.
- 5. Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972. 157 c.
 - 6. Касаткин Л. Л. Русская диалектология. М., 1989. 217 с.
- 7. Расторгуева В. С. О роли диалектных данных при изучении процессов развития языка // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка. М., 1969.
- 8. Судник Т. М., Шур С. М. Диалектология и структурная типология. Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 216.
- 9. Церетели К.Г. К вопросу о транскрипции диалектологических текстов. // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М., 1969. С. 35.
- 10. Cheung J. Studies in the Historikal Development of the Ossetik Vocalism. Wiesbaden, 2002.

ОБРАЗ-СИМВОЛ «ЦЫКУРАЙЫ ФÆРДЫГ»: ДИНАМИКА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

В статье отражена динамика восприятия одного из базовых символов осетинской культуры — бусины желаний («цыкурайы фæрдыг») научным и художественным сознанием осетин. Указанный процесс обрисован в виде разновекторной схемы развития: в науке — от традиционных представлений о цыкурайы фæрдыг и ритуалах, с ним связанных, как фетишистском культе — к современной трактовке его как эмблемы «оси мира»; в поэзии, наоборот: от осмысления образа-символа в контексте архетипа ментального миротворения в начале XX столетия — к ограничению впоследствии его функций семантикой дарения удачи и благоденствия.

Ключевые слова: этнические универсалии, цыкурайы фæрдыг, символ-предел, мифологический статус, поверья и ритуалы, поэтическое осмысление.

IMAGES AND SYMBOLS «TSYKURAYY FÆRDYG»: DYNAMICS OF INTERPRETATIONS

The article reflects the dynamics of the perception of one of the basic symbols of Ossetian culture — beads of desires («tsykurayy færdyg») by scientific and artistic consciousness of Ossetians. This process is portrayed as the diversity of development schemes: in science — from traditional notions of tsykurayy færdyg and rituals associated with it, as a fetishistic cult — to modern interpretation of it as an emblem of the «axis of the Universe»; in the poetry, on the contrary: from reflection of the image — symbol in the context of the Universe creation mental archetype in the early twentieth century — to reduction of its functions later to just semantics of giving good luck and prosperity.

Keywords: ethnic universals, tsykurayy færdyg, the limit-symbol, mythological status, beliefs and rituals, poetic conception.

Проблема символа сложна и многомерна, ввиду этого в гуманитарных отраслях знания нет единого определения термина. Тем не менее, существует ряд факторов, бесспорно признанных отличительными чертами символа — это его знаковая природа и базирование на

культурных доминантах человеческого бытия [1, 5], которые находят объяснение в универсальной картине мира. Эти универсалии (символы-пределы, по А. Белому), объективируясь через систему вербальных средств, получают в каждом языке специфическое воплощение, детерминированное самобытностью этноса, складом его мышления.

В данной статье мы ставим своей задачей проследить динамику интерпретаций символа Цыкурайы фардыг в осетиноведческой науке и в поэтическом творчестве — с целью попытаться обосновать его онтологический статус в национальной картине мира.

Большое внимание изучению феномена Цыкурайы фардыг (букв. бусина [дающая все], что ни попросишь) уделяет Л. А. Чибиров в своем фундаментальном труде «Традиционная духовная культура осетин». Опираясь на множество свидетельств, нашедших отражение в этнографической литературе, проводя широкие параллели с культурами других народов, ученый формулирует точку зрения на Цыкурайы фердыг в русле традиционной трактовки ее как фетишизированного предмета, фамильного талисмана, приносящего богатство, счастье и благополучие его обладателю, и видит в поверьях с ним связанных, отголоски идеологии аграрных культов [2, 234-240].

В работе Д.В. Сокаевой «Предания и легенды осетин в историко-функциональном освещении» Цыкурайы фæрдыг рассматривается на материале сказочной и несказочной прозы. Говоря о культовом значении бусины, автор пытается «нащупать» ее «солнечную» природу, но вынуждена констатировать, что, по имеющимся в ее распоряжении фольклорным текстам, «связь «бусина — свет» не звучит отчетливо». Тем не менее, идея «света» интуитивно выводится исследователем «по ее (бусины — Ц. Е.) культовому местонахождению в верхней части помещения», а также с учетом того, что в одном из вариантов волшебной сказки бусину приносят с собой в мир людей дочери Солнца и Луны. И далее автор пишет: «В подавляющем же большинстве текстов она (бусина — Ц. Е.) бывает отобрана у змеи, т.е. появляется из нижней части вертикально члененного пространства. По косвенным намекам топонимического предания, в котором в заключении бусина пропадает и ее не находят в земле (в нижней части), можно предположить, что она либо возвращается на небо, либо становится объектом культа в средней (человеческой) части пространства» [3, 48].

Позволим себе уточнить здесь ряд существенных моментов.

1. В этнографической литературе обычным местом хранения бу-

сины у осетин указаны кладовая или внутренний угол женской половины хадзара [2, 236], оба локуса находятся, как известно, под покровительством Бынаты хицау — духа домашнего очага.

2. Достаточно очевиден также факт «небесного» происхождения Цыкурайы фердыг: по поверью осетин, волшебный предмет падает на землю с неба во время стихийных природных явлений — града или сильного ливня, иногда влетает через дымовое отверстие «ердо» с ударом грома. Здесь, в «срединной зоне», она и бывает подобрана змеей [2, 234].

Этот факт позволил 3. К. Кусаевой интерпретировать мотив «бусины желаний» как борьбу Света и Тьмы: «Исходя из религиозно-мифологических представлений осетин, данное явление объясняется как похищение Солнца неким хтоническим существом — Драконом. Символом Солнца в данном контексте является Цыкурайы фæрдыг, а дракона — змея, чьей добычей становится бусина, упавшая с небес на землю». Следующий этап мифологического события — отнятие бусины из зева ядовитой змеи — объясняется исследователем как восстановление нарушенной мировой гармонии [4].

Миф о похищении солнца — довольно распространенный у народов мира. Концепция З. К. Кусаевой представляется нам новой ступенью в осмыслении одной из поныне значимых сакральных реалий в жизни осетинского народа*. Велик соблазн разделить ее (концепцию), но смущает семантика образа змеи — непременного участника мифологического события. Дело в том, что и в поверьях, и в сюжетах устно-поэтического творчества осетин речь однозначно идет о змее, а не о драконе. (Дракон, или залийский змий в мифологии и фольклоре, полагаем, — архетип иного плана.) Змея же в мифологиях многих народов, осетинского в том числе [5, 158], признана эманацией домового. Культ змеи проявляется в том, например, что поселение ужа в доме считалось у осетин счастливым предзнаменованием**. То же

^{*} Чрезвычайно любопытным в этом плане представляется свидетельство римского автора І в. н. э. Плиния Старшего, который пишет буквально следующее: «Скифы рассекают голову змеи между ушами, чтобы достать камешек, который, как говорят, она проглатывает в испуге» (Цит. по ст.: Гаглойты Ю. Об одном новом направлении в скифологии (часть 2) [Электронный ресурс]: http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/18-svobodnaya-tribuna/ob-odnom-novomnapravlenii-v-skifologii-chast-2/(дата обращения 17.02.2014).

^{**} Так, гнездовье ужа много лет находилось на чердаке жилого дома Мамиевых в горном ауле Фаллагком. Летом, когда змеи выводили потомство, ужата падали сквозь зазоры между деревянными балками чердачного перекрытия внутрь

самое зафиксировано в русской традиции. Интересно свидетельство украинской бывальщины: домовой там, хоть и обрисован в антропоморфном виде, но восседает на большом змее — в народном сознании таким образом нашло отражение изначальное змеиное обличье духа дома [6, 155].

Исходя из приведенных соображений, нам импонирует космологическая схема, предложенная несколько ранее в статье И.В. Мамиевой «Мифолого-религиозные воззрения осетин: поэтика отражений» [7]. Цыкурайы фардыг постулируется здесь как эмблема оси мироздания, как символ единства сфер, продуцирующий вселенскую гармонию. Эта мысль сформулирована исследователем в ходе анализа одноименного сонета Алихана Токаева, в котором, по ее мысли, образ бусины, органично соединив «небо и подземный мир, свет и мрак, добро и зло», обретает глубинное философское звучание. «По существу, резюмирует исследователь, — перед нами заново творимый миф, в котором мир возвращен в лоно сакральности» [7, 110-111].

Космологический статус «бусины желаний», отмеченный в сонете Алихана Токаева, подтверждается и характером ее «прописанности» в календарно-обрядовой практике осетин: раз в году священная реликвия извлекается из своего тайника и, после совершения над ней регламентированных процедур очистительного свойства, бывает помещена в центр ритуальных трех пирогов (олицетворения трех зон мира). Цель этих приготовлений — моделирование (или воссоздание) космопорядка, по завершению годичного цикла развития, с помощью вербальной (молитвословие) и предметно-визуальной (цыкурайы фердыг) магии. На данный ритуал справедливо ссылается в своей статье и З. К. Кусаева как аргумент в пользу того, что социальная роль упомянутого символа обусловлена его божественным, а не фетишистским происхождением [4].

Такова вкратце на сегодняшний день динамика дешифровки сакральной семантики понятия «Цыкурайы фæрдыг» в осетиноведческой литературе.

Но кто же мог предположить, что юноша из горного Даргавса Алихан Токаев, почти на столетие опередив науку, так точно и ярко изобразит функционально целостный образ, символизирующий гармонию начал?! Можно сказать, поэтическое мышление автора предвосхитило время и умы поколений.

сакли, их бережно заметали в совок и выносили на задний двор. (Информант — И.В. Мамиева; записано 6 февр. 2014 г.).

В сонете А. Токаева, как и в поверьях осетин:

- 1) бусина добывается с опасностью для жизни (ср.: легенда «Цыкурайы фæрдыг»). Как мы знаем, в эпосе боги и небожители в своей благосклонности к некоторым героям одаривают их волшебными предметами. Лирический субъект стихотворения А. Токаева отнимает желанный трофей силой, и этим ценность последнего только увеличивается. Отобранная у змеи «бусина рябит, искрит, вся залита черным ядом», поскольку ее прежний хозяин питается энергией тьмы, которая переходит к бусине: «Жз калмаей байстон уый, уыди фыдхъулон;/Цехерте калге, сау маргей сыгъдис»;
- 2) исполняет все капризы владельца: «Мæнмæ цыкурайы фæрдыг ныр ис — / Едзух веййы менме еппет, цы курон» (ср.: сказка «Цыкурайы фардыг»);
- 3) обладает целительной силой: «Дзæбæх кæны фыднизтæ, зоны рис» (ср.: предание «Зджыды ресугъд», сказание «Как Сослан женился на Бедухе» и пр.).

Как видим, образ «Цыкурайы фæрдыг» в сонете наделен традиционными для фольклорно-мифологических произведений свойствами. Автор провидчески открыл в нем нашему взору схему возрождения космоса. «В художественном сознании поэта Цыкурайы фæрдыг — воплощение солнечной божественной энергии, проникающей сквозь трехчастную структуру мира <...> и наполняющей вселенную творческой энергией, побеждающей хаос» [4], — пишет 3. К. Кусаева. Действительно, из анализа поэтического текста следует, что небесная природа Цыкурайы фердыг для автора сонета бесспорна: «Уый несу заххон, уаларвонтай у — хурон» («Она — от солнца вся, в ней сила неземная»). Но в вышеуказанной характеристике не отражен очень существенный момент, связанный с концептуальной идеей автора: его Волшебная бусина, пройдя по всем трем зонам Вселенной, впитав энергию Солнца, исцеляющий яд змеи и тайные знания подземного мира, «оседает» в конечном итоге в земной сфере мироздания, становясь в руках лирического героя орудием созидания нового мира, основанного на идее совершенства и гармонии:

> Фæндонæй æз фæтæхдзынæн уæлармæ, **Еркалдзынжн нж зжхмж Рухсжй тын**; Мæ аууон зæххыл райдайдзæн хæтын, Дæлзæхæн та ныккæсдзынæн йæ арфмæ. Дунетыл таудзынжн ржсугъдджр фын... Теперь я воспарю к небесному притину,

От света брошу луч на отчие края; И странствовать пойдет по миру тень моя. А я в подземный мрак взгляд изумленный кину. И лучшую из грез все буду сеять я...

(перевод М. Синельникова)

Как видим, гуманизм поэта, его космическое мышление в русле мифологической модели породили цель, достойную его эпохи борьбу за благополучие жизни людей, революционное обустройство их земного бытия.

Безусловно, токаевский владелец волшебной бусины мало похож на традиционного героя осетинской поэзии, под воздействием идей русского символизма в его облике отчетливо проступают черты Сверхчеловека, обладателя сверхзнаний и сверхвозможностей. Если мы вспомним, чем был символ для символистов, — а был он универсальным средством связи между земной и небесной сферами, проводником к сокровенному смыслу бытия, — то становится понятен дух обновления, которым пронизан космологический миф в сюжете сонета «Бусина желаний», и необычное амплуа лирического героя Алихана Токаева — быть медиатором между мирами («Бусина желаний», «Слеза», «Лестница» и др.).

В то же время правы исследователи творчества поэта, отмечающие идейно-содержательное своеобразие создаваемого им образа героя: если в поэзии К. Бальмонта сверхзнания нужны лирическому герою «для него самого, без оглядки на людей; для Ф. Сологуба тайные знания — это путь к неведомым, Сказочным Мирам, уводящий прочь от реальной земли; в поэзии Д. Мережковского цель лирического героя — поиск Бога и воплощение идеи «Царства Божьего на земле», то у осетинского поэта А. Токаева — тайные знания Сверхчеловека нужны для борьбы со злом на земле, для освобождения собственного народа» [8, 122]. Эта мысль прозвучала ранее в оценках первых биографов и исследователей творчества поэта — А. Кодзати, Ш. Джикаева, которые видят в анализируемом сонете воплощение заветных идеалов человечества, мечту о народном счастье и, соответственно, — обусловленность трансформации фольклорного образа его революционным пафосом. Волшебная сила бусины желаний становится, таким образом, символом мощи таланта, ищущего ума, и трагической судьбы героя-созидателя [9, 244; 10,89].

Отсюда и мотив жертвенности, отрывисто и резко прозвучавший в финальной строке «Бусины желаний». Поход за Светом в небеса,

за тайными знаниями — в подземье увенчан успехом, акт творения совершенного мира состоялся, но чего это может стоить Творящему субъекту?! — «Жз талынгæн æрхаудзынæн йæ тарфмæ» («И рухну в сердце тьмы, в пустую сердцевину»).

Впрочем, приращение смыслов при «чтении» символов — процесс сложный и бесконечный. Возможно, найдется иное толкование заключительной фразы стихотворения. Но как же точно ложится она на драматическую судьбу самого поэта, в творчестве которого невообразимым образом сплелись революционный романтизм и мифологическое осмысление мира — два мощных источника его уникального таланта.

В заключение вернемся к изначальному тезису нашего изыскания. По теории символа А. Белого, существуют два его вида: символ-образ и символ-предел. Один из них представляет собой вещественное (наглядное) воплощение смысла. Второй же есть «некая идея, лежащая в основе мироздания, некий глубинный смысл, формирующий бытие» [1, 8]. Таковым, несущим в себе символически заданный онтологический смысл является, на наш взгляд, «Цыкурайы фæрдыг». Осетинский поэт Алихан Токаев вдохнул в традиционное представление об этом образе новую жизнь, пропустил его через призму собственного мироощущения, акцентировав внимание на идее духовного совершенства человечества, а потому его «Цыкурайы фæрдыг» может быть охарактеризован как архетип ментального миротворения.

Дарование Алихана Токаева сделало образ волшебной бусины притягательным для многих поколений осетинских художников слова. Каждый из них по-своему осмысливает семантику культурного символа. Камал Ходов в стихотворении «Песнь об Ире» отождествляет заветную цель поэта-патриота с мироустроительной миссией лирического героя Токаева, акцентируя в ней идею оплаты долга перед родиной. Автор верно угадывает глубинную функцию волшебного предмета, называя его «бусиной гармонии» («гармонийы Цыкурайы фæрдыг»).

Данный символ нашел философское осмысление и в творчестве Шамиля Джикаева. В одном из четверостиший поэт перечисляет «составляющие» собственной субстанции: он плоть от плоти родной земли. «Сердце народа» для него, как волшебная бусина, — дорогая награда, которая требует бережного отношения и взамен одаривает автора благодатью («Нæ бæсты фарн — мæ амондæн мæсыг...»). Идея неразрывной связи с отчим краем развивается в другом стихотворении поэта «Богат я — сокровищ не счесть, как песчинки...» («Хъжздыг джн жз, жвидигж — мж бынтж...»). В числе духовных ценностей, которыми отчизна одарила героя, «как сына», особым значением наделены сокровища родного языка. Мелодика осетинской речи в восприятии автора обладает волшебной силой бусины счастья, способной даже камень превратить в золото и шелк:

> Слова, что кувшины с вином темно-русым, И звуки — желаний волшебные бусы. Когда они медом текут светловатым, И камни становятся шелком и златом...

Ахсар Кодзати соотносит образ «Цыкурайы фæрдыг» с творческим подвигом Коста Хетагурова, который «мечтал вырвать из пасти змеи» этот атрибут вековечного фарна осетин во имя воцарения благодати на земле и, прежде всего, — во имя социального и нравственного благополучия своего народа («Дзырдæуыди Къостайæн»).

В последующих образцах осетинской поэзии мотив добычи бусины счастья нигде уже так явно не выражен. В произведениях последних лет образ Цыкурайы фардыг все чаще используется в качестве иллюстративного материала (С. Кадзаев, Ф. Хадикова и др.).

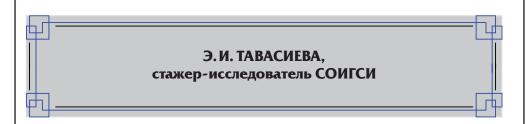
Итак, динамика интерпретаций «Цыкурайы фердыг» в поэзии и науке имеет существенные отличия. Сонет А. Токаева, написанный в самом начале XX века, стал вершиной осмысления ключевого в национальной картине мира образа-символа, показанного автором как инструментарий возрождения человечества на основе гармонии и духовного совершенствования.

Примечания

- 1. Ивлева А.Ю. Культурное пространство художественного текста. Саранск, 2008. 204 с.
- 2. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008. 599 с.
- 3. Сокаева Д. В. Предания и легенды осетин в историко-функциональном освещении. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 532 с.
- 4. Кусаева З.К. Мифо-фольклорные традиции в осетинской литературе [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2013. № 4 (часть 4).

www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_ URL: id=10000526 (дата обращения: 19.02.2014).

- 5. Мамиева И.В., Таказов Ф.М. Трансформации мифологического образа Бундор (Бынаты хицау) в осетинской литературе // Современная иранистика на Северном Кавказе: Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летнему юбилею Дагестанского госуниверситета, 23-24 ноября 2006 г. Махачкала, 2006.
- 6. Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов: В 3 т. Т.1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб.: Наука, 2001. 584 с.
- 7. Мамиева И.В. Мифолого-религиозные воззрения осетин: поэтика отражений // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: Материалы Международной научной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства, 13-18 сент. 2009 г.: В двух частях. Ч. 2. Элиста, 2009.
- 8. Хетагурова Д.К. Идея Сверхчеловека в поэзии русских символистов и в творчестве осетинского поэта А. Токаева (на примере стихотворения «Слеза») // История и философия культуры: актуальные проблемы: Сб. науч. трудов. Вып. 6./Под ред. С. Архипова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003.
- 9. Хъодзаты Æ. Токаты Алихан // Токаты А. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2004. 303 с.
 - 10. Джыккайты Ш. Уацтæ. Орджоникидзе: Ир, 1986. 195 с.

ОБРАЗ НУЦЫ В ПЬЕСЕ ДАВИДА ТУАЕВА «СИДЗÆРГÆС»

Для комплексного подхода к изучению статуса вдовы в традиционном осетинском обществе необходимо рассмотреть образ вдовы в осетинской художественной литературе. Осетинская литература насыщена яркими женскими образами. Во многих произведениях осетинских авторов женщины являются главными действующими лицами, сильными, волевыми. Среди таких персонажей нередко встречается образ вдовы. Их многочисленность, превратившаяся в социальный феномен традиционного осетинского общества, отразилась в фольклоре и художественной литературе. Одним из таких образов является образ молодой, трудолюбивой Нуцы в пьесе Д. Туаева.

Ключевые слова: женский образ, статус вдовы, адат, имущественное право, нормы этикета.

IMAGE NUTSA DAVID TUAEVA IN THE PLAY «SIDZARGAS»

Nutsa's in the play of David Tuaev "Sidzargas"

For an integrated approach to the study of the status of widows in traditional Ossetian society one must consider the widow in the Ossetian literature. Ossetian literature is full of bright female characters. In many of the authors Ossetian women are the protagonists, strong -willed. Among these characters widows are usually prevailed. Their numbers have become a social phenomenon of traditional Ossetian society, reflected in folklore and literature. One of these images is the character of a young, hardworking Nutsa in the play of D. Tuaeva.

Keywords: female character, status of widow, adat, property law, rules of etiquette.

Социальное положение осетинской женщины всегда интересовало не только ученых, но и других представителей осетинской интеллигенции: писателей, художников, драматургов. Однако в их работах ее статус всегда преподносится как эксплуатируемый и безголосый. В дореволюционный период это объясняется обостренным чувством социальной несправедливости, а в советский — социалистической идеологией.

Актуальность вопроса предопределена проблемами, связанными с общественным положением осетинской женщины, трансформацией историко-политических, социально-экономических, а так же духовных процессов и их влияния на фольклор, а затем на художественную литературу осетин.

Несмотря на широкий интерес, вопросу женских образов в осетинской литературе посвящена лишь одна диссертационная работа С. Н. Каргиновой «Эволюция образа женщины-горянки в осетинской литературе» [1]. В этом исследовании С.Н. Каргинова рассмотрела наиболее ярких персонажей осетинской литературы вплоть до первой трети XX века. Однако женских образов в традиционной культуре и литературе осетин несколько. Это и образ старшей женщины-афсин, молодой девушки, образ снохи.

Одной из наиболее интересных проблем осетинской этнологии является статус вдовы. Социальная значимость проблемы вдовства определяется их многочисленностью, обусловленной традициями кровной мести, молодецких набегов, абречества, престижностью воинской службы, беспрецедентно развитым отходничеством, в том числе зарубежным. В совокупности эти явления породили вдовство как социальный феномен осетинского общества, который нашел свое отражение в этнической культуре, фольклоре и лтературе.

Цель настоящей статьи — рассмотреть образ вдовы в осетинской художественной литературе. Для освещения данной проблемы мы обращаемся к произведению Д. А. Туаева «Сидзæргæс» («Мать сирот») [2]. Пьеса была написана в 1940-м году. А в 1941 «Мать сирот» была успешно поставлена на сцене Осетинского театра. Пьеса небольшая и несложная, но возможно, работа над пьесой далась драматургу нелегко, так как писалась несколько лет. Тема пьесы отражает жизнь осетинского общества в дореволюционный период. Главная героиня произведения — молодая, трудолюбивая вдова Нуца. После трагической гибели супруга Нуца борется с жизненными трудностями, такими как притязания деверя на имущества покойного брата, честь и достоинство вдовы. Оклевещенная им Нуца, спасая свою честь, бросается в реку. В конце произведения правда восторжествовала и клеветники понесли заслуженное наказание.

Для раскрытия образа главной героини обратимся к наиболее интересным этнографическим моментам в пьесе. Как известно, на похо-

роны и многочисленные поминки в Осетии обязательно закалывали жертвенное животное, главным образом быка, готовилось большое количество араки. Это привадило к большим материальным расходам и часто к обнищанию семьи [3, 9]. В произведении Д. Туаева это нашло отражение в споре Атто и Амырхана о том резать единственного быка вдовы Нуцы или нет. Имея небольшое хозяйство в несколько голов мелкого рогатого скота, Нуца вынуждена заколоть весь скот на поминки, однако бык в хозяйстве необходим для вспахивания земли и его закалывание приводит к обнищанию семьи. Вдову пригласили на ныхас, и даже спросили ее мнения. Однако поступили мужчины по своему усмотрению, и жертвенное животное было заколото. Для осуществления задуманного, деверю молодой вдовы осталось только подождать, когда заберут последнюю корову за налог, который Нуца не смогла выплатить из-за отсутствия быка. После неуплаты одного из таких долгов глава села отобрал и корову, поэтому средств к существованию у вдовы с тремя детьми не осталось. В этом художественном произведении отражена реальная социально-экономическая ситуация в описываемый автором период [4].

Козни со стороны деверя строились для того, чтобы присвоить все хозяйство себе, а из мальчиков Нуцы сделать пастухов. Однако открыто он не действовал, т.к. адат строго регламентировал имущественные вопросы осетин. Классическое обычное право кавказских горцев, в том числе и осетин, не учитывало в вопросах наследования имущества интересов женщин даже из самых состоятельных и родовитых слоев общества [5, 95]. Сыновья являлись прямыми наследниками главы семьи, даже малолетние и не родившиеся. Об этом говорят источники. Ф. Леонтович писал, что у стурдигорцев, гуларцев, аксавцев и у гольятцев прямыми наследниками являются сыновья, а потом уже братья. Таким образом, сыновья, прежде чем дележ дойдет до братьев умершего, получали «все с полна», что приходилось бы на долю своего отца. Даже если у умершего оставалась беременная жена, то после достижения совершеннолетия этот ребенок (если это сын) получал полностью свою долю, т.е. долю покойного отца [6, 74]. Об этом в пьесе говорит сам Амырхан: «Уыдон дæр хъомыл кæнын хъæуы. Ениу афте, миййаг, ма банхъелут еме Амырхан мене сидзерты бынтем бабеллыд» [2, 23]. Более того, отрицательному герою пьесы (Амырхану) уход Нуцы в дом отца был выгодным тем, что по условиям адата если вдова, по смерти мужа, уходила к родным, то ее родственники возвращали третью часть калыма братьям покойного, т.е. ему. По данным Ф. Леонтовича это набдюдалось в Тагауро-куртатинском и Алагиро-наро-мамисонском «участках» [6, 69]. Возможно в предреволюционный период, когда большие патриархальные семьи делились на маленькие, самостоятельные, эту часть калыма Амырхан бы не получил. Однако изгнание с позором снохи и традиционные взгляды самого героя пьесы увеличивают эту вероятность.

Д. Туаев точно показал нормы этикета осетинского общества, когда имя снохи табуировано и мужчины обращаются к ней именем производным от отцовской фамилии, а, если необходимо обратится к мужчинам самой снохе, то она передает свои слова через младшего члена общества. Так главную героиню называют Зориан, или некоторые — Казбеджы чызг (дочь Казбека). Когда ее (Нуцу) спросили на совете на счет единственного быка, Нуца передала свое мнение через Асама: «(уайсадгейе, кауын хъелесей Асемеме дзуры). Загъ сын Асæмæ...» [2,14].

Выше говорилось о том, что отрицательный герой — деверь Нуцы -получил заслуженное наказание. Оно заключалось в изгнание семьи Амырхана из села. А. Х. Магометов писал, что община применяла по отношению к преступнику различные формы наказания. Наиболее суровой и распространенной из них являлась «хъоды» — бойкот [7, 2301.

Произведение Д. Туаева раскрывает образ вдовы в дореволюционном периоде осетинского общества, показывает всю тяжесть вдовьей доли. По данным полевого материала, вдову, тем более такую молодую и красивую как Нуца, было легко опорочить слухом либо домыслом [8], что и было сделано Амырханом и его супругой. Могли создаться такие условия, при которых вдова могла только вернуться в родительский дом, оставив детей семье покойного мужа. Автор пьесы четко показал уклад горской жизни, этикет внутрисемейный и общественный. Произведение художественное, однако в нем зафиксированы реальные черты традиционной социально-нормативной культуры, что дает основание ставить вопрос о репрезентативности художественной литературы как этнографического источника и ресурсах его использования в комплексном исследовании статуса вдовы в осетинской повседневности.

Примечания

- 1. Каргинова С. Н. Эволюция образа женщины-горянки в осетинской литературе. Автореферат. Владикавказ, 2006
- 2. Туаев Д.А. Пьесæтæ. Цагат ирыстоны чингуаты рауагъдад. Орджоникидзе, 1958.
 - 3. Ф.4, оп.1, д.107.
- 4. Отчет начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска за 1906 год. Владикавказ. Типография Терского Областного Правления. 1907.
- 5. Текуева М. А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2006.
 - 6. Леонтович Ф. Адаты кавказских горцев. Т. II. Одесса, 1883.
- 7. Магометов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.
- 8. Камболова Светлана Темиркановна 1953 г. р., текст из личного архива автора записан в мае 2012 года в городе Владикавказ.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ОБРАЗЕ АЦАМАЗА В ОСЕТИНСКОМ НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ

В статье рассматривается образ Ацамаза в осетинской Нартиаде. Изучение текстов сказаний выявляет сюжеты, а также многочисленные эпитеты и сравнения, которые свидетельствуют о присущих Ацамазу чертах мифологического персонажа. Сопоставляя данные об этимологии имени этого героя, автор приходит к выводу, что Ацамаз может представлять собой эпическую ипостась древнего божества, входившего в пантеон далёких предков осетин.

Ключевые слова: Нартовский эпос, Ацамаз, образ, имя, музыкант, свирель, миф.

MYTHOLOGICAL ELEMENTS IN THE CHARACTER OF ACAMAZ IN OSSETIAN NARTA EPIC

This article discusses the character of Acamaz in Ossetian Nartiade. Study of the texts reveals plots and numerous epithets and comparisons that show the inherent features of Acamaz as a mythological figure. Comparing the data on the etymology of the hero's name, the author concludes that Acamaz may be an epic image of an ancient deity that was a part of the pantheon of the Ossetians' ancestors.

Keywords: Narta epic, Acamaz, character, name, musician, flute, myth.

Ацамаз является одним из основных персонажей осетинской Нартиады. Цикл посвящённых ему сказаний сравнительно небольшой по объему: в нём не зафиксирован вариант о его рождении, однако существуют сюжеты, повествующие о героическом детстве Ацамаза, его женитьбе на красавице Агунде и о смерти героя.

Имя нарта Ацамаза встречается и в других северокавказских версиях эпоса: Ашамез/Ачемез (адыг.), Щамаз (абазин.), Ачамаз/Ачамза

(чеч.-ингуш.), Ачемез (карачаево-балкар.). Исследователями выдвигались разные точки зрения относительно его этимологии, однако единого мнения пока не существует.

Рассматриваемое имя некоторыми исследователями возводится к имени его отца Аца и связывается с аланским этнонаименованием 'ac' [1, 247; 7, д. 137, л. 15; 12, 12]. Если мы обратимся к дигорскому варианту сказания «Нарти Наширан», то найдем момент, где Ацамаз представляет себя алдару следующим образом: «Жз джн Ацжтжй жржгиау ка рантжстжй йечи Ацжмжз» — «Я недавно родившийся у Ацата (Ацов) Ацамаз» [14, 332]. Данный вариант был отмечен М. Тугановым, который также в названии рода Ацата видел предков осетин — ясов, ассов или алан [17, 209].

Многие исследователи имя Ацамаза делят на две основы: Ацаи -маз [1, 241-241; 5, 252; 8, 87; 10, 40; 11, 532; 12, 12]. Выдающийся лингвист, исследователь Нартовского эпоса В.И. Абаев первоначально полагал, что это имя турецкого происхождения со значением «не открывающий (неприступный)», где -maz обозначает отрицание [5, 252]. В монографии «Нартовский эпос» В.И. Абаевым уже отмечается, что Ацамаз — старое аланское имя, встречающееся в греческих надписях несколько раз. Поскольку у греков не было звуков ц и ч использовалась буква т и в итоге получилось Атамазас [4, 201]. Позже В.И. Абаев объясняет с авест. -maz как «большой, великий», а в первой части наблюдает 'wac' с утратой первоначальной 'w' [6, 208, 252; 2, 22]. Сопоставив собственное имя Ашамаз (Ашемэз) с Атамас (Атамазас), его греческое происхождение признаёт и адыгский историк Бетрозов Р. Ж. [9, 100].

Английским исследователем нартовского эпоса Г. Бейли первая основа wac-, ас- объясняется как 'strong' — 'сильный' и второй части -маз дает почти такой же перевод — 'great' ('great in strength' обладающий большой физической силой) [1, 241-242]. Однако слово 'great' в английском языке имеет и другие значения: 'замечательный, прекрасный; искусный, опытный' [13, 332], которые могут дополнить описание образа героя Ацамаза в нартовских сказаниях. Как известно, в осетинской Нартиаде Ацамаз является опытным и прекрасным музыкантом, который своими песнями и игрой на волшебной свирели пробуждает всю природу. Из сказанного следует, что имени Ацамаза английский ученый придает значение «сильнейший».

Первая часть Аца- (Ашэ-) возводится к имени отца Ацамаза (Ашэмеза) и адыгским ученым-языковедом Балкаровым Б. Х.,

который вторую часть -мэз переводит с убыхского как «ребенок, дитя». По мнению автора, «нарицательное имя «ребенок» превратилось в собственное и заняло одно из почетных мест в галерее имен прославленных нартов» [6, 87]. Ацамаз в эпосе отправляется на бой с врагами из колыбели, т. к. никого не осталось из мужчин в роде Ацата, кроме маленького мальчика. Узнав о цели прихода Насран-алдара в их дом, ребенок чудесным образом освободился из колыбели и присоединился к войскам. Как известно, юный герой во всех вариантах данного сюжета является единственным нартом, который осмелился биться с сильнейшим противником [14, 307-327, 332-333, 429-446].

Предлагалось объяснять этимологию данного имени как «божество, божественный (waca), что как нельзя лучше подходит к функции служителей культа» [12, 12]. Исследователь Дзиццойти Ю.А. в эпосе находит моменты, свидетельствующие о том, что жреческий род «Ацата» был заменен «Алагата» [12, 12].

А. Р. Чочиев имя Ацамаза толкует как «Великий Ас» — «воплощение героя и бога нового, юного поколения» [18, 89-91], объясняя его с древнеиранского asu- «стремительный» и авестийского — «быстрый, мощный» [18, 89].

Т. А. Гуриев связывает имя Ацамаза с скифо-аланским именем Атамаз (Ата Великий), а его прототипом считает известного скифского царя Атея. [10, 49]. Кроме того, в цикле об Ацамазе проявляются элементы мифа об аримаспах. В сказании «О нартовском князе Насран-алдаре [и Ацамазе, сыне Аца]» Ацамаз предстает малолетним мальчиком с одним глазом между бровями [16, 92; 14, 435].

С ингушского языка И. А. Дахкильговым дается перевод «не разбиваемый, не уничтожаемый, где вторая основа -за обозначает отрицание [11, 532].

Таким образом, относительно имени Ацамаза, исследователями предлагалось разное его толкование, но наиболее предпочтительной представляется гипотеза Ю.А. Дзиццойти, согласно которой в имени Ацамаза наблюдается аппелятив 'waca' со значением «божество, божественный» [12, 12], встречающийся также в именах небожителей Уастырджи и Уацилла, дочери Солнца Ацырухс — Уацырухс и в названии чудесной чаши Ацаманга — Уацамонга. Если соединить две основы Аца- (Уаца-) и -маз, то получим имя со значением «Бог Великий», что, очевидно, позволяет усматривать в образе героя мифологические элементы.

Далее обратимся к некоторым моментам в текстах сказаний рассматриваемого героя.

В эпической биографии нарта Ацамаза большое место отводится его женитьбе на дочери Сайнаг-алдара, неприступной девушке Агунде, от любви к которой страдающий герой разбивает свою волшебную свирель о скалы. Момент пленения самой красивой девушки нартов игрой на свирели запечатлен во всех вариантах сюжета о женитьбе Ацамаза. Необходимо отметить, что свирель является даром небожителя Афсати и досталась Ацамазу от отца, но в сказании «Хуыцауы лæвæрттæ Нартæн» — «Дары Бога Нартам» пятым даром является «сыгъзæрин уадындз» — «золотая свирель», т.е. она получена от Бога, и ей певцы-сказители приписывают сверхъестественные свойства [14, 28-29]. Образ Ацамаза в эпосе осетин был бы неполным без его волшебной свирели, которая играет важную роль в большинстве сказаний, а ее магическое воздействие на слушателей свидетельствует о божественном происхождении.

Благодаря чудесной свирели, Ацамаз завоевывает сердце красавицы Агунды, союз которых В. И. Абаев связывает с «весенним мифом» [4, 200]. Отметим, что Ацамаз в эпосе изображается необыкновенно красивым юношей, он называется Бонвæрнон — утренняя звезда (планета Венера) [15, 345, 369, 378; 267], Нарты рухс хур — Нартовское светлое солнце [15, 345]. Герой был настолько прекрасным, что пленил даже жену-чародейку своего врага Мысыр-алдара, которая залечила обессилевшему нарту раны и этим погубила своего мужа [15, 312-313].

В тексте сказания «Ацамазы ускурд» («Женитьба Ацамаза») наблюдается следующий момент возращения Ацамаза с охоты:

— Ужлж нжм Бонвжрнон жрцжуы хохыл!

Инна загьы:

— Hæ, мæй у!

Ертыккаг зæгьы:

— Hæ, xyp y!

Ужд сын Сатана зжгъы:

- Гъе, быны Нарт фæуат, уый Бонвæрнон нæу, фæлæ Бонвæрноней хуыздер у, мей дер неу, феле мейе кадджындер, хур дер нам, фала хуры амном — Ацамаз у [15, 378].
 - «- К нам спускается утренняя звезда с горы!

Другой говорит:

— Нет, это луна!

Третий говорит:

— Нет, это солнце!

Тогда Шатана им говорит:

— Да провалиться вам, Нарты! Это не Бонварнон, а лучше Бонварнона, и не месяц, а славнее месяца, не солнце, а его соименник это Ацамаз!»

Как мы видим, нарты путают Ацамаза с утренней звездой, луной, солнцем, поскольку герой излучает яркий свет, тепло, а также приносит с собой радость. Приведенный отрывок подтверждает точку зрения В.И. Абаева о «солнечном герое», от песни которого «начинают таять вековые глетчеры; реки выходят из берегов; обнаженные склоны покрываются зеленым ковром; на лугах появляются цветочки, среди них порхают бабочки и пчелы; медведи пробуждаются от зимней спячки и выходят из своих берлог...» [4, 200].

С чудодейственными звуками свирели нарта Ацамаза у В.И. Абаева соотносится вечное умирание природы осенью и обязательное ее возрождение весной.

В сказаниях, где Ацамаз игрой на волшебной свирели и своими чудесными песнями пробуждает всю природу, животных и птиц, возможно, наблюдаются черты умирающего и воскрешающего Бога.

Из сказанного следует, что в образе и имени Ацамаза обнаруживаются явные мифологические черты, которые могут быть связаны с небесными светилами, освещающими мир своим появлением, а чудесные звуки его золотой свирели, которая досталась ему от небожителя Афсати или самого Бога, пробуждают природу, как весной. Ацамаз единственный из нартов, кто умеет так искусно играть на волшебной свирели. Создается впечатление, что нарт-музыкант и его свирель, подобно Батрадзу и его мечу, представляют собой единое целое, т. к. она незаменима во многих вариантах сказаний о женитьбе Ацамаза и его боевых подвигах.

Возможно, в образе Ацамаза следует видеть не только самого талантливого и виртуозного музыканта Нартовского эпоса, но и героя, наделенного чертами солнечного божества, что значительно дополняет, усложняет этот образ и требует дальнейшего изучения.

Примечания

1. Bailey H. W. Ossetic (Narta) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London, 1980.

- 2. Johann Knobloch. Homerische Helden und christliehe Heilige in der Kaukasischen Narten epic. Heidelberg, 1991.
- 3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. І. М. Л., 1958.
- 4. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды. Т. І. Владикавказ, 1990.
- 5. Абаев В. И. О собственных именах нартовского эпоса // Избранные труды. Т. І. Владикавказ, 1990.
 - 6. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. Л., 1949.
- 7. Алборов Б. А. Осетинские племенные, сословные и фамильные названия // НА СОИГСИ. Ф. 19. Оп. І.
- 8. Балкаров Б. Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965.
- 9. Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991.
- 10. Гуриев Т. А. Наследие скифов и алан (очерки о словах и именах). Владикавказ, 1991.
 - 11. Дахкильгов И. А. Ингушский нартский эпос. Нальчик, 2012.
 - 12. Дзиццойти Ю. А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992.
 - 13. Мюллер В. К. Новый большой англо-русский словарь. М., 2006.
- 14. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Кн. 2. Владикавказ, 2004.
- 15. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Кн. 4. Владикавказ, 2007.
- 16. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001.
 - 17. Туганов М. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.
 - 18. Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. М., 1996.

3. С. ДУЛАЕВА, аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ КОНЦА 80-Х — НАЧАЛА 90-X ГГ. XX В.

В статье анализируется политика Турции на Южном Кавказе в первые годы после распада СССР. Исследуется подход турецкого государства к проблемам урегулирования нагорно-карабахского конфликта; выявляются его непоследовательность и двойственность в мирном разрешении армяно-азербайджанского военно-политического противостояния по вопросам Нагорного Карабаха. Вскрывается комплекс внешних и внутренних факторов, влияющих на турецкую позицию в решении этого сложного вопроса.

Ключевые слова: Нагорно-Карабахский конфликт, противостояние, непоследовательная политика, проблема мирного урегулирования конфликта, турецкий фактор в конфликте.

KARABAKH CONFLICT IN TURKEY CAUCASIAN POLICY OF THE LATE 80'S - EARLY 90-IES. XX V.

The article analyzes the policy of Turkey in South Caucasus during the first years after the breakdown of the USSR, it examines the approach of Turkish state to the problems of settlement of the Nagorno-Karabakh conflict, it is an attempt to show the inconsistency and ambivalence of Turkey in the peaceful settlement of military confrontation between Armenia and Azerbaijan because of Nagorno-Karabakh. It also reveals the complex of factors — both external and internal, influencing of the Turkish position in this difficult question.

Key words: The Nagorno-Karabakh conflict, confrontation, inconsistent policies, the problem of the peaceful settlement of the conflict, the Turkish factor in the conflict.

После распада СССР на Кавказе сложилась новая геополитическая ситуация, характеризуемая возникновением здесь сложных вопросов, таких, как территориальные, этнотерриториальные, межэтнические и др. Особое место среди них заняла проблема Нагорного Карабаха, которая из политического противостояния между Азербайджаном и Арменией в конце 1980-х гг. переросла в вооруженный конфликт между ними. В нагорно-карабахский конфликт, серьезно дестабилизировавший обстановку на Южном Кавказе, оказались косвенно вовлеченными крупнейшие державы во главе с США, а также региональный игрок в лице Турции. Что представляла собой турецкая политика в кавказском направлении в конце 1980-х — начале 90-х гг.? Какое влияние оказывала она на военно-политические процессы, протекающие в регионе в этот период? Какова была роль Турции в мирном урегулировании нагорно-карабахского конфликта, и как отразилась ее позиция для турецких интересов в Южном Кавказе в последующий период? Этим вопросам посвящена настоящая статья, где предпринята попытка исследования узловых моментов турецкой политики на Кавказе после распада советского государства.

С самого начала постбиполярного мироустройства суверенное развитие государств Южного Кавказа сопровождалось обострением сложных межэтнических проблем. Это происходило в условиях, когда они практически не имели никакого опыта их мирного разрешения [1, 9]. 18 октября 1991 г. на сессии Верховного Совета Азербайджанской Республики был принят «Конституционный Акт о государственной независимости Азербайджана», который открыл дорогу суверенному развитию этого государства. Данное событие совпало с периодом активизации политики Турции в кавказском регионе, которая первой среди других стран признала государственную

независимость Азербайджана и выразила готовность сотрудничать с ним в урегулировании нагорно-карабахского конфликта [2]. При этом в Анкаре стремились в рамках посредничества учитывать преимущественно интересы Азербайджана в конфликте, что делалось с расчетом извлечь наибольшие «дивиденды» для Турции от урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Его руководство рассчитывало на ослабление Армении и одновременно, углубление сотрудничества с Азербайджаном, богатой нефтегазовыми ресурсами.

Эффективность турецкой политики в отношении Азербайджана основывалось, в том числе, на этнической и языковой общности народов двух стран. Но в целом, несмотря на свои интересы в этой стране, власти Турции вынуждены были придерживаться осторожной позиции в урегулировании нагорно-карабахского конфликта, учитывая сложную обстановку в Южном Кавказе. Такой подход был характерен для политики Турции на протяжении всего периода конфликта между Азербайджаном и Арменией: при этом главная цель заключалась в том, чтобы продемонстрировать нейтральную позицию Турции в конфликте. Она исходила, главным образом, из особенностей армяно-турецких отношений и в целом, проблемы становления современной армянской государственности. В этих рамках особую роль играл фактор исторического военно-политического давления Турции на Армению, в основе которого лежали особенности расселения армян и турок на территории Западной и современной Армении [3, 12].

Со времени обретения независимости в 1991 г. Армения не имеет дипломатических отношений с Турцией; граница между ними находится в закрытом режиме по инициативе турецкой стороны. Власти Армении выражают готовность нормализовать отношения с Турцией, но при условии, что ее власти признают официально факт геноцида армян в 1915 г. и кроме того, воздержатся от какого-либо вмешательства в армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха. В свою очередь, в Анкаре увязывают вопрос о нормализации отношений с Арменией с прекращением требований международного признания геноцида армян в Османской империи и одновременно, ряда существенных уступок с ее стороны в урегулировании конфликта с Азербайджаном — т.е. все с точностью наоборот [4, 125].

В этих условиях азербайджанские власти пытаются предстать в качестве противника любого прямого участия третьих сил в конфликт с Арменией. По их заверениям, единственное, на что они рассчитывают — это донести до мирового общественного мнения

позицию Азербайджана в нагорно-карабахском конфликте через посредничество Турции. Необходимость в этом в первую очередь диктовалось тем, что в начале конфликта практически весь западный мир встал на сторону Армении. Таковы были точки зрения Армении и Азербайджана на политику Турции в Южном Кавказе в конце 80 начале 90-х гг. XX в.

Между тем, нейтральная позиция Турции в конфликте между Арменией и Азербайджаном оставалась недолгой. В феврале 1992 г. произошло кровавое событие, ставшее известным, как «Ходжалинская резня». Армянские вооруженные формирования захватили стратегически важный азербайджанский г. Ходжалы, через который проходят дороги Агдам-Шуша, Аскеран-Степанакерт, где расположен единственный в Нагорном Карабахе аэропорт, способный принимать крупные самолеты [5]. Этот жестокий инцидент, во время которого были убиты сотни мирных жителей, никого не оставил равнодушным: он повлек за собой проведение массовых антиармянских демонстраций в Анкаре. Население требовало от турецкого правительства военного вмешательства в конфликт на стороне Азербайджана. Власти не могли игнорировать выступления людей, и вскоре была выработана новая проазербайджанская позиция. Так, в начале марта Анкара объявила о досмотре самолетов, направлявшихся в Армению через территорию Турции. Кроме того, Турция не пропускала через свою территорию помощь для Армении, тем самым усиливая экономическое эмбарго против нее. К середине марта 1992 г. премьер-министр Турции С. Демирель не исключал даже военного вмешательства своей страны на стороне Азербайджана [6].

В целом, несмотря на пантюркистские идеи воссоединения двух народов — турецкого и азербайджанского в «единую семью», в Анкаре были лишены проводить на Южном Кавказе самостоятельную политику по целому ряду причин. Одной из них являлись трагические события в Восточной Анатолии в 1915 г., повлекшие за собой массовую резню армянского населения. В результате этой акции была сформирована мощная армянская диаспора на Западе, имеющая определенное влияние на правительства ряда ведущих западных стран (в этой связи уместно заметить, что еще в 1894 г. Сенат США выступил с резким осуждением насилия, применяемого против армянского населения в Османской империи). В связи с этими событиями, Турция вынуждена быть более сдержанной в своих посреднических усилиях по мирному урегулированию карабахского

конфликта. Любые кардинальные шаги в этом направлении могли быть расценены армянской диаспорой на Западе, как новая волна геноцида, что способствовала бы ухудшению имиджа Турции в глазах мирового общественного мнения. Особую озабоченность в Анкаре вызывало то, что армянская диаспора в США, оказывающая влияние на Конгресс в армянском вопросе и достигшая определенных успехов в правозащитной деятельности, стала оказывать поддержку борьбе курдов в юго-восточной Анатолии. В этих условиях правительство Турции опасалось, что активная проазербайджанская линия в нагорно-карабахском конфликте и косвенное вмешательство в него чревато уменьшением удельного веса американской поддержки Турции в борьбе с курдскими мятежниками вследствие усилившегося влияния армянского лобби на Конгресс США. Немаловажным было и то, что Турция активно стремилась вступить в Европейский Союз, а между тем, обстоятельства для этого складывались не самые лучшие. В частности, в западноевропейских столицах имело место понимание того, что Турция явно отстает в своем демократическом развитии. Виной тому было репрессивное в некотором смысле законодательство страны (статья 301 УК) и одновременно, чрезмерно высокая роль армии в ее внутренней и внешней политике. Соответственно, в Европе считали, что Турция не соблюдает принципы либеральной демократии, например, свободу слова. Наконец, имело место мнение, что членство Турции в ЕС может привести к увеличению количества желающих вступить в эту организацию, в частности, в регионе Ближнего Востока и Северной Африке [7].

Вышеуказанные обстоятельства сковывали в определенной степени посреднические действия Турции в нагорно-карабахском конфликте с преимущественным учетом интересов Азербайджана. К тому же, немалую роль играл экономический фактор: стабильность в регионе Южного Кавказа была важна для сотрудничества Турции с Европой в нефте- и газовых проектах, проходящих через турецкую территорию. Исключительно важным представлялось и то, что Турции было необходимо поддержание на высоком уровне взаимоотношений с Россией (особенно торгово-экономических связей). После распада СССР товарооборот Турции с Россией в 1992 г. был гораздо выше, чем с Азербайджаном и среднеазиатскими странами, вместе взятыми. К тому же, Россия вслед за США, оказывала поддержку Турции в борьбе с Рабочей партией Курдистана (РПК). В этих условиях вмешательство в нагорно-карабахский конфликт путем

оказания масштабной военно-технической помощи Азербайджану могло иметь для Анкары весьма негативные последствия. В этой связи стоить отметить, что османское прошлое оставило неизгладимый след в истории армянского народа: оно вызвало насилие со стороны армянских боевиков в отношении турецких граждан. В частности, в разные годы было убито не менее 100 граждан Турции, в основном дипломатов; примером может служить и взрыв, осуществленный боевиками в аэропорту г. Орли в 1983 г., в результате которого погибло 7 мирных граждан [8]. Примечательно, что на Западе на эти террористические акты не отреагировали. Поэтому, во избежание осложнений отношений с западными партнерами в Анкаре избегали во внешнеполитических акциях Турции в Южном Кавказе открыто игнорировать интересы Армении, в частности, откровенно поддерживать в нагорно-карабахском конфликте Азербайджан. В этой связи премьер-министр С. Демирель, стремясь успокоить население, возмущенное кровавой бойней в Ходжалы, утверждал, что военное вмешательство Турции на стороне Азербайджана приведет к тому, что весь мир окончательно встанет на сторону Армении. Следует отметить, что в определенных кругах на Западе это мнение разделяется. Так, по убеждению известного британского журналиста, специализирующегося по Кавказу Т. де Вааля, единственным способом прорыва в разрешении нагорно-карабахского конфликта представляется объединение усилий Турции и Армении, несмотря на нежелание Азербайджана. По его словам, в конечном счете, такое сближение будет выгодно самому же Азербайджану: имея посольства в Ереване и сотрудничая с Арменией в разных сферах, Турция будет больше связана с ней в разных вопросах и соответственно, сможет оказать влияние на «армянскую оккупацию Нагорного Карабаха». Пока же боязнь потерять надежного союзника и экономического партнера в лице Азербайджана вынуждает Турцию занимать непоследовательную, двойственную позицию в отношении Нагорного Карабаха. В Анкаре в целом согласны на установление дипломатических отношений с Арменией и открытие государственной границы с ней только в обмен на вывод войск из конфликтной зоны и возвращение беженцев [9]. Но в создавшихся условиях такую позицию однозначно назвать конструктивной не представляется возможным.

С другой стороны, реакция в Баку на колебания Турции в вопросе мирного разрешения нагорно-карабахского конфликта в целом была вполне предсказуема. Азербайджанское население явно

разочаровалось в Турции, которая неоднократно заявляла о необходимости полного воссоединение братских турецкого и азербайджанского народов и выражала готовность оказать всестороннюю помощь Азербайджану. Хотя, власти этой страны отдавали себе отчет в том, что позиция Турции в нагорно-карабахском конфликте является сдержанной по причине наличия целого ряда факторов международного значения, с которыми она вынуждена считаться.

Таким образом, конфликт вокруг Нагорного Карабаха в некоторой степени развеял иллюзии некоторых турецких официальных лиц о том, что возможно легкое завоевание симпатий и авторитета на постсоветском пространстве со стороны «братских народов». Учитывая несколько запутанный характер отношений Турции с США, Европой, Россией, странами Ближнего Востока, Турция объективно была лишена возможности проводить в регионе Южного Кавказа самостоятельную, независимую политику [6].

Подводя итоги изложенному выше, следует указать, что нагорно-карабахский конфликт негативно влияет на развитие всего Южного Кавказа, создает препоны развитию государствами этого региона своих жизненно важных внешнеполитических и внешнеэкономических связей, как в региональном масштабе, так и за его пределами. В этих условиях важно то, что Минская группа ОБСЕ, задействованная для оказания всяческой поддержки в мирном урегулировании нагорно-карабахского конфликта на справедливой основе. Она действительно становится той важной политической площадкой, на которой возможно решение данного сложного вопроса. Соответственно, можно сделать вывод, что затянувшийся нагорно-карабахский конфликт может быть решен лишь путем взаимных уступок противоборствующих сторон при посредничестве Минской группы ОБСЕ. Необходимым условием для достижения полного мира и спокойствия в регионе Южного Кавказа является также реализация мер, направленных на достижение странами региона тесных интеграционных связей в самых разных областях, прежде всего, в политической и экономической сферах.

Примечания:

- 1. НКР: История и современность. Степанакерт, 1998. С. 9.
- 2. День независимости Азербайджана: [электронный ресурс] //

Календарь событий [сайт]. URL: http://www.calend.ru/holidays/0/0/67 8/(дата обращения: 30.01.14).

- 3. В. Манукян Армянская мечта в тупиках выживания. Ереван, 2002. C.12.
- 4. Бюлент А., Хавва К. Армяно-турецкие отношения: критический анализ // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 4. С. 125.
 - 5. Tragedy Massacre in Khojaly // Time. 1992 г.16 марта.
- 6. Петрова М. Турция в процессе карабахского урегулирования: [электронный ресурс] // Вестник Кавказа [сайт]. [2011]. http://www.vestikavkaza.ru/analytics/Turtsiya-v-protsesse-URL: karabakhskogo-uregulirovaniya-.html (дата обращения: 10.02.14).
 - 7. Газета «Коммерсантъ» (14 января 2007)
- 8. Ахундов Ф. Разрушители фальсификаций: [сайт].URL: http://www.nofalsify.com/sitat/1778 (дата обращения: 13.02.14).
- 9. Джалилова Д. Османские амбиции на Кавказе: [электронный ресурс]//Кавказская политика [сайт]. URL: http://kavpolit.com/osmanskieambicii-na-kavkaze/(дата обращения: 15.02.14).

К ВОПРОСУ О РОЛИ КАЗАЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ РСО-АЛАНИЯ)

В статье представлен анализ роли традиционной казачьей культуры в формировании социальной и культурной среды в политиэтничном северокавказском регионе. На примере казачьих обществ РСО-Алания исследуются факторы и методы сохранения и распространения элементов культуры казаков, а также степень поддержки казачества на государственном уровне.

Ключевые слова: Северный Кавказ, казачество, Северная Осетия, традиционная культура, интеграционные процессы, государственная поддержка

THE ROLE OF COSSACKS IN THE FORMATION OF MODERN RUSSIAN SOCIOCULTURAL SPACE (FOR EXAMPLE NORTH OSSETIA-ALANIA)

In article is presented analysis of the role the traditional cossack culture in shaping social and cultural environment in multi-ethnic North Caucasian region. The author investigates factors and methods of the conservation and spreading of Cossack cultural elements on example of the cossack organizations in Republic of North Osetiya and the degree of support the Cossacks from the state.

Key words: North Caucasus, the cossacks, Republic of North Osetiya, traditional culture, integration processes, state support.

В последние десятилетия происходит переосмысление роли и места культуры в жизни отдельного человека, государства, мирового сообщества. В ходе интеграций и трансформаций создаются новые формы, формируются инновационные элементы культурного про-

странства. Этот процесс не обошел и Республику Северная Осетия-Алания. Являясь национальной республикой формально, фактически она стала Родиной представителей более ста национальностей, каждая из которых принимает активное участие в формировании социокультурного ландшафта.

Особое место в истории и культуре Осетии занимает казачество. Более двух столетий история Терского казачества неразрывно связана с Северной Осетией. Казачья культура не только сохранила свой неповторимый колорит, традиционную обрядовость и духовные ценности, но и продолжает развиваться, передавая своим потомкам накопленное веками наследие.

Казачество в России, и в частности в Осетии, сегодня делится на две категории: реестровое и общественное. Реестровые казаки — это социальная прослойка общества, в состав которой входят люди, не зависимо от национальной принадлежности, несущие государственную службу и включенные в государственный реестр казачьих обществ. Реестровым казакам согласно федеральному закону от 5 декабря 2005 года № 154 «О государственной службе российского казачества» государство дает некоторые привилегии — иметь чины, носить кокарду и погоны, носить с казачьей формой нагайку, шашку и кинжал. Сейчас в России зарегистрировано 11 крупных территориальных казачьих обществ, в которых состоит больше 700 тысяч человек. Каждое подразделение имеет своего атамана и территориальные органы управления. Терское войсковое казачье общество, одно из 11 территориальных обществ, образовано было еще в 1861 году. А возрождение в современной России началось в 1990 году в г. Орджоникидзе (ныне — г. Владикавказ). Сегодня войско осуществляет свою деятельность на территории Северо-Кавказского федерального округа. Организационно в его состав входит 5 окружных казачьих обществ: Ставропольское, Аланское, Кизлярское, Терско-Малкинское, Терско-Сунженское [1].

Общественные казаки — это исключительно потомственные, родовые казаки, образовавшие казачьи общины, входящие в Общероссийскую общественную организацию «Союз Казаков России».

Осетия является не только землей, где началось возрождение казачества, но и одной их немногих территорий СКФО, где казачество играет важную общественно-политическую и культурную роль. Подтверждением тому является тот факт, что в состав Аланского

республиканского казачьего округа входит более 11000 казаков, что значительно превышает численность в казачьих округах других республик СКФО. В Стратегии развития российского казачества до 2020 года Республика Северная Осетия-Алания отмечена как наиболее активный субъект в работе по сохранению и развитию самобытной казачьей культуры [2, 10]. Помимо этого, на территории Республики между реестровым и общественным казачеством нет никакого антагонизма. Заключено соглашение по взаимному общению. Здесь казаки независимо от того, в реестре они или общественники, — всегда казаки, по своему характеру, по отношению к жизни.

Сегодня казачество играет важную роль в развитии региональной культуры, сохранении и развитии традиций патриотического воспитания молодежи. В настоящее время в Республике действуют Закон Республики Северная Осетия-Алания от 9 июля 2007 г. № 33-РЗ «О государственной поддержке казачьих обществ в Республике Северная Осетия-Алания», республиканская целевая программа «Государственная поддержка казачьих обществ Республики Северная Осетия-Алания на 2013-2015 годы», утвержденная постановлением Республики Северная Осетия-Алания от 23.11.2012 № 409. Согласно данной программе, с целью воспитания казачьей молодежи в духе культурных, духовно-нравственных, военно-патриотических казачьих традиций в республике создано 16 самодеятельных фольклорных ансамблей*, действуют военно-патриотические клубы с охватом более 350 казачат, работает конно-спортивная группа «Терские казаки» [3, 7]. Примечательно, что несмотря на то, что программа рассчитана на поддержку реестрового казачества, 15% финансовых затрат от общей суммы финансирования программы заложено на поддержку культуры казачества, сохранение его культурного наследия, традиционных семейных ценностей, приобщение населения РСО-Алания к казачьей культуре. Для сравнения в соседнем регионе — Чеченской республике, на территории которой находится Терско-Сунженское окружное казачье общество, действует только «Устав Терско-Сунженского казачьего общества Терского войскового казачьего общества», утвержденный Распоряжением Президента Чеченской Республики от 10 декабря 2007 г. № 347-рп. В нем определены основные принципы формирования Терско-Сунженского окружного казачьего общества, в котором насчитывается 231 казак [4, 2].

^{*} *Для сравнения:* в Кабардино-Балкарии действует 7 самодеятельных фольклорных ансамблей [5], а в Чеченской республике — 3 [6] (от авт.).

Программой также предусмотрено введение в общеобразовательных учреждениях республики программ дополнительного образования по казачьей тематике, на данный момент идет обсуждение создания казачьего класса на базе одной из владикавказских школ.

Еще одним подтверждением пристального внимания со стороны правительства к проблеме возрождения и сохранения казачьей культуры явилось создание в РСО-Алания нового учреждения культуры под названием «Государственный ансамбль «Казаки Терека». С инициативой о придании статуса «государственный» одному из моздокских фольклорных коллективов в 2011 году к Главе РСО-Алания Т.Д. Мамсурову обратился Глава муниципального образования Моздокский район В.С. Паринов.* Созданная по этому обращению экспертная комиссия при Министерстве культуры и массовых коммуникаций РСО-Алания выезжала в Моздокский район для просмотра концертной программы казачьего коллектива-претендента, включающей более двух десятков вокальных номеров. Комиссия дала высокую оценку исполнительскому мастерству ансамбля, творчество которого основано на исконно казачьем песенном и танцевальном фольклоре [7]. С целью возрождения, сохранения, развития и популяризации самобытной казачьей культуры, на базе районного Дворца культуры был создан Государственный ансамбль «Казаки Терека». Сейчас он, наряду с ведущими концертными организациями республики, играет огромную роль в культурной жизни региона, сохраняя и развивая традиции высокопрофессиональной музыки, осуществляя активную концертную деятельность, проводя просветительскую работу, развивая национальную культуру, эстетически воспитывая молодое поколение. Так за первый год своего существования количество обслуженных зрителей ансамблем вдвое превысило количество зрителей уже известных и старейших коллективов республики, о чем свидетельствует приведенная ниже схема.

Исходя из приведенных выше статистических данных, можно сделать вывод, что у жителей Республики на протяжении 5 лет устойчивый интерес вызывают концертные программы и номера артистов Государственной филармонии, последние три года началось возрождение Государственного ансамбля «Алан», с 2012 года расширилось предложение на исполнительское искусство. Появился новый

^{*} С 2012 г. глава муниципального образования Моздокский район В. Рубаев

ансамбль: «Казаки Терека», который, несмотря на слабую материально-техническую базу, за год своего существования обслужил около 8 тысяч зрителей, тем самым превысив количество обслуженных зрителей Камерным хором, Государственным оркестром народных инструментов, Государственным национальным эстрадным оркестром. Это свидетельствует об интересе жителей Республики к казачьему народному исполнительскому искусству [8].

Динамика посещения концертных организаций РСО-Алания за 2008-2012 гг.

Работа по внедрению казачьей культуры в единое культурное пространство РСО-Алания активно поддерживается на высоком правительственном уровне. Так, например, по инициативе Главы республики в 2013 году Министерством культуры и массовых коммуникаций РСО-Алания был разработан проект «Абонемент «Культура Осетии — детям», в рамках которого активное участие принял государственный ансамбль «Казаки Терека». Данный культурно-образовательный проект представляет собой систему эстетического воспитания школьников на основе обслуживания учащихся общеобразовательных учебных заведений города Владикавказа и районов республики государственными учреждениями культуры и искусства. Каждый четверг школьники республики активно приобщаются к материальной и духовной культуре Осетии, ее истории. Благодаря этому проекту возможность познакомиться с культурой и традициями терских казаков получили не только учащиеся школ Моздокского района и ст. Архонская, но и остальных районов республики и города Владикавказа.

Это свидетельствует о возросшем интересе жителей республике к казачьей культуре, необходимости совместно, наряду с возрождением осетинских традиций возрождать традиции казачества. Только совместная работа по формированию нового культурного пространства даст положительный результат в достижении совместной цели сохранения культурных традиций, воспитания подрастающего поколения на примерах мужества, братства и единства осетинского народа и казачества.

Деятельностью по сохранению и поддержке казачьей культуры активно занимаются культурно-досуговые учреждения (дома культуры, сельские клубы) и библиотеки, расположенные в районах компактного проживания казаков, главным образом в Моздокском районе. Уже много лет в г. Моздок действует Моздокский народный драматический театр, образованный на базе районного дома культуры.

Ведущая роль в сохранении, развитии и пропаганде богатого культурного наследия народов, проживающих на территории Республики Северная Осетия-Алания, принадлежит Республиканскому центру традиционной культуры и этнотуризма «Фарн». Одним из приоритетных направлений деятельности Центра является сохранение и поддержка традиционной казачьей культуры. Подтверждением чему являются организуемые Центром фестивали казачий песни, собирающие от года к году все больше казачьих хоров и ансамблей, в том числе детских. Так, Республика Северная Осетия — Алания явилась первой и пока единственной республикой СКФО, инициировавшей еще в 1998 году создание фольклорного фестиваля «Как на Тереке у нас». Спустя 16 лет фестиваль расширил географию участников, приобретя статус межрегионального. В казачьих станицах и хуторах ежегодно проходят праздники, игрища, конкурсы, смотры местных самодеятельных коллективов.

Усилиями казачьих обществ организуются экспозиции, выставки, уголки и мини-музеи традиционной казачьей культуры и быта, ведется изучение архивных документов. В г. Владикавказе действует музей истории Терского казачьего Войска, а в казачьих отделах Аланского республиканского казачьего округа действуют «Уголки казачьей славы» [2, 13]. Несмотря на то, что музей создан на базе Штаба Терского войскового казачьего общества в г. Владикавказе и не имеет статуса государственного, в его фондах собрана уникальная коллекция вещественных и письменных исторических источников. Сейчас на базе музея действует подготовленная по материалам Центрального го-

сударственного архива РСО-Алания историко-документальная выставка «Михаил Александрович Караулов, подъесаул, первый выборный атаман ТКВ 1878-1917 гг.». Выставка посвящена 435-летию ТКВ (Терского казачьего войска) и 95-й годовщине со дня трагической гибели Михаила Караулова, первого выборного атамана ТКВ [9].

Важной задачей в вопросах популяризации казачьей культуры является информационное обеспечение населения о деятельности учреждений культуры и казачьих обществ. В Республике ежемесячно издаётся газета Терского Казачьего Войска «Казачий Терек», налажен выпуск газеты общественных казаков «Терский казак» [2, 13]. Также в Республике ежегодно проводятся памятные мероприятия, посвященные 35 тысячам казакам, убиенным в 1920 году — жертвам большевистского террора. Почтить память своих невинно убиенных сородичей прибывают как реестровые, так и общественные казаки со всех округов ТКВ, что свидетельствует о единстве и братстве казаков Кавказа [10].

Еще одним аспектом выявления уровня влияния казачьей культуры в современном обществе Осетии явилось социологические исследование, проведенное автором. Респондентами стали жители г. Владикавказа в возрасте от 15 до 50 лет. Опрашиваемым предлагалось ответить на вопросы анкеты с целью выявления роли казачества, влиянии его культуры в современном осетинском обществе, а также опрос был направлен на то, чтобы выявить общий уровень осведомленности у людей, совершенно не заинтересованных в знании истории казачества, то есть у средней прослойки общества. Срез респондентов был достаточно широкий, хотя и ограничивался численностью (80 чел.):

- пол: 60% женщины; 40% мужчины;
- возраст: 30% до 20 лет; 25% 21-25 лет; 15% 26-30 лет; 30% — старше 30 лет;
- образование: 10% школьники; 40% неоконченное высшее образование; 50% — высшее образование;
- национальность: 78% осетины, 22% представители других национальностей.

Результаты опроса показали, что:

1) на вопрос «Считаете ли Вы казачество неотъемлемой частью нашего региона?» — 90% респондентов ответили утвердительно. Причем, оставшиеся 10% — школьники, разделившиеся между ответами «Затрудняюсь ответить» и «нет». Это свидетельствует о том, что

казачество наравне с осетинским населением является неотъемлемой частью жизни общества [11, 2].

- 2) на вопрос «Кто для Вас казаки?» большинство опрашиваемых ответило, что казаки являются «братьями по вере и оружию», что также подтверждает факт полного принятия казачество как коренного населения Осетии и добрососедских отношений между титульной осетинской нацией и казачеством [12, 2].
- 3) на вопрос «В чем для Вас проявляется казачья культура?» Подавляющее большинство респондентов вспомнили неповторимый казачий фольклор, интересно, что были и те, кто упомянул о влиянии казачества на бытовую культуру осетин, например: «Под влиянием казачьей культуры в селах стали белить дома, окруженные палисадниками, а на окнах появились ставни» [13, 3].
- 4) опрашиваемые также выразили заинтересованность в получении информации по истории и жизни казачества. Такое мнение высказали 75% респондентов [14,3].

Приведенные выше данные, свидетельствует о том, что в Осетии наряду с исконно казачьими регионами, такими как Краснодарский, Ставропольский края и Ростовская область, казачество играет немаловажную роль в формировании культурных каналов передачи традиций, что говорит о толерантности осетинского народа, единстве, взаимоуважении и взаимодействии традиционной осетинской и казачьей культур.

В заключении хотелось бы отметить, что данная статья является лишь одним из аспектов, рассматриваемых автором, влияющих на формирование культурного пространства современной Республики Северная Осетия-Алания. Статья носит эмпирический характер внешних атрибутов казачьей культуры и является попыткой выявить степень влияния культуры казачества и ее роли в формировании культурной жизни региона при помощи индикаторов, определённых автором.

Примечания

- 1. Казачий информационный портал Казаки Лефортово. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kazaki-lefortovo.ru/abou t/kazaki/terskoe/
 - 2. «Стратегия развития государственной политики Российской

^{*} В данном контексте речь идет об общественных, т.е. потомственных казаках, которые представляются как субъэтнос.

Федерации в отношении российского казачества до 2020 года» (утв. Президентом РФ 15.09.2012 N Пр-2789). [Электронный ресурс]. Режим доступа: Consultant.ru>document/cons_doc_LAW_145826/

- 3. Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 23 ноября 2012 г. N 409 «О Республиканской целевой программе «Государственная поддержка казачьих обществ Республики Северная Осетия-Алания на 2013-2015 годы». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.pravo.ru/document/view/29576374/302402 54/?line_id=15
- 4. Доклад Министерства Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации
- 5. Текущий архив Министерства культуры Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик, 2012-2014 гг.
- 6. Текущий архив Министерства Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации. — Грозный, 2012-2014 гг.
- 7. Сайт Министерства культуры и массовых коммуникаций РСО — Алания. [Электронный ресурс]. Режим доступа: mkrso-a.ru>news/detail.php?ID=826
- 8. Текущий архив Министерства культуры и массовых коммуникаций РСО-Алания. Владикавказ, 2012-2014 гг.
- 9. Сайт Архивной службы РСО-Алания. [Электронный ресурс]. Режим доступа: archive-osetia.ru>deyatelnost/vistavki/
- 10. Казачий информационный портал Казаки Лефортово. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kazaki-lefortovo.ru/abou t/kazaki/terskoe/
- 11. Социологическое исследование: «Казачество в РСО-Алания» 2014. Выборка случайная. Объем 80 человек, данные за 2014 год. Автор: Д. В. Езеева
- 12. Социологическое исследование: «Казачество в РСО-Алания» 2014. Выборка случайная. Объем 80 человек, данные за 2014 год. Автор: Д. В. Езеева
- 13. Социологическое исследование: «Казачество в РСО-Алания» 2014. Выборка случайная. Объем 80 человек, данные за 2014 год. Автор: Д. В. Езеева
- 14. Социологическое исследование: «Казачество в РСО-Алания» 2014. Выборка случайная. Объем 80 человек, данные за 2014 год. Автор: Д. В. Езеева

СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ (КОНЕЦ ХХ-НАЧАЛО ХХІ ВВ.)

В статье рассматривается одна из актуальных проблем конфессиональной жизни РСО-Алания — деятельность секты «Свидетели Иеговы». На основе исследования, проведенного СОИГСИ в 2005 году, а также с привлечением собранного автором полевого материала, анализируется деятельность иеговистов в различных районах РСО-Алания, определяются причины их успешного миссионерства и неудачных практик.

Ключевые слова: конфессиональная ситуация, свидетели Иеговы, миссионерство, издательская и переводческая деятельность, последователи.

JEHOVAH'S WITNESSES IN THE REPUBLIC NORTH OSSETIA-ALANIA

(the end of the beginning of XX-XXI centuries)

The paper discusses one of the topical problems of religious life, North Ossetia-Alania — the activities of the sect «Jehovah's Witnesses». Based on research conducted by SOIGSI in 2005, and also with attraction collected by the author field of the material is analyzed activity of the Jehovah's witnesses in different regions of North Ossetia-Alania, determine the cause of their successful mission and bad practices.

Keywords: confessional situation, Jehovah's witnesses, the missionary, publishing and translation activities followers.

Формирование полиэтничного населения Терской области во второй половине XIX века предопределило его поликонфессиональность: наряду с православием, исламом и традиционными верованиями на территории нашей республики формировались протестантские общины баптистов, молокан, иудействующих, старообрядцев, хлыстовцев, евангельских христиан и др. [1,198-201]. К концу XX века в Республике Северная Осетия-Алания численно преобладали (по убывающей): православные, мусульмане и новое явление в конфессиональной жизни — свидетели Иеговы. Деятельность последних была особенно заметной и вызывала беспокойство государственной власти и общественности.

Особую миссионерскую активность Свидетели Иеговы проявили в Ардонском районе РСО-Алания, действуя здесь с начала 1990-х годов. В феврале 2004 г. они выстроили в Ардоне помещение для собраний (Зал Царства). На строительстве было до 300 братьев, многие из которых приезжие. Численность иеговистов за последний год, по собственной их оценке, увеличилась на 40%. В рассматриваемое время на собрания приходили 80-90 человек, из которых, однако, только около 30% крещенных. Собрания активно посещала молодежь, родители приводили детей. Многие объясняли это тем, что у «свидетелей» очень строгая система запретов в отношении наркотических средств и алкоголя. В районе, где пьянство признается одной из основных болезней общества, примыкание к данной секте и привлечение к ней близких расценивается частью населения, как выход из этого положения.

Лидеры общины отмечали, что среди населения сильна ностальгия по прошлому (СССР). Социально-экономическая ситуация усиливает эсхатологические настроения, что создает почву для успешной проповеди. Иеговисты делают ставку на социальную необеспеченность, экономические трудности, что стало залогом развития влияния секты в районе и республике в целом.

При этом, иеговистам хотелось бы «соблюдения законности в отношении религиозных объединений, их равноправия» и поддержки со стороны органов власти. Администрация Ардонского района выделила землю для строительства здания для молитвенных собраний. Прихожане регулярно жертвуют на содержание молитвенного дома. Из Владикавказа поступает религиозная литература, затем распространяемая в районе.

РПЦ весьма озадачена популярностью «свидетелей» в районе, пыталась принять свои меры. Например, местный православный священник запретил прихожанам общение с иеговистами; в Георгиевской церкви г. Ардон распространялись информационные листки «Осторожно, секта», в которых содержалась критика деятельности свидетелей Иеговы. В Ардонскую церковь ранее приходили свидетели Иеговы, проповедовали среди прихожан, что вызывало резко негативную реакцию, усилиями священнослужителей, эти посещения и конфликты прекратились.

Тем не менее, в молитвенном доме регулярно проводятся занятия по изучению Библии, для удобства есть осетинская и русскоговорящая группа. Ведется работа по переводу религиозной литературы, в частности, брошюр «Пробудитесь!», «Сторожевая башня» на осетинский язык. Практика ведения переводческой работы типична для всех общин свидетелей Иеговы в республике, является залогом их успеха и свидетельствует о централизованном и плановом характере их деятельности.

Численность православных приходов РПЦ в районе увеличивается, но и «свидетели» продолжают активную деятельность. При этом виден растущий интерес к неправославным объединениям, как со стороны населения, так и властных структур. При том, что радикальных исламских групп (заявивших о себе) в районе в настоящее время нет, именно иеговисты могут сыграть негативную роль в религиозной обстановке.

В районе желательно проводить профилактическую, информирующую работу с сотрудниками администрации, занимающимися вопросами конфессиональной жизни; создавать в районе библиотеку (для служебного пользования) из образцов литературы, которой пользуются местные конфессиональные объединения.

Свидетели Иеговы активно действуют и в Алагирском районе (их немало, в основном пожилые люди). Некоторое время назад (до перевода во Владикавказский приход) с иеговистами работал миссионер благочиния Александр Пикалев. Иеговисты приходили в собор для ведения проповедей и диспутов с православными священниками.

В Дигорском районе также действуют свидетели Иеговы. В самой Дигоре на ул. Энгельса в частном доме открыт Зал Царства вместительное благоустроенное здание без вывески. В Фиагдоне и Синдзикау их не более 60 человек.

В Ирафском районе миссионерские попытки иеговистов оказались безуспешными. Проповедники были приезжими, поддержки среди местного населения не получили, поскольку их учение встретило сложившуюся, сформировавшуюся конфессиональную среду, представленную традиционной и местной мусульманской культурой.

В начале 2000-ых годов специалисты-политологи и религиоведы предупреждали о недооценке активности протестантских мис-

сионеров [2], однако время показывает, что ситуация не получает дальнейшего развития. В Кировском районе, в частности, в селениях Эльхотово и Змейской ситуация аналогичная, но есть свидетели Иеговы (численностью около 30 человек), которые периодически собирают собрания, в основном это выходцы из Южной Осетии.

В Моздокском районе деятельность иеговистов поставлена под жесткий контроль — свидетелям Иеговы запрещена проповедь, а пресвитерианская церковь «Еммануил» лишена регистрации как юридическое лицо [3]. Эти действия в отношении названных общин были предприняты в связи с нарушением последними законодательства и неоднократными жалобами на них жителей района. Однако, несмотря на неблагоприятные условия, в районе также действуют свидетели Иеговы, проводят проповеди и распространяют литературу.

В Правобережном районе РСО-Алания деятельность свидетелей Иеговы оценивается как очень активная. В районе имеется одно здание для собраний — по улице Нартовская в г. Беслане. Иеговистами построено двухэтажное здание, в которое на собрания приезжают верующие жители окрестных сел. Интервью с главой иеговистской общины дало следующую информацию: «свидетели» присутствуют в районе около 25 лет, активно ведут деятельность — последние 15 лет; численность т.н. крещенных «свидетелей» в районе оценивается примерно в 200 человек, остальных активных посетителей собраний еще около 250. Зал Царства начали строить после теракта в Беслане.

Известно также, что среди принимаемых в «свидетели» есть бывшие мусульмане. У иеговистов действуют два собрания — русское и осетинское — для ведения более эффективной проповеди [3]. Среди прихожан немало переселенцев из Южной Осетии. Собрания проводятся трижды в неделю;

на собраниях иеговистов присутствуют дети и молодежь. С представителями других конфессий (в т.ч. протестантскими) контакт не поддерживается, диалог не ведется.

В Пригородном районе свидетели Иеговы также ведут активную миссионерскую деятельность, их собрания происходят почти в каждом населенном пункте района. Они обращались в администрацию с просьбой выделить землю для строительства Зала Царства, но получили отказ [3]. Их численность возросла благодаря переселенцам из Грузии и Южной Осетии.

Во Владикавказе проживает около половины всего населения республики, поэтому конфессиональная ситуация в столице как явля-

ется моделью общереспубликанской ситуации, так и во многом определяет ее. Здесь отмечается максимальная по сравнению с иными конфессиями сплоченность протестантов и иеговистов, отлаженная у них система ведения миссии. К свидетелям Иеговы наблюдается негативное отношение, вызванное навязчивостью их деятельности. Они бесцеремонно останавливают людей на улице, стучат в дома, настойчиво предлагают свои издания.

Деятельность иеговистов находится вне внимания органов власти. Невозможно определить их общую численность, но она явно исчисляется не одной тысячей человек. Руководство этих общин не контактирует с органами власти. Желательными являются встречи с ними в рамках конференций, круглых столов — для прояснения их позиции, вывода из тени их деятельности.

Здесь важно отметить, что внутренняя жизнь большинства протестантских групп малоизвестна. Общины действуют только в интересах своих последователей, за исключением ведущих оздоровительную деятельность. В работе протестантских групп желательно учитывать реакцию общества (или большей его части) на деятельность религиозного объединения. Проводимые исследования показали, что общество негативно относится к миссионерской деятельности любых религиозных обществ, поскольку слово «миссия» ассоциируется с тем образом проповеди, который присущ иеговистам [2]. Именно свидетели Иеговы считаются наиболее активно ведущими миссионерскую деятельность. Присущая иеговистам агрессивность в подаче своего учения вызывает естественное отторжение у населения.

В АМСУ Правобережного района составлен список религиозных организаций и дана оценка их влиянию на общество. Согласно нему, негативное влияние оказывают пятидесятники, свидетели Иеговы, корейская пресвитерианская церковь (те же пятидесятники). И эта точка зрения присуща не только чиновникам — существует негативный стереотип, сложившийся за годы наблюдения за этими группами [2].

Необходимо проводить мониторинг деятельности иеговистов, их численности, чтобы не допустить превышения некого критического порога численности, после которого религиозная обстановка резко ухудшается. Считаем необходимым активизировать деятельность православной церкви по противостоянию сектантам [4, 322]. Трудно понять позицию некоторых священников, которые считают,

что каждый человек должен прийти к Богу сам. В условиях, когда социально-экономические условия, пережитые этнополитические конфликты, теракты, принесшие огромное число негативных состояний, являются питательной средой для любой религиозности, предоставлять людей сектантам представляется неправильным и даже негуманным, особенно в отношении молодых людей, которые проявляют гораздо больше религиозности, чем старшие поколения. Деятельность сектантских групп может контролироваться не только запретительными методами. Необходимо широкая просветительская деятельность с привлечением СМИ, с обсуждением на форумах и пр. В вузах республике в цикле социально-гуманитарных дисциплин следует давать не только фундаментальные, но и прикладные разработки. В них нуждаются не только студенты, но и представители районных администраций, других органов власти, общественных объединений.

Примечания

- 1. Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнографическое исследование. Владикавказ, РИО СОИГСИ, 2008
- 2. Анализ государственно-конфессиональных отношений в Республике Северная Осетия-Алания. Рукопись. 2005 г. Архив Министерства РСО-А по делам национальностей.
 - 3. Полевой материал автора, 2006-2008 гг.
- 4. Келехсаев Р.К. Православие в Республике Северная Осетия-Алания: традиции и современные тенденции // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2013. Вып. 10.

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

В статье рассматривается история формирования азербайджанской общины в Осетии, ее хозяйственная и социально-культурная адаптация к новой среде обитания, этноконсолидирующая роль исламской веры, восстановление диаспорной жизни в постсоветский период, современная деятельность национально-культурного общества, проблемы азербайджанской диаспоры.

Ключевые слова: персидская община, адаптация, консолидация, шиитская мечеть, национально-культурный центр

AZERBAIJANIS IN REPUBLIC **NORTH OSSETIA-ALANIA**

The article describes the history of the Azerbaijani community in Ossetia, its economic and socio-cultural adaptation to the new environment, ètnokonsolidiruûŝaâ the role of the Islamic faith, the restoration of a diaspora living in the post-Soviet period, the activities of national cultural societies, problems of the Azerbaijani diaspora.

Keywords: Persian community, adaptation, consolidation, the Shiite mosque, the national-cultural center

Персидская община в Осетии стала формироваться в конце 1860-ых годов в результате отходничества персидских крестьян из Тавриза и его окрестностей. Тавриз (Тебриз) — главный город азербайджанской провинции Персии. Современный Тавриз — город с населением свыше 1 миллиона человек в Иране, административный центр иранской провинции Восточный Азербайджан. Основную часть населения составляют азербайджанцы, затем персы, курды и др. Население говорит как на азербайджанском, так и на персидском языках.

Известно, что в XVII веке Азербайджан стал ареной противоборства между Ираном и Турцией. Мирный договор 1639 года утверждал власть Ирана над Азербайджаном. По условиям Стамбульского мира 1724 года прикаспийские области, включая Баку и Ленкорань, отошли к России, но с 1734 года Иран вернул свой контроль над азербайджанскими землями. В середине ХУШ века Азербайджан распался на 15 самостоятельных ханств.

По окончании русско-иранской войны 1804-1813 годов, завершившейся Гюлистанским договором, Иран сохранял контроль над Южным Азербайджаном, но отказался от своих притязаний на Северный Азербайджан, т.е. на Карабахское, Гянджинское, Ширванское, Шекинское, Бакинское, Дербентское, Кубинское и Талышское ханства. После русско-иранской войны 1826-1828 годов к России отошли и другие территории, в том числе Нахичеванское ханство, Ордубадский округ.

В результате большая часть азербайджанцев осталась в Иране, меньшая — России. В Осетию прибывали мигранты из обеих территорий. Большая часть источников обозначает их общим термином «шииты», в отдельных документах различаются «персидско-подданные» и «русско-подданные» персы. Русско-подданные персы переселились в Осетию из Закавказского края — Елизаветпольской, Бакинской, Эриванской и Тифлисской губерний.

Массовое переселение персов и азербайджанцев в Осетию напрямую связано с возникновением и последующим развитием Владикавказа. Первыми переселенцами, а потом и жителями крепости, а, впоследствии города, были иранские и карабахские азербайджанцы.

Что касается их этнической принадлежности, то употребление этнонима «персы» применительно к обеим группам представляется неправомерным. В Тавризе, как и в других районах Ирана, жили и персы, и азербайджанцы, которых объединяла общая история, общая религия, распространение обоих языков, арабского алфавита. Среди мигрантов также были и персы, и азербайджанцы, которые не считали себя одной этнической общностью и четко отделяли представителей «персидской народности» от азербайджанцев, о чем свидетельствует архивный документ [1]. Однако не во всех случаях представляется возможным определение этнической принадлежности «персов».

Создателями шиитской мечети, училища, благотворительного общества «Химмат» были этнические персы, имевшие к тому же свое

консульство. Причиной их отхода из Тавриза были экономические проблемы: дешевизна рабочих рук, отсутствие рабочих мест, засуха, большие площади невозделанных земель. Обедневшее население не только не возводило новых ирригационных сооружений, но и не могло поддерживать старые. Правительство не оказывало никакой помощи, засуха губила посевы, поэтому из года в год увеличивалось количество невозделанной земли и численность безработных, направляющихся на заработки в Россию, в частности, на Кавказ.

Инфляция приводила к падению курса «грана» (персидской монетной единицы). В 1894 году три грана соответствовали одному рублю, а в 1898 году — 5 рублям [2]. Работа в России была прибыльной: заработав сто рублей, персидский рабочий менял их по возвращении на родину на 500 гран. За эти деньги в Тевризе можно было приобрести небольшой дом с земельным участком.

Социальный состав общины был неоднородным: кроме крестьян на заработки прибывали разорившиеся представители персидской знати, которые стеснялись у себя на родине зарабатывать на жизнь физическим трудом и отправлялись в поисках работы на чужбину. Современники отмечали и такую категорию мигрантов как любители азартных игр и развлечений, имевшие проблемы с законом из-за нарушения шариатских норм, строго соблюдавшихся на родине.

Персы прибывали во Владикавказ целыми группами. В консульских книгах они значились как чернорабочие, башмачники, хлебники, банщики, мелкие торговцы. В 1882 году было зафиксировано 630 человек, в 1894 году — 1385 человек, в 1897 году — 500 человек, в 1899-1000 человек, в 1903 — две тысячи человек [3]. Только с января по июнь 1898 года в городе появилось 500 отходников, среди них не было женщин и детей [1].

Шиитская мечеть во Владикавказе была построена на средства персидского населения. Строительство своего религиозного храма было одной из первых акций в адаптационном процессе персов. Уже в 1868 году они обратились к начальнику Терской области графу Лорис-Меликову с просьбой разрешить им строительство мечети и училища за свой счет. Просьба была уважена; они получили земельный участок под строительство мечети и училища. Залогом делового успеха персов была их корпоративность.

К концу XIX началу XX века века между персами и азербайджанцами произошел раскол в результате которого начался активный дискурс по вопросу о персидской мечети. Русско-подданные персы

жаловались на большие неудобства в исполнении религиозных обрядов и треб, так как мечетский мулла не имел необходимых познаний. Он назначался не собранием прихожан, как того требовал Устав Духовных Дел Иностранного Исповедания, изданный в 1896 году, а персидским консулом, из числа персидско-подданных. Он не вел и не мог вести метрических книг, не фиксировал браки, рождение детей, акты о смерти, не совершал обрядов, поэтому русско-подданные персы просили образовать приходское общество и назначить своего муллу.

Персидско-подданные считали себя вправе назначать муллу по своему усмотрению как попечители мечети. К тому же, они призывали считаться с тем, что большая часть прихожан принадлежала к персидской народности, состояла в персидском подданстве и должна была слушать проповеди на чистом, не искаженном персидском языке. В свою очередь, русско-подданные персы жаловались, что «стеснены вмешательством в духовные службы проживающими здесь персидско-подданными, которые пользуются поддержкой персидского консульского агента, и превосходящими численностью домогаются самостоятельного распоряжения мечетью и ее имуществом».

Согласно предписанию областного правления на общеприходском собрании, где присутствовало 58 русско-подданных и 148 персидско-подданных, был образован один приход и избран мулла — русско-подданный из Елисаветпольской губернии Гаджи Мулла Исмаил Гасан-Оглы. Этот приговор подписали все 206 прихожан. Он был утвержден в марте 1901 года, но в мае 1902 года персидско-подданные отказались принимать участие в содержании муллы, который обслуживал только русско-подданных и стали ходатайствовать о выделении им второго муллы и постройке второй мечети.

В 1909 году была открыта суннитская мечеть, основателем которой был Муртуза Мухтаров.

«Русско-подданные персы», т.е. азербайджанцы были представлены торговцами (242 человека), ремесленниками и рабочими (214 человек). По материалам Всероссийской переписи населения 1897 года среди них было 52 человека, относившихся к категории «Интеллигенция, служившая в государственных учреждениях, в аппарате управления, в области образования и культуры», из них 48 человек было занято на общественной службе и в благотворительных учреждениях, один — в администрации, два человека — в кредитных учреждениях, один значился духовником. Среди них не было крестьян, военных, а к интеллигенции можно отнести только служащих в благотворительных учреждениях.

К категории ремесленников и рабочих относилось 214 человек, из них обработкой металла, дерева и керамики занимались 49 человек, производством напитков и бродильных веществ — 37, ювелирным делом — 48, изготовлением одежды — 23, работой на городском транспорте — 51, поденной работой — 6 человек [4,150-154].

Азербайджанцы не занимались сельским хозяйством, но торговали живым скотом, зерном и другими сельскохозяйственными продуктами. Они занимались также выращиванием фруктов на арендованных земельных участках и их перепродажей в собственных торговых лавках.

В августе 1990 года в Осетии был создан азербайджанский национально-культурный центр «Азери», объединивший более чем двух с половиной тысяч азербайджанцев целью которого является изучения истории, культуры, языка своего народа, коллективного проведения досуга, а так же соблюдение обычаев, традиций и адатов. Общество развивает отношения с исторической родиной — Азербайджаном и с другими диаспорами азербайджанцев.

Стоит так же отдельно отметить вклад азербайджанского народа в годы ВОВ на территории Северной Осетии. В поселке «Веселый» Моздокского района 7 мая 2013 года открыт памятник азербайджанским войнам — освободителям, павшим в этих краях на полях сражений в годы ВОВ. Так же в поселке «Рассвет» Ардонского района в 1995 году открыт памятник посвященный трем азербайджанским дивизиям — 202, 416 и 223.

В июле 2011 года в честь празднования 20-летия азербайджанского общества «Азери» Владикавказ посетил чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской республики в Российской Федерации Паллад Бюль-Бюль Оглы, которому передали гильзы с прахом войнов — азербайджанцев погибших в ВОВ.

Примечания

- 1. ЦГА РСО-А, Ф.11. Оп.17. Д.98.
- 2. Приазовский край, 1898. № 45.
- 3. Канукова З. В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ, 2009.
- 4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Терская область. 1904.

ДАНА ХАПСАЕВА ученица 11 класса ВНСОШ (г. Владикавказ)

КУЛЬТУРА ДЕТСКОГО ДОСУГА В СТАРОМ ВЛАДИКАВКАЗЕ

Владикавказ относится к «старым» городам. В этом году ему исполнится 230 лет. Хорошо известны знаменательные события в истории города, памятники культуры и великие люди. Гораздо меньше мы знаем о повседневной жизни простых людей, о мире, в котором жили горожане старого города. Особенно интересно узнать о жизни детей в старом Владикавказе. Что они ценили, чему радовались, как проводили свободное время?

Характер детского досуга определялся социальной принадлежностью горожан. Семьи городской элиты посещали дворянский и коммерческий клубы, где часто устраивали для своих детей большие детские праздники, костюмированные и танцевальные вечера.

В интеллигентных семьях престижным для детей занятием считалось изучение французского языка. При городском французском обществе существовали школы и детский сад, которые проводили французские вечера с постановкой спектаклей, танцев и играми.

В 1912 году преподавателем владикавказского кадетского корпуса Э. де Леклюз был открыт детский сад с изучением французского языка, где обучались дети с четырехлетнего возраста [1,166].

Детей приобщали к чтению. Популярными для детского чтения считались журналы «Детское счастье», «Детский смех» с юмористическими рассказами, «Рассказы для детей графа Л. Н. Толстого». В конце XIX века горожане имели возможность подписываться на детские журналы, в том числе на журнал для самых маленьких детей «Малютка», каждый номер которого содержал премию-игрушку для склеивания, вырезания и раскрашивания. В 1908 году впервые вышла в свет книга для детей на осетинском языке в двух томах [2, 170].

Администрация учебных заведений с помощью родителей и городских благотворительных организаций проводила такие детские мероприятия, как литературно-музыкальное утро, где дети выступали с чтением стихов, исполнением песен и танцев, играли на музыкальных инструментах. В городе жили люди разных национальностей, поэтому в программу «литературного утра» непременно включали песни и басни на своем языке: осетины — на осетинском языке, грузины — на грузинском, армяне — на армянском и т.д.

В интеллигентной среде занятия музыкой становились все более престижными, местные газеты часто давали объявления о желании давать или брать уроки музыки.

Многие горожане считали, что в городе следует открыть «рисовальную» школу. В 1902 году Коста Хетагуров дал объявление в газете «Терские ведомости» об открытии им класса рисования и живописи [2, 151]. В 1906 году впервые в городе прошла выставка ученических работ.

Городская интеллигенция заботилась и о физическом воспитании детей. В городе было образовано Общество физического развития детей, которое устраивало курсы по подготовке руководителей детских игр. Инициатором этого начинания был профессор П. Ф. Лесгафт. В 1906 году был образован Владикавказский комитет по устройству детских подвижных игр. На площадке городского сада и сквера Жуковского с 1906 года ежедневно в летнее время проводились игры. Были образованы курсы гимнастики и детских игр под руководством Н.Ф. Рудольфа. Они готовили учителей, «умелых в руководстве гимнастическими упражнениями и детскими играми» [3,134]. По инициативе родителей и педагогов устраивались прогулки с играми. По утрам детей собирали в Пушкинском сквере, откуда

они отправлялись в окрестности города, чаще всего на Лысую гору, на Сапицкую будку. Иногда эти прогулки превращались в эффектное шествие детей с флагами и знаменами, с оркестром. К ним примыкали и взрослые горожане.

Особое место В культуре Владикавказа занимал парк. Первоначально это был Кадетский сад, затем — спортивное общество «Трек». Оно имело право устраивать различные игры, экскурсии, прогулки, вечера, праздники, соревнования. Членами общества могли быть все горожане, но высокая стоимость билетов делала это общество доступным только для городской элиты.

Со временем площадь парка увеличивалась, были сооружены водоемы и пруды, площадки, качели и т.п. В летнее время большой популярностью пользовался бассейн, ежедневно наполняемый свежей водой на шесть часов. При бассейне была открыта школа плавания, которая часто устраивала соревнования по плаванию на призы. Ежедневно проводились занятия по гимнастике для взрослых и детей. Со временем сформировалось «Соколиное общество», состоявшее из трех групп — взрослой, детской, женской. Занятия по гимнастике проводили известные владикавказской публике «соколы» братья Живные. Они часто устраивали «сокольские» спортивные праздники. В парке проходили состязания на призы в играх в крокет, в фехтовании на рапирах и эспадронах, в бросании ядер, стрельбе, в перетягивании каната, в беге, на ходулях.

Зимой на прудах проводились соревнования конькобежцев, занятия по «фигурной езде». Зимние развлечения собирали на трэке многочисленную публику, которая с удовольствием проводила там свободное время. Современники отмечали: «по всему катку слышится веселый разговор, шутки и смех молодежи, веселостью которой заражаются и пожилые люди» [4,4]. Каток украшали флагами, иллюминировали фонарями и бенгальскими огнями. Днем часто устраивались соревнования на призы для детей, а по вечерам — факельные шествия. Для молодежи организовывали танцы, фигурную езду с факелами и фонарями, обычным явлением стали ракетные залпы.

Дети состоятельных родителей имели возможность часто проводить свободное время на трэке, где для них кроме спортивных развлечений организовывали праздники со спектаклями, танцами, музыкой, кинематографом. Например, в 1899 году детский праздник на трэке по случаю открытия летнего сезона проходил с участием оркестра, демонстрацией «туманных картин», танцами, фейерверком, воздушными шарами. Пруд был украшен факелами и фонарями [5,54].

В порядке исключения сад предоставлялся для студенческих мероприятий. Программа студенческого праздника в парке включала обычно детские игры, теннис, хоровое пение на озере на лодках, чаще всего исполняли студенческие и парадные песни, комические сцены с карикатурами, «живые ноты», парадный базар. Студенты торговали безделушками, цветами, конфетами, пекли вафли в беседках и т.п. Общество заботилось о здоровом образе жизни горожан, предлагая к их услугам врачебную гимнастику, массаж, павильон для продажи кумыса, кефира и молока.

Владикавказский «Трэк» прославился своим благоустройством далеко за пределами Терской области. В книге посетителей неоднократно было отмечено, что подобной красоты парк трудно встретить даже в Европе. Это отмечали туристы из Германии, Италии, Швейцарии.

В 1869 году в городе был основан театр, один из старейших на Северном Кавказе. Первое время спектакли проходили в помещении Дворянского собрания или в коммерческом клубе. В 1872 году для театра было построено здание, рассчитанное на 500 мест. 1874 году впервые во Владикавказском театре появилась профессиональная труппа — «опереточно-драматическая труппа Фальба». Уже в 1870-х годах современники отмечали, что благотворительные спектакли «решительно вошли в моду», что театр внес большие изменения в однообразную жизнь, давал эстетическое наслаждение, способствовал подъему образовательного уровня [2,142].

В архиве СОИГСИ сохранились театральные афиши тех времен. По ним можно узнать, какие в театре проходили спектакли и какие актеры в них играли. Большим праздником для горожан были гастроли артистов, проезжающих через Владикавказ в Тифлис. Особое впечатление на публику производили гастроли балетной труппы Варшавских театров под управлением директора Шановского, гастроли малороссийских трупп С. Глазуненко, Д. Гайдамаки, талантливых актеров Соколова, Лукашевич, Погодиной-Долинской, примадонны Мариинского театра Бичуриной. Большим успехом пользовалась гастролировавшая в городе тифлисская драматическая труппа, спектакли которой проходили на русском и грузинском языках. Горожане имели возможность знакомиться с цыганским театральным искусством, японской труппой из Токио и другим.

В начале 1880-х годов в театре работала новая драматическая труппа под управлением М. Горского. Единственной профессиональной актрисой в то время была госпожа Горская, которая часто устраивала бенефисы с оперетками. В 1884 году в театре появилась новая актриса Ледковская, с ее участием ставились «Рыцарь без страха и упрека», «Зеленый остров», привлекавшие городскую публику. Массу горожан собирали бенефисы профессиональных актеров В. П. Полторацкого, Н. А. Вронского, Давыдова, Далматова и других.

Посещение спектаклей стало частью досуга городской элиты. Театр был недоступен горожанам из-за высокой стоимости билетов. Но в конце 1890-х годов городской театр дал несколько спектаклей для бедных горожан, для студенческой молодежи города. Для учащихся ставились бесплатные пьесы из русской классики. Антрепренер Никулин поставил четыре спектакля для неимущих горожан «Бедность не порок», «Князь Серебряный», «На бойком месте», «Ревизор» с платой за вход в несколько копеек. Пресса отмечала небывалый успех — театр был переполнен. Такие же «народные» спектакли ставил антрепренер Иван Алексеевич Ростовцев. Билеты стоили от 7 до 55 копеек. Это вызвало большой ажиотаж: желающих попасть на спектакли было так много, что их разгоняла полиция. Спрос был так велик, что администрация подняла цены на билеты до 1 р. 30 копеек. В октябре 1897 года в городском театре состоялся дневной спектакль для учащихся местных учебных заведений. Труппой К. К. Маврина во главе с ним и госпожою Анненской была разыграна известная классическая пьеса «Уриэль Акоста». Театр был переполнен учащимися. В антрактах играл ученический оркестр [2,143].

В городском театре работал декоратором известный осетинский поэт и прозаик К. Хетагуров. В 1887-1888 годах он оформил постановки оперетт «Цыганский барон» и «Хаджи-Мурат», феерии «Дети капитана Гранта». Эти декорации обратили на себя внимание публики и прессы. Особым успехом пользовалась кропотливая работа Коста над постановкой феерии, в которой он показал экзотические места приключений героев Ж. Верна [2,143]. После премьеры художника трижды вызывали на сцену и аплодировали его таланту.

Городской театр готовил детские спектакли. В 1889 году была поставлена «феерия» по произведению Ж. Верна «Вокруг света». И детям, и взрослым надолго запомнились интересные декорации — тропический лес, змеиная пещера, праздник чародеев.

Для детей из малообеспеченных городских семей часто устраивали любительские благотворительные спектакли. В феврале 1910 года в городском театре труппою 3. А. Малиновской была разыграна пьеса А.П. Чехова «Дядя Ваня», посвященная 50-летнему юбилею автора. Часть сбора была передана Ольгинской женской гимназии для бедных учениц [2,144].

В 1883 году любительский юношеский театральный кружок был открыт в Лорис-Меликовском училище. Родительские кружки местных учебных заведений устраивали благотворительные вечера в пользу бедных учеников, где кроме концертов и лотереи, как правило, ставились небольшие пьесы и водевили. Владикавказские студенты также ставили спектакли в пользу несостоятельных учеников. В сентябре 1897 года любители драматического искусства поставили комедию «Семейные пироги» и водевиль «На аристократический манер». Собранные средства были переданы Обществу попечения о сиротах и бедных детях. В октябре того же года городской музыкально-драматический кружок любителей поставил комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума» в двух действиях. Местное городское общество было очень отзывчивым на благотворительные мероприятия и активно посещало любительские спектакли. В среде молодежи появилось новое развлечение — устройство домашних спектаклей.

Городская интеллигенция проявляла заботу о бедных детях. В Обществе народных чтений для детей были разработаны специальные программы, включающие рассказы о животных, чтение сказок. Общество часто устраивало бесплатные лекции и беседы для малоимущих и неимущих детей, ставило пьесы по мотивам сказок А.С. Пушкина и других известных писателей и поэтов, привлекая местных актеров-любителей. Особой популярностью у детей пользовалась «Белоснежка», в постановке которой принимали участие любительский хор и детский балет. Кинематограф «Патэ» бесплатно демонстрировал картины для детей городских окраин — Шалдон, Осетинской слободки и других.

Общество по устройству народных чтений пыталось приобщить бедных детей к подвижным играм на воздухе, старалось приобрести качели и другой инвентарь. Для детей устраивали гимнастические упражнения с музыкальным сопровождением оркестра, а также загородные прогулки. В городе работал специальный комитет по устройству детских танцевальных вечеров для бедных учащихся.

Конечно, театральные спектакли, дорогостоящие развлечения и занятия были уделом детей состоятельных родителей. Но в городе были люди, которые заботились о бедных и беспризорных детях. Они достойны уважения и подражания. К сожалению, в нашем городе сегодня тоже много нуждающихся детей. Было бы хорошо, если бы им помогали состоятельные люди, как это было в старом Владикавказе.

Примечания

- 1. Терские ведомости.1912
- 2. Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008
- 3. История Владикавказа (1781-1990). Сборник документов и материалов. Владикавказ,1991
 - 4. Терские ведомости, 1894
 - 5. Терские ведомости, 1899

АСЛАН ДАРЧИЕВ,

ученик 11 класса Владикавказского гуманитарного лицея; ЗЕЛИМ ЦУЦИЕВ, ученик 8 класса гимназии № 5 им. А.В. Луначарского, (г. Владикавказ)

АВСТРАЛИЙСКИЙ ОСЕТИН КУЛЬЧУК АЗИЕВ: ЗАБЫТЫЙ СОЛДАТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

«Память — преодоление времени, преодоление смерти. В этом её величайшее нравственное значение...»

Д. С. Лихачёв.

«Два чувства дивно близки нам — В них обретает сердце пищу — Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам -Животворящая святыня! Земля была б без них мертва...»

А.С. Пушкин.

В 2014 году исполняется 100 лет с начала Первой мировой войны — одной из самых кровопролитных и масштабных войн в истории человечества, войны нового, планетарного масштаба. Не случайно во многих странах ее до сих пор называют «Великая война» (англ. The Great War, фр. La Grande guerre), в Российской империи её также называли «Великой», «Большой», «Второй Отечественной». В Советском Союзе она называлась «германской» или «империалистической», нынешнее название закрепилось лишь после начала Второй мировой.

Потери российской армии в том страшном и трагическом конфликте составили 1,3 млн. убитыми, 3,85 млн. раненых и 2,417 млн. пленных [1, 145-174]. Более миллиона человек насчитывают потери мирного населения нашей страны [2, 132]. Несмотря на это, Первая мировая в России до сих пор остается забытой войной. Причин этому много: она закончилась поражением и позорным мирным договором, революцией, голодом и гражданской войной. Во всей стране нет

официального места поминовения её героев и жертв. О ней нечасто вспоминают писатели и кинематографисты, неохотно говорят официальные лица.

Именно эти причины делают актуальной выбранную нами тему. Цель нашего небольшого исследования — вернуть в историю забытое имя одного из участников Первой мировой войны. Это наш земляк Кульчук Давидович Азиев.

О славной службе осетин в той войне написано уже немало [3], но все они служили в Российской императорской армии. Наш герой — человек с необычной судьбой. Он служил в чужой армии и погиб далеко от Родины. О нем будет наш рассказ.

При подготовке работы мы пользовались опубликованными научными исследованиями, архивными документами, данными статистических и энциклопедических справочников, материалами глобальной сети Internet.

Двадцать пятого июля 1914 г. в австралийский порт Мельбурн из японского Нагасаки прибыл пассажирский корабль «Танго Мару». Среди сошедших на берег иммигрантов был молодой осетин из с. Хумалаг Крым (Кульчук) Азиев [4].

В начале XX в. многие россияне уезжали в США, Канаду, Австралию, европейские страны в поисках заработка. Осетины не были исключением, наоборот, «отходническое движение» приобрело во Владикавказском (Осетинском) округе особый масштаб. Тысячи безземельных и безработных осетинских мужчин были вынуждены отправляться за океан, чтобы трудиться и добывать средства к существованию [5, 46-50]. Только в Америку в 1906-1914 гг. из Осетии выехало более 5000 человек [6].

В 1912 г. первые группы осетин стали прибывать в Австралию. Через Сидней и Мельбурн они, как правило, отправлялись в Южную Австралию. Здесь многие из них трудились на рудниках Брокен-Хилла или поступали на работу на металлургический завод в портовом городке Порт-Пири. В три предвоенных года осетины составляли около 10% от общего числа российских иммигрантов на территории Австралии. Особенно большие партии прибыли из Осетии в 1913 году, в общей сложности свыше 100 человек. Общая численность осетин в Австралии накануне войны, по подсчетам Е. Говор, составила несколько сот человек, живших почти исключительно в Южной Австралии [7]. Часть осетин трудилась и на севере континента, одни — на строительстве железных дорог, другие — в сельском хозяйстве: на скотоводческих фермах или на рубке сахарного тростника.

Где-то на территории австралийского штата Квинсланд в нелегких условиях, не зная английского языка, пытался зарабатывать и Кульчук Азиев. У нас сегодня нет сведений, чем он конкретно занимался, в сохранившихся в Национальном архиве Австралии документах указано просто: «рабочий» [8]. Вероятно, дела у него шли не очень успешно. Об этом говорит тот факт, что он одним из первых среди осетин-отходников вступил в австралийскую армию. Так начался новый этап в его жизни.

В августе 1914 года началась Первая мировая война. Российская и Британская (куда входила и Австралия) империи были в ней важнейшими союзниками. Хотя в Австралии служба в армии была добровольной, россияне, живущие на ее территории, в соответствии с указаниями российского консула Александра Абазы, были объявлены военнообязанными и должны были вступать в австралийскую армию [9]. Для многих из них распоряжение консула было спасительным. Иммигрантам в военное время все труднее было находить работу, часто именно голод заставлял их надевать армейскую форму.

Австралийские военные получали неплохое жалование, и это стало решающим аргументом для К. Азиева, который вступил в ряды австралийских вооруженных сил 25 февраля 1915 г., ровно через семь месяцев после своего прибытия на «Зеленый континент». Новобранец был зачислен рядовым в 26 батальон австралийской пехоты.

Первого апреля 1915 г. в том же воинском подразделении начал службу ещё один парень из Хумалага — Темболат Хабаев [10]. Думается, плечо земляка и родная речь были хорошей поддержкой в трудную минуту. Они стали первыми осетинами, вступившими в армию Австралии. Потом её пополнят Михаил Атаев, Михаил Елекоев и Михаил Кеков из с. Христиановское (Дигора), Моисей Доцоев из Ардона, Вальтер Бероев из Хумалага, Алексей Толпаров из Салугардана (Алагир), Даниил Коцоев из Урсдона, Касполат Гусалов из с. Зильги, гизельцы Бекза Гасиев, Моисей Бараков, Мамсыр Солтанов и Мальсаг Мамсуров, Бекза Жантиев (Дезантов) и Александр Зангиев из Владикавказа.

В Национальном архиве Австралии хранятся служебные досье шестнадцати осетин, служивших в годы Первой мировой войны в вооруженных силах Австралии. Они досконально изучены австралийским историком Еленой Говор, которая посвятила обстоятельную работу россиянам, воевавшим в составе австралийско-новозеландско-

го армейского корпуса (ANZAC) [11]. Кроме книги ею создан сайт, где можно найти биографические сведения и о наших земляках [12].

После недолгой солдатской учёбы К. Азиев был направлен на западный (европейский) фронт. Перед самой отправкой он составил своеобразное завещание, в котором просит в случае своей смерти «все деньги, причитающиеся за службу в австралийских силах, отправить матери, Саги Азиевой, по адресу: Терская область, Владикавказский округ, селение Хумалаг. В случае смерти матери деньги должны быть выплачены Габриелу Касберехичу Азиеву по адресу: с. Хумалаг, п.о. Беслан, Терская область, Россия» [13].

В сентябре 1915 г. Кульчук сражается с турками на полуострове Галлиполи у пролива Дарданеллы. Зимой он уже на африканском фронте, в Египте. В декабре того же года он попадает в Каирский госпиталь с обострением ревматизма [14]. С марта 1916 года К. Азиев участвует в боях на территории Франции. К сожалению, скупые страницы его личного дела не содержат информации о том, каким он был воином. Впрочем, мы можем об этом догадаться. Хотя бы по тому факту, что рядовой К. Азиев в течение года был награжден тремя солдатскими наградами Британской империи: медалью «Звезда 1914-1915» (1914-15 Star Medal), британской Военной медалью (British War Medal) и медалью Победы (Victory Medal) [15].

Увы, молодому бравому солдату было не суждено вернуться в родной Хумалаг с медалями на груди. Шестнадцатого октября 1916 г. в бою у г. Ипр он получил множественные огнестрельные ранения, от которых скончался на следующий день [16]. Кульчука Азиева похоронили на военном кладбище Лийсентоек (Lijssenthoek) в Поперинге, Бельгия. Сводки австралийских газет о солдатах, умерших от ран, пополнились коротким, в полстроки извещением о смерти призывника штата Квинсланд рядового К. Азиева [17].

Нужно отдать должное ответственности и порядочности австралийских военных чиновников — в личном деле К. Д. Азиева есть документ, свидетельствующий о пересылке его личных вещей матери Саги [18]. Среди скромных пожитков: пара металлических колец, бумажник, фотографии, письма, книга на русском языке... Интересно, что читал в последние дни жизни Кульчук? Получила ли мать ту посылку?

Работая над данной статьёй о Кульчуке Азиеве, мы, конечно же, не могли не заняться поисками его родственников здесь, в Осетии. Мы распечатали имеющиеся в нашем распоряжении документы из ав-

стралийских архивов и договорились о встрече с профессором СОГУ Арсеном Асамоевичем Азиевым. Известный математик с большим интересом выслушал историю жизни своего родственника Кульчука, о необычной судьбе которого он ничего не знал. А. А. Азиев сообщил нам, что в с. Хумалаг и сейчас проживают представители этой фамилии и пообещал их «основательно расспросить».

Наша следующая встреча не принесла ожидаемого удовлетворения. По словам Арсена Асамоевича, никто из ныне проживающих в Хумалаге Азиевых не помнил Крыма, или Кульчука. Фотография его могилы в Бельгии и страницы из австралийского личного дела вызвали у всех неподдельное удивление.

По сведениям, приводимым Е. Говор, Крым (Кульчук) Давидович Азиев родился в 1894 г. В поисках сведений о его родственниках мы обратились к «Метрическим записям о рождении, браке, смерти по церкви во имя св. Ильи с. Хумалаг» (в австралийских документах указывается, что он был православным), хранящимся в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия — Алания. К сожалению, в соответствующем деле [19] данные за 1894 г. отсутствуют. Здесь необходимо уточнить, что в разных источниках указывается разный возраст К. Азиева на момент его гибели: 20 лет [20], 22 года [21] и даже 32 года [22].

Нам известно, что родителей нашего австралийского осетина звали Давид и Саги. Помня, что Кульчук уехал из России в 1914 г., мы посчитали целесообразным поискать их в посемейных списках с. Хумалаг на 1916 г. На то время в Хумалаге проживало 17 семей Азиевых [23], среди которых не встречаются имена Давид и Саги.

Однако, одного Давида Азиева в архивных документах мы все-таки разыскали. Седьмого ноября 1897 г. в Хумалаге родилась Надежда Азиева, отец которой «Давид (Дзбо) Урусов сын Азиев, мать — Мария (Мзда) Гальцава дочь» [24]. Как видим, имя матери в данном случае другое. Кроме родителей Кульчука в его австралийских бумагах упоминаются также Катерина и Габриел Касберехич Азиевы. О них мы пока тоже ничего не знаем.

Словом, в Осетии сегодня никто уже не помнит об этом скромном участнике Первой мировой войны. Забытый солдат забытой войны. Когда мы прощались с Арсеном Асамоевичем Азиевым, он произнес удивительную фразу: «Это, наверное, хорошо, что он похоронен в Бельгии. Посмотрите на эту ухоженную могилу, на это красивое кладбище... А будь он похоронен дома? И могилы бы уже не осталось».

Впрочем, память о нем жива. Его имя начертано на стене «Зала Славы» Австралийского военного мемориала среди тысяч имен других анзаков (солдат и офицеров австралийско-новозеландского армейского корпуса), не вернувшихся с той Великой войны. Каждый год, 25 апреля в Австралии отмечают День анзака — день памяти всех австралийцев, погибших в Первой мировой. Вот как пишет об этом Елена Говор: «...В Канберре, далеко-далеко от Осетии, каждый вечер скорбит волынка, поминая и ее павших сыновей. Солнце садится. А завтра снова сотни школьников, туристов и ветеранов пройдут под сводами аркады, где высечены — среди тысяч других — четыре осетинских имени: Азиев, Кеков, Мамсуров, Зангей. И кто-то поставит около их имен красный мак — символ павших на поле боя...» [25].

Надеемся, что нашим небольшим исследованием нам удалось привлечь внимание и вызвать интерес не только к личности Кульчука Азиева, но и к сотням других, пока еще безвестных солдат Первой мировой. А мы со своей стороны обязательно продолжим наш поиск. Это очень увлекательно.

Использованные источники, литература, электронные ресурсы

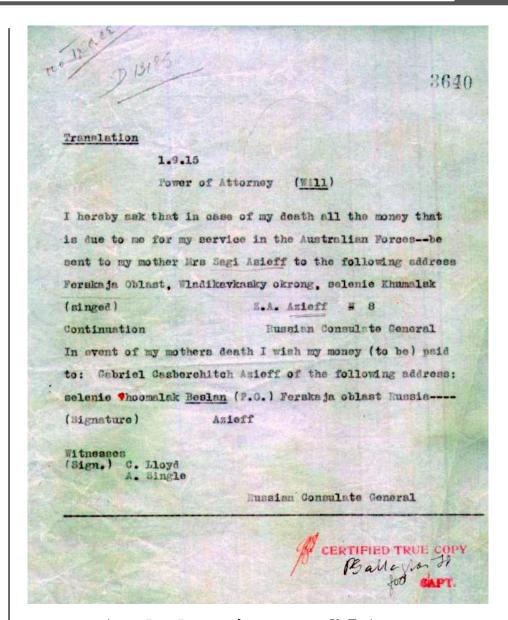
- 1. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. Париж, 1939.
- 2. Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник. М., 2004.
- 3. Киреев Ф. С. Герои и подвиги: уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ, 2010; Дзагурова Г. Т. Осетины в войнах России. Владикавказ, 2012.
 - 4. http://www.russiananzacs.narod.ru/Azieff.htm
 - 5. История Северной Осетии: ХХ век. М., 2003.
- 6. Гусиев А. Д. Осетины в Америке. К истории отходничества (эмиграции) осетин в Америку. Владикавказ, 2010.
 - 7. http://iratta.com/2007/09/14/osetinskie_anzaki.html
- 8. Национальные архивы Австралии (National Archives of Australia): Фонд B2455 (First Australian Imperial Force Personnel Dossiers, 1914-1920), AZIEFF C. Код дела: 3043043. Лист 1.
 - 9. http://iratta.com/2007/09/14/osetinskie_anzaki.html
 - 10. http://www.russiananzacs.narod.ru/Habaeff.htm
 - 11. Govor E. Russian Anzacs in Australian History. Sydney, 2005.
 - 12. http://www.russiananzacs.narod.ru/Ossetians.htm
- 13. Национальные архивы Австралии (National Archives of Australia): Фонд B2455 (First Australian Imperial Force Personnel

- Dossiers, 1914-1920), AZIEFF C. Код дела: 3043043. Лист 16.
- 14. Национальные архивы Австралии (National Archives of Australia): Фонд B2455 (First Australian Imperial Force Personnel Dossiers, 1914-1920), AZIEFF C. Код дела: 3043043. Лист 12.
- 15. Национальные архивы Австралии (National Archives of Australia): Фонд B2455 (First Australian Imperial Force Personnel Dossiers, 1914-1920), AZIEFF C. Код дела: 3043043. Лист 31.
- 16. http://www.lijssenthoek.be/en/adresse/5971/-coultschouc-azieff. html
 - 17. «The Mercury», Tuesday, 7 November 1916. P.5.
- 18. Национальные архивы Австралии (National Archives of Australia): Фонд B2455 (First Australian Imperial Force Personnel Dossiers, 1914-1920), AZIEFF C. Код дела: 3043043. Лист 18.
 - 19. ЦГА РСО-А. Ф.296. Оп.1. Д.291.
- 20. http://www.lijssenthoek.be/en/adresse/5971/-coultschouc-azieff. html
 - 21. http://www.russiananzacs.narod.ru/Azieff.htm
- 22. Национальные архивы Австралии (National Archives of Australia): Фонд B2455 (First Australian Imperial Force Personnel Dossiers, 1914-1920), AZIEFF C. Код дела: 3043043. Лист 1.;
- 23. Учетная карточка К.Д. Азиева в архиве «Зала Славы» Австралийского военного мемориала: http://static.awm.gov.au/images /collection/pdf/RCDIG1068850--885-.PDF
 - 24. ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.70а. Лл.10б., 5, 6, 60б., 7, 70б., 80б.
 - 25. ЦГА РСО-А. Ф.296. Оп.1. Д.291. Л.906.
 - 26. http://iratta.com/2007/09/14/osetinskie_anzaki.html

ПРИЛОЖЕНИЕ

AUSTRALIAN IMPERIAL FORCES. Attestation Paper of Persons Enlisted for Service Abroad No. 8 Name Controchone Arell.				
			Unit 26 th B	n 2m Sul Bar Dill 3/
			Joined on 25	" February 1915
Questions to be put to the P	Person Enlisting before Attestation.			
1. What is your Name 1	1. Coultochour Anieff			
	2. In the Parish of in or			
2. In or near what Parish or Town were you born t	near the Town of Y-ladicarcase			
	in the County of This said			
Are you a natural born British Subject or a Naturalized British Subject! (N.B.—If the latter, papers to be shown.)	3. Xo			
4. What is your age!	· 30 years & months			
5. What is your trade or calling!	· La houren.			
6. Are you, or have you been, an Apprentice? If so, where,	1 mother - mes Engi Aguiff,			
to whom, and for what period 1	Waddevharky Okung.			
7 Are you married I	7. Al			
	8. Materina Hyreff.			
8. Who is your next of kin ! (Address to be stated)	&. Yladitartase			
9. Have you ever been convicted by the Civil Power 1	No Caucasia, Russia			
	v. 2.10			
10. Have you ever been discharged from any part of His Majesty's Forces, with Ignominy, or as incorrigible and Worthless, or on account of Conviction of Felony, or of a Sentence of Penal Servitude, or have you been dismissed with Diagnace from the Navy!	10. No			
 Do you now belong to, or have you ever served in, His Majesty's Army, the Marines, the Militia, the Militia Reserve, the Territorial Force, Royal Navy, or Colonial Forces? If so, state which, and if not now serving state cause of discharge	n. No.			
12. Have you stated the whole, if any, of your previous service!				
13. Have you over been rejected as unfit for His Majesty's	7 13 No.			
15. Are you prepared to undergo inoculation against Small Pox and Enteric Fever?	13 15 Signature 2 Ag7e4			
3. Loultachouc Annie to the above questions are true, and I am willing and Common wealth of Australia within or beyond the limits of t	do solemnly declare that the above answers made all bereby voluntarily agree to serve in the Military Forces of the die Commonwealth.			
And I further agree to allot not less than three fifth	the pay payable to me from time to time during my service			
for the support of my wife and children.	· Azjebb			
Date 25. 2. 15	Signature of person califord.			
*This claves show in the cuts of turns	arried men or widowers without children under IA years of ago. are children throu-fifth must be allosted.			

Первая страница личного дела рядового вооруженных сил Австралии К. Д. Азиева

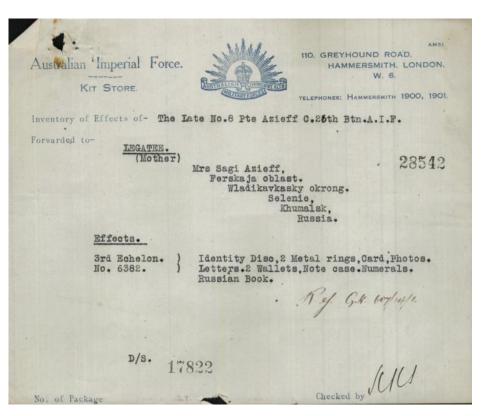
Английский перевод завещания К. Д. Азиева

Британские награды Первой мировой войны: 1914-15 Star Medal, British War Medal, Victory Medal. Аналогичными медалями был награжден К. Д. Азиев.

	Transferred to	X
W 3	AUSTRALIAN IMPERIAL FORCE.	16705
No.	AOSTRACIAN THE EXIME TOROL.	
Rank	Ple Name Azieff 6.	
Unit	26 Bh 26, Battn	
	my Rhoumaken, mild, admitted upps Second QG. A	Church
2.16. Re	Admitted 2 " Can Hope of hounature of 40/14380 Be 20/15/16 Charid Charled to Charled the Charled to Charled the Charled the Control of the Co	No dano 3 d
DATE.	A.F. B. 103 Received PURPORT. R.F. S. 2080A Received,	Ref. No.
27.10 st	M. C. / ADVISED, DIED OF WOILINGS 17/10/16 Gow multiple	
3-11-16	ONFIRMATION RECEIVED OF CONFIRMATION RECEIVED OF CODE NO. CONFIRMATION RECEIVED OF CODE NO. CONFIRMATION RECEIVED OF SO. 10 16	1/1
10 8 14	Den IND asking to office	37
18 10 17	Afour some to 15: 6.7	
10 17	2011 IMD ford topy of father promolerates Disbares to asking the same of agiff - State 1 1.12149 VR	3 3716
8	1064/1915 Ster Issued B.R.M. 48 1990 2165	
Ph.	STARD STARD STARD STARD	
TO ME TO	PRITISH WAR MEDAL to Comult a.2.7 Res. Mar. D.R.R.M. 68 (1) 21	setralia House. B.R.M. 58
6	Summer and to the digness on the first of the sales of th	
STAG	a, 100	

Страница личного дела рядового К. Д. Азиева с указанием полученных им наград.

Список личных вещей К. Д. Азиева с указанием «наследника» (матери) Саги Азиевой и ее адреса

DIED OF WOUNDS.

TASMANIA.

Jessup, W. W., Scottsdale, 23/16/16, QUEENSLAND, Azieff, C., 17/16/16; Stott, F. D., 10/16/16,

NEW SOUTH WALES.

Starr, C. E., 19/19/16; McFarlane, C. M., now reported died of wounds, 19/8/16, previously reported died of wounds, 19/7/16; Campion, G. R., 11/8/16; Jackson, W. V., 17/19/16; Driver Rogers, H. G. F., 23/19/16; Wilcock, J., 21/19/16; Flans, C. H., 19/7/16, whilst prisoner of war; Williams, F. J., 19/7/16, whilst prisoner of war; L.-Corporal Freeman, N.Z., 22/7/16, whilst prisoner of war, previously reported killering action, 29/7/16; Sinclair, G. W., 23/19/16; Hurley, G., 18/19/16. 23/19/16; Hurley, G., 18/10/16.

VICTORIA.

Corporal Travers, G., now reported died of wounds, 11/8/16, previously reported killed in action, 9/8/16; Sapper Procter, W. C. G., 26/10/16; Bolitho, K. J., 21/10/16; Philp, H., 21/10/16; Corporal Trayner, J., 17/10/16; Profitt, W. J., 25/10/16; Edwards, F. W., 27/10/86; Mayo, G. J., 49/7/16, whilst prisoner of war; Corporal Johnson, R. W., 19/7/16, whilst prisoner of war; Holst, F. G., 19/7/16, whilst prisoner of war; Ludwig, A. E., 5/10/46.

SOUTH AUSTRALIA.

Hook, R. S. W. H., 22/7/16, whilst prisoner of war; Lieut. Chinner, E. H., 19/7/16, whilst prisoner of war, previously reported killed in action, 29/7/16.

WEST AUSTRALIA.

Sapper Treganowan, W. J., 15/10/16; Corooral White, L. H., 14/10/16; Sergeant Yelverton, H., 21/10/16; Loxton, J. A., 27/10/16; Properjohn, E. J., 12/10/16.

«Скончались от ран» — извещения в австралийской газете «The Mercury» от 7.11.1916 г., стр.5. Во второй строке указан К. Азиев.

In Memory of Private

C Azieff

8, 25th Bn., Australian Infantry, A.I.F. who died on 17 October 1916

Remembered with Honour Lijssenthoek Military Cemetery

Commemorated in perpetuity by the Commonwealth War Graves Commission

Сертификат (справка) Комиссии военных могил Британского Содружества о захоронении рядового К. Азиева на военном кладбище Lijssenthoek в Бельгии.

Могила рядового 25 батальона австралийской пехоты К. Азиева

	oll of Honour of Australia in the Memorial War Museum.
1. Name (in full) of Fallen Soldier.	ZIEFF Coultochous
2. Unit and Number (if known)8	26 agu.
	was to chiefly connected (under which his name ought to come on the Memorial) District State Gullensland rease Russia
4. What was his Birthplace Vladica	rease, Rucua
5. Date of Death 17/10/16.	
	ance_
What was his Calling Labourer	s Required for the Nation's Histories.
. 31	
2. Age at time of Death	
3. What was his School	CONTRACT CON
4. What was his other Tenining	
5. If born in Britain or Abroad, at what age	edid he come to Australia
6. Had be ever served in any Military or Na	val Force before Enlisting in the A.I.F. (Please state particulars)
7. Any other biographical details likely to be	e of interest to the Historian of the A.I.F., or of his Regiment-
Enlested 25/2/15	Wounded 16/10/16
8. Was he connected with any other Me Relationship)—	ember of the A.I.P. who died or who distinguished himself. (Please state
9. Name and Address of the Parent or other Name Mrs Sagi and	
Relation-dip to Soldier Moth	st, Władikavkasky Okrong, Selenie, Khumalss
	s to whom reference could be made by the Historian for further information-Ko
Name	

Учетная карточка К. Д. Азиева в архиве «Зала Славы» Австралийского военного мемориала

«Зал Славы» Австралийского военного мемориала, панель №103 с именем К. Азиева

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНОГО ДЕВИЧЬЕГО АЛЬБОМА (на примере альбомов учениц средней школы сел. Дзуарикау)

Современный школьный девичий альбом — явление постфольклора.

Рукописный девичий альбом стал объектом изучения сравнительно недавно в русле исследования современного городского фольклора, тогда как история его насчитывает почти три столетия. Девичий альбом за это время менял своё содержание, внешний вид, структуру, менялись и ценности обладательниц альбомов, и это, безусловно, находило отражение в текстах альбома. Однако он остался весьма распространённым и представляющим исключительный интерес явлением культуры.

Школьный рукописный девичий альбом представляет интерес не только для филологов-фольклористов, но и для литераторов, так как содержит и тексты литературного характера. Кроме того, он представляет интерес и для школьного психолога, так как помогает лучше разобраться в психологическом состоянии и особенностях мировоззрения обладательницы альбома, понять ценностные установки школьниц.

Для нас альбом интересен не только с точки зрения структуры и оформления, но содержащихся в нём текстов и их художественных особенностей.

Как было сказано, девичий альбом рассматривается учёными в рамках постфольклора. Термин этот был впервые введен в науку профессором С.Ю. Неклюдовым в 1995 г. в статье «После фольклора», опубликованной в журнале «Живая старина» [1, 2-4]. Постфольклор — это область словестности, тексты которой развиваются по фоль-

клорным схемам, но не подходят под привычное определение фольклора. Прежде всего, это письменный фольклор (девичьи альбомы, солдатские записные книжки, граффити и т.д.) и сетевой фольклор.

Насчитывающая около трёх столетий история девичьего рукописного альбома требует отдельного изучения. Приведём лишь некоторые факты.

Сначала рукописные девичьи альбомы заводили знатные барышни. У А.С. Пушкина он так и назывался — «уездной барышни альбом» (первая половина XIX в.). Затем, с появлением женских гимназий и закрытых пансионов, альбом переместился из семейной среды в ученическую среду. В альбомах, существовавших уже в конце XIX — начале XX вв., часто встречались цитаты из произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.А. Фета, Ф. И. Тютчева, А. Н. Апухтина, К. Бальмонта и особенно С. Я. Надсона, а также строки из популярных тогда фортепианных романсов [2].

Следующий этап альбомной культуры — 20-30 годы ХХ века. В связи с политическими изменениями в стране в ученической среде появляются носители крестьянской фольклорной традиции. В. Ф. Лурье пишет: «Фольклорный контакт города и деревни, аристократии и крестьянства постоянен, своеобразен и имеет иногда достаточно причудливые выражения» [Там же]. Еще один интересный факт — в альбомы «уездных барышень» любовные послания вписывали мужчины, а с появлением школьного альбома, как и в современных школьных девичьих альбомах, автором любовного послания является девушка.

Современные школьные альбомы можно классифицировать по структуре и характеру текстов, содержащихся в них.

Так, мы выделили следующие виды школьных девичьих рукописных альбомов:

- **І. Альбом записная тетрадь**. В неё входят стихотворения (литературные стихотворения чаще без указания автора), известные в школьной среде, крылатые выражения, высказывания философского характера, цитаты. В таком альбоме могут встречаться фразы из популярных эстрадных песен, а также шуточные высказывания, большей частью, анекдоты.
- **II. Тетрадь гаданий**. Гадания один из самых популярных жанров постфольклора. В эту тетрадь входят гадания и приметы. Чаще всего гаданиям даются названия, к примеру, такие как «Икалка», «Спотыкалка», «Чихалка», «Плакалка» и др.

III. Девичий альбом — анкета. Среди альбомов, собранных нами, часто встречаются анкеты. Анкета, как мы понимаем, — это разновидность девичьего рукописного альбома, в котором мы можем увидеть некоторые данные из жизни заполняющего её. В нашей школе анкеты ведут не только старшеклассницы, но и ученицы 3-4 классов. Для анализа мы взяли анкеты учениц 7-11 классов, так как в них более чётко сформулированы вопросы, даются ясные ответы.

IV. Девичий альбом — личный дневник. Личные дневники также относятся к школьным рукописным девичьим альбомам. К сожалению, нет возможности проанализировать этот вид рукописного альбома, так как хозяйки дневников не очень охотно предоставляли их нам.

Исходя из указанной классификации, рассмотрим художественные особенности каждого вида рукописного школьного девичьего альбома. Заранее скажем, что тексты, взятые из школьных девичьих альбомов, даются в том виде, в котором они встречаются в тетрадях.

Рукописный девичий альбом — записная тетрадь чаще содержит стихи, цитаты, крылатые выражения, фразы из песен, шуточные высказывания и т.д. Встречаются тетради только со стихотворениями и высказываниями. Такой является тетрадь ученицы 10 класса Габуловой Мадины (1). Здесь нет литературных стихотворений, зато очень много стихов, известных в школьной среде:

> Любовь солома, сердце — жар, Одна минута и пожар! Я так хочу тебя увидеть, Твоё лицо, твои глаза, Еще хочу твой смех услышать, Чтоб из души ушла тоска.

У этого стихотворения есть много других версий, но эта одна из наиболее популярных. В данной записной тетради стихи разделены сердечками, или же пронумерованы.

Теме любви посвящено больше всего стихотворений и высказываний:

> Любовь — это море, А море — вода, Вода утекает, Любовь никогда.

В рамках этой темы — стихи о любви к матери, отцу, брату:

И никакая Джоли и Монро

Не сравнится с красотой

Моей мамы.

Мой любимый папа,

Строгий мой.

Знай, что твоя доча,

Всегда с тобой.

Помни о маме,

Ведь только она,

Всегда будет верить

Тебе и в тебя.

Брат не всегда прав,

Но он всегда брат.

В школе ученики общаются между собой большей частью на родном языке, поэтому не удивительно, что в записной тетради встречаются **четверостишия на осетинском языке**:

Ды да ма тархъус

Æз та дæ зæрдæ

Загъ-ма мын хъилхъус

Адджын цаман да

Чи да 'мбары, уый амбар,

Чи дын бары, уымæн бар.

Ма у бирæгъ, ма у арс,

Чи дæ уарзы, уый-иу уарз.

Наряду со стихотворениями о любви встречаются и пожелания:

Желаю в жизни радости

Не делай людям гадости

Желаю счастья личного

И друга симпатичного.

Бодрого утра!

Удачного дня!

Добрых улыбок!

Целую тебя.

Что пожелать тебе не знаю

Ты только начинаешь жить

От всей души тебе желаю

С хорошим мальчиком дружить.

Почти все записные тетради содержат стихотворения, связанные с *темой письма*:

Я здесь пишу, ты там читаешь...

Ты наверно знаешь от кого А сердцу грустно от того Что друг от друга мы далеко. Хотела много написать, Хотела, но не буду! Одно лишь только напишу! Люблю и не забуду! Беру листок, рука трясется, Пишу письмо, бумага рвется, Но я пишу и говорю, Что больше всех тебя люблю. Пишу письмо, рука дрожит И время медленно бежит, И не дождусь минуты той Когда мы встретимся с тобой.

В школьных записных тетрадях содержатся также стихотворения, посвящённые тема дружбы:

> Когда-нибудь среди бумаг Под толстым слоем пыли Возьмешь тетрадь и вспомнишь ты Как мы с тобой дружили. Когда-нибудь среди друзей Нальёшь бокал вина, И если вспомнишь обо мне Допей его до дна! Когда ты вырастишь большая Забудешь школу и меня, Возьми тетрадь воспоминаний И вспомни, кто любил тебя, Быть может волны света Умчат меня куда-нибудь Тогда пускай, страницы эти Напомнят слово «Не забудь!»

Что же сказать про *крылатые выражения*? В тетради М. Габуловой их не очень много, их несколько. Например: «Вместо того чтобы верить слухам, подойди и спроси», или же: «Любовь не может быть настоящей, если она безответна». Также здесь есть шуточные выражения:

> Я любила, я страдала, Ты дурак, а я не знала!

В других записных тетрадях встречаются и анекдоты:

Коробка шоколадных конфет «Россия»... Что может быть вкуснее?

- Вкуснее коробки могут быть только конфеты ☺ Если девушка пишет — значит она соскучилась. А если не пишет — значит ждет, когда соскучишься ты.
- Быть бы с тем кто снится...
- Лучшая подруга это такой человек, который выскажет тебе в глаза все, что её в тебе бесит... А всем скажет, что ты самый замечательный человек на Земле!
- Друзья это те люди, которые кричат «мы в тебя верим» Даже тогда, когда ты просто

Идешь к доске. ©

Я горжусь тем, что я Осетинка! (1).

В текстах, взятых из записной тетради, как видим, на первом плане — темы любви и дружбы, большое место занимает и юмор.

Рукописный девичий альбом — анкета — чаще остальных видов альбомов встречается в школьной среде. История ведения анкеты тоже очень интересна. В середине XVI века в Германии студенты немецких латинских школ и университетов взяли моду вести дружеские альбомы — книжечки, в которых владельцы просили написать своё имя и небольшое посвящение. Заполнялись дружеские альбомы однокашниками, профессорами, а также знаменитыми людьми, с которыми владельцы альбомов встречались во время своих странствий [4]. И в современных анкетах содержится список вопросов, на которые и должны отвечать те, кто заполняет её.

Иногда первая страница анкеты бывает подписана: «Анкета для друзей» (3), или «Анкета Биченовой Л. А.» (4). Далее идёт страница с вопросами (см. Приложение). Вопросы чаще всего похожие:

- Фамилия, имя, отчество.
- Сколько тебе лет? (Дата рождения)
- Адрес.
- Знак зодиака.
- Есть ли у тебя брат или сестра? Как их зовут?
- Есть ли у тебя домашние животные?
- Любимый фильм (актёр).
- Любимый цветок.
- Любимая песня (певец, певица) и т.д.
- Лучшая подруга (Лучший друг).

- Любимый урок в школе.
- Нарисуй рисунок (наклей наклейку).
- Цитата.
- ▶ Задай мне вопрос.
- ▶ Пожелание.
- Дата заполнения.
- Пока! (Поки-чмоки) (3; 4; 5).

Затем — страницы с ответами, чередующиеся страницами с рисунками, наклейками. Надо сказать, анкеты, в отличие от других видов рукописных девичьих альбомов, бывают ярко украшены, иллюстрированы, заполняются чернилами разных цветов.

Интересно, что среди ответов на русском языке встречаются и ответы на осетинском: «Ой, мана [мæнæ]!» (Ну вот!), «Бира [бирæ] сты!!!» (Их много!!!), «Уæдæ Нет!» (А то нет!), «мæха [мæгъа]» (не знаю), «ацу ма» (да ну тебя), «семе [цеме] де хъеуы» (зачем тебе это надо), «ох, æз уыцы вопрос нæ уардзын [уарзын]» (4); «бирæ чидæртæ» (очень многие), «Роза+роза, букет+букет... мæ афтæ дарддер» (...и так далее), «ней мем» (нет у меня), «цы кусыс?» (что ты делаешь?), «уый фæстæ» (потом), «Алæ, цæй цитатæ дæ рхъуыди» (Да ну, какая тебе понадобилась цитата) (6). А в качестве любимого художника и поэта ученики, заполняющие анкеты, часто называют Коста Левановича Хетагурова.

Иногда в анкетах на отдельных страницах выделены «Пожелания», «Твоя подпись» (3), «Конверт для сюрпризов» (5) (см. Приложение).

Школьные рукописные анкеты сближают друзей, дают возможность узнать о друге что-то новое, узнать его вкусы. В анкетах отражаются модные и популярные в то или иное время песни и певцы, фильмы, актеры и т.д.

Ещё один вид школьного девичьего рукописного альбома — тетрадь гаданий. В такую тетрадь входят только различного рода гадания, нет стихотворений или каких-либо высказываний и цитат. Как выяснилось, девочки ищут загадочный смысл во всём. Так, гадают по белым пятнам на ногтях, по цвету прилипшей нитки, по румянцу на щеках, с листом бумаги, на полосках. Например, суть последнего гадания в том, что нужно начать чертить в ряд полоски и мысленно сказать: «Стоп», — и остановиться. И так начертить три ряда полосок, затем зачёркивать по три полоски, а оставшиеся сосчитать. Потом, по приведённой в тетради гаданий таблице, выбрать получившиеся числа, и можно узнать прошлое, настоящее и будущее.

Как уже упоминалось, гадания школьниц носят названия: «Чихалка», «Икалка», «Спотыкалка», «Чесалка» (7) и т.д. Так, «чихалки» и «икалки» были рассмотрены В.Ф. Лурье: «В «чихалке» все дни недели разбиваются на интервалы 7-8, 8-9,...23-24 часа. Толкуется чихание в определенный интервал» [2]. А встретившиеся нам «спотыкалки» основаны на том же принципе:

```
«В понедельник — к слезам
Во вторник — к любви.
B среду — \kappa известию...» (7).
```

«Широко распространены «гадалки» типа тестов по чертам характера, внешности, поведению, действиям» [2]. Так, нам встретились «Гадания на внешность», в которых есть такие вопросы:

> Какие у него глаза? Какой у него рост? Какой у него голос? Какая походка? Какая речь? *Какие губы? (7).*

Следует сказать, что гадания и приметы в девичьем рукописном альбоме подробно рассмотрены А. В. Чекановой: «Гадания — один из самых популярных жанров фольклора современных школьниц. Иногда записи гаданий оформляются в отдельную тетрадь, но чаще включаются в состав рукописных девичьих альбомов. Гадания и приметы («гадалки»), входящие в альбомы, представляют собой совершенно уникальное явление, отличное от традиционного фольклора и обязанное большинством своих особенностей массовой культуре» [5].

Таким образом, рассмотрена структура и некоторые художественные особенности рукописного школьного девичьего альбома на примере альбомов учениц средней школы сел. Дзуарикау. Альбомы, встретившиеся нам, классифицированы по типам и характеру текстов, содержащихся в них. Проанализированы некоторые отдельно взятые тексты, указаны наиболее частотные.

Рукописный девичий альбом — записная тетрадь содержит стихи, цитаты, крылатые выражения, фразы из песен, шуточные высказывания и т.д. А в связи с тем, что всемирная сеть Интернет прочно вошла в жизнь современного школьника, в записной тетради нам встретились и стихотворения, и высказывания, часто мелькающие в социальных сетях, а также новый для рукописного альбома жанр —

«статусы». В текстах, взятых из записной тетради, как выяснилось, доминируют темы любви и дружбы, большое место занимает и юмор.

Другой вид рукописного девичьего альбома — анкета — чаще остальных видов альбомов встречается в школьной среде. Школьные рукописные анкеты сближают друзей, дают возможность узнать о знакомом что-то новое, узнать его вкусы. В анкетах отражаются модные и популярные в то или иное время песни и певцы, фильмы, актеры, герои мультфильмов и т.д.

Интересно, что в школьных рукописных альбомах нам встретились тексты и на осетинском языке, хотя, может быть, это и не удивительно, потому что мы рассматривали альбомы учениц сельской школы, свободно владеющих родным языком.

Библиография

- 1. Неклюдов С.Ю. После фольклора // Живая старина, 1995, № 1, с. 2-4.
- 2. Лурье В.Ф. Девичий альбом XX века. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/I_AM/dev_albom.html. Дата обращения 10.10.2012 г.
- 3. Википедия. Свободная энциклопедия. Электронный ресурс. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F2%E0%F2%F3%F 1. Дата обращения 08.09.2012 г.
- 4. Живой журнал. Электронный ресурс. Режим доступа: http://kavery.livejournal.com/294803.html. Дата обращения 08.09.2012 г.
- 5. Чеканова А.В. Гадания и приметы в системе рукописного девичьего альбома. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Chekanova.htm. Дата обращения 09.10.2012 г.

Источники

- 1. Записная тетрадь Габуловой Мадины, ученицы 10 класса.
- 2. Записная тетрадь Джикаевой Людмилы, ученицы 7 класса.
- 3. Анкета Туаевой Софы, ученицы 5 класса.
- 4. Анкета Биченовой Людмилы, ученицы 7 класса.
- 5. Анкета Газдановой Миланы, ученицы 8 «а» класса.
- 6. Анкета Бритаевой Лауры, ученицы 8 «а» класса.
- 7. Тетрадь гаданий Цаболовой Залины, ученицы 8 «б» класса.

ИЗ ИСТОРИИ МОЗДОКСКОГО УСПЕНСКОГО СОБОРА

Обращение к теме Успенского собора началось с того, что этим летом мы всем классом побывали в Куртатинском ущелье. В один из дней мы поднялись в бывшее селение Майрам-Кау, где до 1793 года находилась Святая Иверская Икона Божьей Матери. Впоследствии для этой иконы в нашем городе (Моздоке) был построен Собор, разрушенный в 1958 году. Сейчас, когда поднимается вопрос о его восстановлении, очень захотелось побольше узнать о жизни нашего Храма, и не только из литературы, но и увидеть подлинные документы. Мы поставили перед собой цель — постараться самостоятельно получить, изучая архивные документы, какую-либо новую информацию, касающуюся Моздокского Успенского Собора (его строительства, существования, разрушения; узнать о людях, причастных к этим событиям). Для достижения поставленной цели в исследовательской работе мы использовали следующие методы:

- прочтение имеющейся литературы по вопросу исследования;
- работа с архивными документами Центрального государственного архива Архивной службы РСО-Алания (Фонда 275 опись 1 (Моздокское духовное правление), Ф.11 оп.62 (Строительное отделение Терского областного правления) и Ф.143, оп.2 (Благочинный Владикавказских казачьих полков);
- поиск информации в документах архива Северо-Осетинского института гуманитарных исследований им. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания;
- работа в Моздокском филиале Национального музея РСО-Алания (отбор фотографий и газетного материала);

- сравнение имеющейся и вновь полученной информации;
- опрос очевидцев (40-е, 50-е годы XX века);
- опрос учеников 5-9 классов СОШ № 3.

Итак, постараемся проследить всё с самого начала: в документе 1882 года говорится о том, что выселенцы из Куртатинского ущелья «получали в Моздоке вспомоществование от казны на основании Указа ея Величества 9 октября 1762 г. и водворялись под защитою крепости, обратились к земледельческому труду и скотоводству... Устроив таким образом своё жительство здесь, отделяясь совершенно от своих племенных горских обществ, выселенцы из Куртатинского ущелья, в 1793 г. перенесли в город Моздок имевшуюся там в бывшем селении Майрам-Кау, с времён царствования в Грузии Тамары, Св. Иверскую (написанную в Иверии-Грузии) Икону Божией Матери, чудесно сохранившуюся неприкосновенно в продолжение шести веков от гонителей Христианства» [1].

Наверное, всем в нашей Республике известно сказание о том, как партия горцев в канун христианского праздника Преполовения Пятидесятницы прибыла к Моздоку, имея с собою Икону Богоматери. Икона ознаменовала чудесами и путь свой, и прибытие в православный город. Преосвященный Гай, епископ Моздокский и Маджарский, узнав о прибытии знаменитой на Кавказе иконы, вышел к ней для поклонения, с духовенством, с крестами и хоругвями. Архипастырь внес Её в собор [2], предполагая здесь предоставить почётное место Иконе. Но Богоматерь особенным чудом известила епископа, что Она желает Иконой своей пребывать вне города, на том самом месте, на котором Она остановилась и провела ночь на смиренной черкеской арбе — так называется двухколесная телега у горцев. Преосвященный Гай поспешил соорудить часовню на указанном месте; впоследствии прихожане построили церковь во имя Успения Божией Матери... [3].

Эта деревянная Успенская церковь упоминается в рапорте Благочинного церквей г. Моздока Гавриила Лашкова в Моздокское духовное правление со сведениями о церквях г. Моздока, написанном 15 декабря 1830 года как состоящая в ведомстве его благочиния [4].

«В 1836 году Успенская церковь была перестроена «поднятием Моздокского 2-ой гильдии купца Ивана Филиппова Бродзвелова. Зданием деревянная, с таковою же колокольнею, устроенною на каменном фундаменте поднятием упомянутого купца Бродзвелова. Иконостас в ней ветхий и крыша как на церкви, так и на колокольне

весьма ненадёжны, равно и пол Церкви требует починки. Престол в ней один — ... (неразборчиво) во имя Успения Божьей Матери. Утварь средственная. Причта положено по штату 1797 года: два Священника, один Дьякон и три Дьячка. Земли при сей церкви усадебной, пашенной и сенокосной нет. На содержание Священноцерковнослужителей жалования не получается — содержание их скудно. Зданий при сей церкви не имеется, кроме деревянной ограды, сторожки и богодельни, построенных от добровольнодательной (написано не очень разборчиво, возможно иное прочтение) суммы. Сия церковь вне города на форштате, расстоянием от Консистории в 652 верстах, от Духовного правления в одной версте, а от Благочиния в 38 верстах. Ближайшие к сей церкви градские Соборная и Николаевская... Копии с метрических книг от 1808 года хранятся в целости. Исповедные росписи с 1808 г.» [5].

«В настоящее время (документ датируется 9 марта 1862 г.) при Успенской церкви имеется прихожан 2243 лица мужского пола и 2155 лиц женскаго пола; из них осетин и черкесов 1238 лиц мужскаго и 1153 лиц женскаго пола... Икона славна в горах. На поклонение Ей стекается множество горцев магометан. Армяне Григорианского исповедания чествуют Икону на равнее с православными. Многие магометане, поражаемые чудесами, совершающимися при Иконе, принимают христианство; весьма многие из них по той же причине, питая доверенность к Иконе, питают доверенность к христианству. Икона — Апостол» [6].

«Все население Северного Кавказа, а по замирении Края (так в документе), и с отдаленных мест России, верующие прибывают сюда для молитв пред этою Св. Иконою, по изображению Св. ликов и по размеру совершенно сходствующую и Иверской Иконой Московской. Для Иконы этой в настоящее время здесь строится величественный храм, многознаменующий для воспоминаний покорения Восточного Кавказа» [7] (документ датируется 1882 г.).

В документе от 9 марта 1862 года говорится о том, что «Государь Император согласно ходатайству Наместника Кавказского Высочайше повелел соизволить открыть повсеместную в Империи подписку для сбора в военном, гражданском и духовном ведомствах добровольных приношений на сооружение в городе Моздоке каменной православной церкви для помещения в ней сохранившейся от древних времен Чудотворной Иконы Иверской Божией Матери [8] (сбор пожертвований был разрешён в 1860 году) [9].

Из рапорта приходского священника станицы Ардонской Петра Воскресенского Его Высокоблагословению Г. Исправляющему должность Благочинного Владикавказского казачьих полков Священнику Иоанну Уварову от 26 июля 1861 года узнаём, что на сооружение каменной церкви в городе Моздоке по станице Ардонской собрано двенадцать рублей пятьдесят копеек серебром. Далее приводится список жертвователей: так, сам священник П. Воскресенский пожертвовал 50 копеек серебром, сотник Василий Черкасов, Прасковья Бублеева — по 1 рублю серебром; Капитон, Александра и Григорий Томанские (фамилия написана неразборчиво, возможно её ошибочное прочтение) соответственно 5, 3 и 2 рубля серебром [10]. Если верить интернету, стоимость серебряного рубля 1858 года чеканки (при Александре II) на сегодняшний день исчисляется от 8700 рублей, а стоимость полтины (50 копеек) — от 1600 рублей. Это значит, что сумма жертвований из ст. Ардонской в 12 рублей 50 копеек в 1861 году сегодня, как минимум, составила бы 106000 рублей.

Первоначальный проект Моздокского храма был представлен архитекторами Горностаевым, Симонсоном и Воскресенским, но он оказался очень дорогим. В апреле 1870 года Начальник Главного Управления Наместника Кавказского поручил делопроизводителю II класса технической канцелярии архитектору Пода составить для Моздокского Собора новый проект, учитывая, что каменная церковь должна быть обязательно в русско-византийском стиле и чтобы её стоимость не превышала 110 тысяч рублей и были обязательно учтены особенности местного грунта [11]. 1 мая 1871 года Пода, ссылаясь на своё болезненное состояние, длительные командировки в Одессу и Сухуми, что не позволило ему посетить Моздок для сбора данных для проекта на месте, просит «сложить с него это поручение» [12]. 24 ноября 1871 года был рассмотрен проект Соборного храма, выполненный инженером Сурмиевичем: он был менее дорогостоящим, но при этом в нём не предполагалось отдельной колокольни, галереи [13].

В итоге в 1875 году был утверждён проект инженера-архитектора А. Чижова [14].

С немалым количеством интересных документов, касающихся строительства Успенского собора мы можем познакомиться сегодня благодаря сохранившейся переписке со строительным отделом Терского областного правления протоиерея Фёдора Орлова, который 30 октября 1872 года указом Кавказской Духовной Консистории, с утверждения Его Преосвященства Преосвященнейшего Германа, епископа Кавказского и Екатеринодарского, был назначен председателем строительного комитета по постройке в г. Моздоке каменного, в честь Иверской Иконы Божией Матери, Собора [15].

В прошении Орлова на имя его Превосходительства начальника Терской области Господина Генерал Адъютанта и Кавалера Александра Павловича Свистунова от 24 июня 1876 года содержится информация о том, что пожертвования образовали уже сумму, достаточную для построения храма; что план и смета рассмотрены Императорскою Академией Художеств и просьба закрепить «формою закона» место (земельный участок), на котором «предположено воздвигнуть сей священный памятник,...честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство, — пишет Фёдор Орлов, — сделать зависящие распоряжения об отводе для предполагаемой к постройке церкви места в достаточном размере, не менее, по крайней мере, десяти тысяч квадратных саженей (сегодня это 21340 квадратных метров, учитывая, что 1 сажень равна 2,134 метра), так, чтобы впоследствии в ограде церковной кроме места для крестного хода и пристанища было возможно построить особую колокольню на таком расстоянии от храма, которое не имело бы влияния на здание храма. И кроме предположенных на генеральном плане к постройке домов: для притча и страннопричинного удобно было бы построить дом для церковного приходского училища» [16].

Читая письма Федора Трофимовича Орлова, можно сделать вывод, что это был человек очень ответственный, с большой щепетильностью относящийся к исполнению возложенных на него обязанностей. 8 января 1872 года Начальником Терской области именно ему было поручено образовать комитет «для постройки Собора», для чего пригласить из местных жителей в его состав «лиц, опытных по строительной части и усердных к делу». Орлов пишет, что «в Моздоке нашлись лица, удовлетворяющие лишь последнему условию» [17]. Далее приводится список приглашённых в состав Комитета. Перед нами — знакомые и незнакомые имена и фамилии людей, пользовавшихся уважением в Моздоке почти 142 года назад (апрель 1872 г.):

- 1) Полицмейстер г. Моздока полковник Ницик (конец фамилии в рукописи написан неразборчиво; возможно неверное прочтение)
 - 2) Отставной полковник Яков Хмаладзе
 - 3) Отставной майор Артемий Артемьев
 - 4) Отставной майор Самсон Авалдов

Моздокские купцы

- 5) Город. голова Яков Капланов
- 6) Дмитрий Наитаки
- 7) Артем Ганжумов (в настоящий момент в бывшем доме купца Ганжумова по ул. Кирова, 20 находится Управление образования и Моздокский районный муниципальный архив Администрации местного самоуправления Моздокского района РСО-Алания)
 - 8) Григорий Зузинов

Моздокские осетины

- 9) Терентий Бугулов
- 10) Анурит Хадиков
- 11) Ефрем Козиков (фамилия в рукописи написана неразборчиво; возможно неверное прочтение)
- 12) Моздокский черкес Пётр Пшенатов-Борисов сверх того Капитан Ольгиевский [18].

Интересно читать ведомость мастеровых и материалов, необходимых для постройки Соборного храма в г. Моздоке. Требовались каменщики, плотники, столяры, кровельщики, штукатуры, маляры, стекольщики, «просторабочие», а также подводы одноконные или воловые («что употребительнее и дешевле»); из материалов: брёвна, брусья и доски карагочевые, чинаровые, сосновые; камень штучный, плиты из Пятигорска, кирпич жжёный, глина, песок, известь, алебастр, портландский цемент, гвозди и др.; из «приборов»: петли, засовы, замки, шерсть, масло конопляное, замазка стекольная, стёкла зеркальные, воды 45 ведёрных бочек [19].

Старожилы утверждают, что, по рассказам их старших, при изготовлении раствора использовались и яйца, которые в большом количестве приносили местные жители. Скорее всего, этот факт имел место быть, но, к сожалению, в ведомости материалов таких сведений мы не обнаружили.

Июнем 1882 года датируется сдаточная опись материалов, инструмента и различных приспособлений, заготовленных для сооружения Собора Моздокского «строителем оного — инженером-архитектором Чижовым» [20].

Завершением строительства храма, спустя почти 10 лет, занимался Малама. В журнале XXXIII членов комитета по постройке Собора от 24 февраля 1892 года имеются сведения, что Малама письмом уведомляет своего доверенного лица Янченко о намерении приступить к работе 15 марта. К этому числу комиссией было решено просить

строительное отделение Терского областного правления командировать в Моздок одного из своих техников «для освидетельствования как материалов, заготовленных для постойки, так и верхних слоёв кладки Собора, а равно и для определения на месте, возможно ли будет 15 марта по состоянию температуры начать каменную кладку» [21]. Эти сведения представлялись комитетом Его Преосвященству Преосвященнейшему Иоанникию — Епископу Владикавказскому на Архипастырское утверждение.

В различных источниках имеются разные сведения о дате завершения строительства Успенского Собора в г. Моздоке. Так, в электронной версии в интернете «Православие на земле Моздокской» это 1896 год; в книге Б. А. Калоева «Моздокские осетины» читаем: «Строительство Успенского храма продолжалось с 1854 по 1890 г.» и что Иверская Икона была перенесена в него 12 мая 1891 г.» [22]. Но в сохранившейся до наших дней Клировой ведомости Собора за 1895 год, содержащей в том числе и исторические сведения о храме, читаем следующее: 1. «Церковь сия заложена в 1877 году сентября 5 дня, в память покорения Восточного Кавказа, и освящена 10 мая 1894 года. Построена на средства по Высочайше разрешенной повсеместной в России подписке и частью на церковные суммы. Зданием кирпичная, в русско-византийском стиле, крестообразная, с такими же куполами, на коих золоченые кресты, из коих главный золочен через огонь. Под церковью находится подвальный этаж, предназначенный для приюта богомольцев в праздники Преполовения и Успения Пресвятой Богородицы. Прочная колокольня и ограды не имеется.

- 2. Престолов в ней два: главный в честь Успения Пресвятой Богородицы и предельный — в память Св. Благоверного Князя Александра Невского. Утварью и богослужебными книгами достаточна».
- 3. Причта (священнослужителей, церковнослужителей) по штату положено: Протоиерей один, Священник один, Дьякон один и два Псаломщика...
- 4. Земли при сей церкви усадебной, пахатной и сенокосной отведённой нет.
- 5. Дома у Протоиерея и Священника собственные деревянные, а дьякон и псаломщики живут в наёмных квартирах, квартирного пособия никто не получает. Зданий при новой церкви нет, а при старой имеются следующие: 1. дом из саманного кирпича о семи комнатах, с

двумя сенями (плохо читается, возможно неверное прочтение) и кладовой, крыт камышом; в нем помещается гостиница для приходящих и книжная лавка; 2. Деревянный дом под железною крышею о двух комнатах ..., в нём помещается Церковноприходское одноклассное училище ...

- 3. На кладбище для отпевания покойников имеется деревянный дом о двух комнатах под камышовою крышей, смазанною глиной [23].
- 6. Расположена сия церковь от Консистории в 88 верстах, а от ... Благочинного в 55 верстах, ближайшая церковь — Михаила Архангилевская, Луковской станицы — в ½ версты» [24].

В прочитанной литературе нигде мы не встретили информации о точном местонахождении первоначальной Успенской церкви, в которой находилась Моздокская Икона Иверской Божьей Матери. А, оказывается, она находилась не в далеке от места, на котором потом был воздвигнут Собор; не на том самом месте, а рядом с ним! В этой же Клировой ведомости Собора за 1895 год, внимательно присмотревшись к рукописному тексту на листе с оборванным углом, читаем: «...при сей церкви имеется старая деревянная ветхая церковь в честь (угол листа оторван, возможно иное прочтение слова) Успения Божией Матери»[25]. Скорее всего, выше, где идёт речь о зданиях при «старой» церкви имеется в виду именно она же!

Есть ещё масса интересных моментов, нашедших отражение в Клировой ведомости: так, церковные наличные деньги хранились в Соборе в железном «кассовом» сундуке, «за церковной печатью». Ключ от этого сундука находился у церковного старосты [26].

В любой Клировой ведомости кроме информации о здании церкви; прихожанах; приходе, расходе имеется послужной список на каждого священнослужителя и церковнослужителя со сведениями о месте их рождения, происхождении, образовании, занимаемых должностях, наградах, имуществе, составе семьи, родстве и т.д.

Сегодня мы благодарны тем, кто сравнительно добросовестно вел Клировую ведомость Успенского Собора 1895 года, потому что благодаря и им (а также тем, кто сохранил и хранит её) мы можем проследить жизненный путь людей, имеющих непосредственное отношение к Успенскому Собору:

Протоиерей Фёдор Трофимович Орлов, 69-ти лет (получается, что год рождения Орлова — 1826), сын протоиерея села Новоегоривского Ставропольской губернии.

- 15 июля 1849 г. закончил курс наук в Киевской духовной семинарии (в возрасте 23 лет);
- 2 сентября 1849 г. июль 1850 г. учитель высшего отделения Ставропольского приходского духовного училища;
- с 19 ноября 1850 г. дьякон, а с 21 ноября 1850 г. священник Дмитриевской церкви в г. Екатеринодар;
- 13 октября 1851 г. 1 ноября 1854 г. учитель Екатеринодарского приходского училища;
- 5 января 1857 г. по прошению переведен в Ставропольскую Варваринскую церковь;
- 20 апреля 1857 г. назначен членом строительной комиссии по постройке архиерейского дома в г. Ставрополе («за усердные труды по сему предмету указом Кавказской Духовной Консистории 24 сентября 1859 года изъявлено ему архипастырское Его Преосвященства, Преосвященнейшего Иоанна, бывшего Епископа Кавказского и Черноморского, благословение»);
- 22 октября 1857 г. награждён Преосвященным «за усердную службу и весьма хорошее поведение» (в возрасте 31 года);
- с 14 мая 1861 г. «произведён в сан Протоиерея к Моздокской Успенской церкви и вместе с тем назначен Благочинным Моздокских церквей» (в возрасте 35 лет);
- 8 ноября 1866 г. 20 марта 1867 г. Смотритель Моздокского духовного училища;
- 20 марта 1867 г. 1 сентября 1871 г. учитель по классу латинского языка Моздокского духовного училища;
- с 30 октября 1872 г. (об этом мы говорили выше) председатель строительного комитета по постройке в г. Моздоке каменного Собора в честь Иверской Иконы Божьей Матери (в возрасте 46 лет);
- с 28 апреля 1878 г. вторично назначен Благочинным Моздокских церквей;
- В клировой ведомости также указываются имена детей Ф. Т. Орлова: Фёдор, Сергий, Таисия и Нина, которая была замужем за Священником Моздокской Духосошественской церкви -Миртовым.

Варфоломей Тимофеевич Синанов, 63-х лет (на момент 1895 г., значит он 1832 года рождения):

с 10 июня 1854 г. — 14 февраля 1855 г. «по распоряжению Епархиального начальства переведён из священника Моздокской Соборной Св. Луки церкви к Моздокской Успенской церкви, как знающий осетинский язык»;

с 15 сентября 1858 г. по прошению опять переведён к Моздокской Успенской церкви.

Дьякон Димитрий Евсимович Лавров (указан в клировой ведомости, но сведений о нём не имеется)

Псаломщик Образцов Михаил Михайлович, сын псаломщика селения Старомартовского Ставропольской губернии:

10 ноября 1895 года Его Преосвященством Преосвященнейшим Владимиром, Епископом Владикавказским и Моздокским, по прошению и ввиду похвального о нём отзыва Благочинного церквей 6-го округа переведён к Моздокскому Успенскому Собору.

Псаломщик Кукушкин Сергей Иванович

21 октября 1895 года Его Преосвященством Преосвященнейшим Владимиром, Епископом Владикавказским и Моздокским, согласно прошению переведён к Успенскому Собору города Моздока [27].

Приятно осознавать, что многие попадали на службу в Моздокский Успенский Собор по прошению. Возможно, из-за того, что в нём находилась чудодейственная Икона; а, может быть, и по другим причина, нам неизвестным, но гордость охватывает: в наш Храм стремились попасть.

К сожалению, жизнь Успенского Собора была недолгой: всего 64 года (1894-1958). Нам не удалось пока найти информации о том периоде, когда Собор был действующим. Только вглядываясь в лица людей на старых фотографиях, можно догадываться, как много он для них значил. Моздокский Успенский Собор был свидетелем разных событий: и радостных, и печальных. Так, например, когда в январе 1919 года ударные части белогвардейского генерала Покровского заняли Моздок, они в первые часы всенародно повесили трёх человек на «перекладинах сарая напротив большого Собора» (из воспоминаний Г. Хазизова) [28].

В 1957 году на основании устного распоряжения председателя исполкома Моздокского городского Совета Рытькова А.Е. комиссией в составе заведующего Горкомхозом Лепихова А.Ф., главного инженера Ремстройконторы Гальцева Ф. А., инженера Горкомхоза Айрияна А. А. 18 ноября 1957 года был составлен акт по результатам осмотра здания Успенского Собора на Красной площади г. Моздока. Этой комиссией было установлено, что «1. Здание собора в период отечественной войны было частично разрушено, а именно четыре

малых купола и сводчатые перекрытия над галереей вокруг собора полностью разрушены. Крыша над главным куполом отсутствует. 2. В результате взрывных волн своды над центральной частью собора сильно потрескались, часть сводов полностью обрушились, часть сводов грозит обвалом, часть стен собора имеют трещины. Сохранившаяся часть стен от четырёх второстепенных куполов находятся в неустойчивом положении вследствие отклонения от вертикали и грозят обвалом. Вследствие того, что как перекрытие, а также частично стены находятся в аварийном состоянии, пространство на расстоянии 30 метров вокруг здания является опасной зоной для населения и особенно для детей школы № 1, расположенной напротив собора» [29].

На основании этого акта на заседании исполкома Моздокского городского Совета депутатов трудящихся от 3 января 1958 года слушался вопрос «О разборе разрушенного здания бывшего Успенского собора на Красной площади». Докладывал Рытьков. К тому, что нашло отражение в акте, он добавил: «разрушенное здание собора служит очагом антисанитарии, куда сваливаются различный мусор и другие нечистоты, что является рассадником возникновения желудочно-кишечных заболеваний и других заболеваний» [30].

Непонятно, почему вопрос о разрушении Собора возник только в 1957 году? Ведь Моздок был освобождён от немецко-фашистских оккупантов 3 января 1943 года, значит на момент принятия решения о его разборке прошло уже 15 лет с того момента, как он был подвержен бомбёжкам. Неужели в 1943 или 1948, или в 1952 гг. такой, как описывается в акте, угрозы обрушения не существовало? Думаем, что всё-таки решающим аргументом в пользу принятия решения о разрушении Собора был следующий, приведённый в своем выступлении председателем исполкома горсовета: «Кроме того, по проекту генерального плана города в этом месте предусматривается центральная городская площадь с соответствующим благоустройством и озеленением, а здание собора расположено как раз в центре этой площади, что не даёт архитектурно оформить эту центральную часть города» [31]. На основании изложенного исполкомом горсовета было принято решение «полуразрушенное здание бывшего Успенского собора на Красной площади города разобрать» [32]. В июле 1958 года Успенский Собор был взорван...

Вспоминаются слова ветерана войны Анны Тимофеевны Нардюжевой, 1923 года рождения: «Мы же все атеисты были тогда»,

но тут же прибавляет: «А сколько людей спасалось от бомбёжек во время оккупации в подвалах Собора!» [33]. Вот такое противоречивое было время...

При простом подсчёте получается следующая картина: на строительство Собора, которое продолжалось 16 лет 8 месяцев и 5 дней (5 сентября 1877-10 мая 1894), собирались средства по всей России, ото всюду приглашались специалисты, а решение о сносе его приняли 8 членов исполкома за 1 месяц 16 дней (18 ноября 1957-03 января 1958). Наверное, права пословица: «Ломать — не строить». И как никому из принимавших это решение не пришла в голову другая пословица о том, что надо отмерить семь раз, прежде чем отрезать один.

Среди учеников нашей школы мы провели опрос с целью выяснить, известно ли им о том, что в Моздоке был Успенский Собор. Из 50-ти учеников (выборочно) 5-9 классов положительно на этот вопрос ответили 38, из которых 19 могли рассказать об этом подробнее. А 12-ть, к сожалению, ответили отрицательно. Чтобы этих 12-ти не было, мы призываем всех обязательно изучать историю своего города, района, республики, страны.

Как один из скромных примеров — данная работа. Благодаря изучению архивных документов мы выявили, в том числе, ранее неизвестную нам информацию о местонахождении первоначальной Успенской церкви; на примере станицы Ардонской увидели, как по копейкам и рублям собирались деньги на возведение Успенского Собора по всей России; выяснили точную дату его освящения; составили представление о священнослужителях Успенского Собора, в первую очередь, о Фёдоре Трофимовиче Орлове, его профессиональных и личностных качествах и т.д. Узнали значение многих церковных терминов: Благочиный, Клировая ведомость, притч, священнослужители, церковнослужители, протоиерей, дьякон, псаломщик, приходское училище, праздник Преполовение Пятидесятницы и многих других.

Убеждены, что даже если не собираешься стать архивистом, историей нужно интересоваться, чтобы ощущать себя образованным человеком.

Примечания

- 1. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.81, Д.100, Л.л.21-25, заверенная копия, рукопись.
- 2. К сожалению, нам не удалось выяснить, о каком Соборе идёт речь. Однозначно, это не Моздокский Духосовественский Собор, так как он был построен позднее, в 1829 г. (Ф.275, Оп.1, Д.963, Л.1 подлинник, рукопись), как «Моздокский Сошественский Собор» упоминается в рапорте Благочинного церквей г. Моздока Гавриила Лашкова от 15 декабря 1830 г. (Ф.275, Оп.1, Д.16, Л.3-3об. подлинник, рукопись).
- 3. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.966, Л.4 заверенная фотокопия (подлинник хранится в Российском государственном историческом архиве г. Санкт-Петербург (Ф.1409, Оп.3, 1862 г., Д.7632, Л.л.45-50об.)
- 4. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.275, Оп.1, Д.16, Л.3-3об. подлинник, ру-
- 5. РГБУ «ЦГА-РСО-А» Ф.275, Оп.1, Д.752, Л.л.2-8 подлинник, рукопись.
- 6. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.966, Л.4 заверенная фотокопия
- 7. Н. Чиплакова. Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии. Исторический ракурс. — Владикавказ 2012. — 329 (стр. 204).
- 8. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.966, Л.1 подлинник, рукопись.
- 9. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.264, Л.1 подлинник рукопись. 10. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.143, Оп.2, Д.242, Л.43 подлинник, рукопись.
- 11. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.985, Л.л.1-2 подлинник, рукопись.
- 12. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.985, Л.2 подлинник, руко-
- 13. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.985, Л.л.24-26 подлинник, рукопись.
- 14. Сказание о Чудотворной Иверской Иконе Божией Матери. Владикавказ.1994-64 стр (стр.56)
- 15. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.143, Оп.2, Д.348, Л.3 подлинник рукопись.

- 16. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.264, Л.1 подлинник рукопись.
- 17. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.985, Л.л.27-28 подлинник рукопись.
- 18. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.985, Л.29 подлинник рукопись.
- 19. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.985, Л.32 подлинник рукопись.
- 20. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.264, Л.29 подлинник рукопись.
- 21. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.11, Оп.62, Д.1029, Л.14 подлинник рукопись.
- 22. Б. А. Калоев. Моздокские осетины. Москва, 1995-238 стр. (стр.196).
- 23. По устной информации, дошедшей до нас, захоронений при Соборе не было, значит, скорее всего, имеется в виду одно из существовавших на тот момент кладбищ на территории г. Моздока.
- 24. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.143, Оп.2, Д.348, Л.1-1об. подлинник, рукопись.
- 25. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.143, Оп.2, Д.348, Л.2. подлинник, рукопись
- 26. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.143, Оп.2, Д.348, Л.2. подлинник, рукопись.
- 27. РГБУ «ЦГА РСО-А» Ф.143, Оп.2, Д.348, Л.2-5 подлинник, рукопись.
- 28. Архив Северо-Осетинского института гуманитарных исследований им. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания Ф.21, Оп.1, Д.247, Л.2 печатный текст.
- 29. Из фондов Моздокского филиала Национального музея РСО-Алания.
- 30. РГБУ «ЦГА РСО-А» ФР.509, Оп.1, Д.62, Л.л.1-2. подлинник, печатный текст
- 31. РГБУ «ЦГА РСО-А» ФР.509, Оп.1, Д.62, Л.2. подлинник, печатный текст
- 32. РГБУ «ЦГА РСО-А» ФР.509, Оп.1, Д.62, Л.2. подлинник, печатный текст
- 33. Нардюжева Анна Тимофеевеа, 1923 года рождения, в настоящее время проживает по адресу: г. Моздок, ул. Б. Хмельницкого, 12 тел. 2-31-74.

ИСТОРИЯ, БЫТ И НРАВЫ КАЗАКОВ СТАНИЦЫ ПАВЛОДОЛЬСКОЙ 1777-1913 ГГ.

Поднятая в работе проблема история образования станицы, её названия, быта и нравов казаков считается нами актуальной в связи с тем, что в настоящее время возрастает роль и значение возрождающегося казачества в жизни современной России.

Произошедшие в российском обществе решительные перемены, в том числе и в вопросе возрождения казачества, повлекли за собой всплеск социально-политической активности казаков. Возросшая роль казачества в современной России делает проблему исследования актуальной.

В разные исторические эпохи положение казаков не было одинаковым. По тому, как в обществе относятся к казачеству, каково положение оно занимает в нём, можно судить о характере самого общества. Это отвечает и характеру общинных образований Терских казаков, в том числе и Павлодольской. Актуальными являются и вопросы стереотипов нравов и бытового поведения казаков, в том числе и казаков станицы Павлодольской.

Старинный Моздокский край издавна населён казаками. Да и сейчас мы проживаем на старинных казачьих землях, на территории Моздокского Казачьего войска. Знать и любить историю своего народа, почитать героические дела, быт и нравы наших предков, должен каждый из нас, их потомков. Кроме этого, как нам кажется, мы обязаны донести, развить и приумножить замечательные традиции наших предков, донести их до наших сверстников, сделать так, чтобы не прервалась цепочка истории нашего народа.

Хронологические рамки: XVIII — начало XX веков. Этот выбор обусловлен рядом важных обстоятельств: в первый период происходит складывание традиционного уклада жизни и быта Терских (Павлодольских) казаков, создается местная, локальная традиция, отличающая казаков от крестьян и простых граждан.

Исследовательская работа проходила в три этапа: — сбор и описание информации, — систематизация накопленного материала, обобщение и формулировка выводов. При систематизации материала использовался принцип сравнительно-исторического анализа (когда анализировалась и вводилась градация уже набранного до нас материала). При изучении фактического материала использовался метод научного анализа и систематизации, вычленения частного из общего.

Первая часть работы посвящена истории поселения русских казаков на территории Терского Казачьего войска. Вторая включает сведения о заселении станицы, истории её названия, третья сообщает о быте и нравах Павлодольских казаков.

Данная работа выстроена в определённой последовательности и имеет следующую структуру: введение, пять глав, заключение, список источников и литературы, а также приложение: ксерокопии документов по историческому состоянию казачества, фотографии, карта-схема крепостей пограничной Азово-Моздокской линии к 1825 году.

Согласно изучению и наблюдению сведений Терского календаря на 1899 год [1], мы установили, что до второй половины XVI века на территории Терского казачьего войска русских поселений не было. Здесь с севера, до слияния реки Малки с Тереком, господствовала Большая Кабарда, а между реками Тереком и Сунжею — Малая Кабарда. Западнее кабардинцев к северному склону Главного Кавказского хребта, обитали родственные им мелкие народности, а восточнее, между реками Тереком и Сулаком, — кумыки. К югу от малокабардинцев и кумыков появлялись селения чеченцев, выходивших из гор на плоскость, а в прикаспийских степях кочевали остатки Золотой Орды — ногайцы.

Первое поселение русских в этом крае большинство исследователей относят к 1559 году, когда какие-то русские выходцы — по исследованию И.Д. Попко — дружины Рязанского княжества — завладели городом Терколте или Тюмень, находившемся на одном из рукавов реки Терека, и поселились в нём на жительство. С постройкой в 1577 году города Терки, при устье реки Сунжи, эти новосёлы под именем Терских и Гребенских казаков явились здесь первыми русскими поселенцами, принявшими на себя тяжесть государственной службы.

Несколько позже, около 1582 года, те же дружины и часть донских казаков, числом до 300 человек, под предводительством Андрея Шадры, покинув свои родные места (под Гребенскими горами) пришли в Терскую область, поселились на земли кумыков («андреевских») и положили начало Гребенскому казачьему войску. С точностью место их первых поселений неизвестно, но в 1628 году посетившие этот краё минералоги Фич и Герольд застали их городки в горах выше селений одного из малокабардинских владельцев. Живя между «гребнями» (т. е. между горами), новые поселенцы сохранили название «гребенцов». Впоследствии, около 1685 года их поселения передвинулись ближе к реке Тереку, главный из своих новых городков они назвали в честь своего атамана Шадринским, а два других — Курдюковским и Гладковским, затем возникли городки Новогладковский и Червлённый.

Пётр Великий, решив подвинуть кордонную линию ближе к реке Сулаку, заложил там крепость Святого Креста и переселил в неё терских казаков, усилив их новыми выходами на Дон и Волгу. Однако в царствование Анны Иоановны, по заключённому с Персией трактату, все пункты, занятые русскими на правом берегу реки Терека, в 1734 году были перенесены вновь за левый берег его, где в 1736 году заложена крепость Кизляр. Вернувшиеся обратно терцы присоединились к своему войску, а выходцы с Дона и Волги построились городками Бороздиновским, Дубовским и Каргалинским и в 1754 году обособились в Терское семейное войско.

В 1763 году было построено Моздокское укрепление. С преобразованием его в 1770 году в сильную крепость, сюда были переселены казаки с Дона и Волги, жившие между Царицыным и Камышиным. Они построились пятью городками по направлению к Гребенскому войску и образовали Моздокское войско, в состав которого впоследствии вошли 200 семейств, крещёных калмыков.

В 1777 году заложен ряд укреплений по рекам Куре, Золке, Куме и другим. Для заселения этой новой линии были вызваны с Волги остальные казаки, в числе 700 семейств, образовавшие станицы Екатериноградскую, Павловскую (Павлодольскую), Марьинскую, Георгиевскую и Александровскую, азатем Кисловодскую, Ессентукскую, Боргустанскую, Горячеводскую и другие. Эти казаки принесли с собой все свои регалии и удержали название Волжского войска.

Сильная растянутость станиц волжских казаков побудила генерала Ермолова образовать в 1824 году новую казачью линию, полу-

чившую название Горского войска. В состав его вошла Моздокская казачья команда и станица Луковская Моздокского войска, станица Екатериноградкая Волжского войска и четыре селения, образовавших станицы Горскую, Черноярскую, Новоосетинскую, Павловскую (Павлодольскую), Приближную, Прохладную и Солдатскую, а в 1828 году присоединены станицы Государственная и Курская. Так образовались шесть казачьих войск (впоследствии полков), нёсших государственную воинскую службу по охране южных рубежей Российской Империи.

В результате исследования и работы с исторической литературой мы выяснили, что осенью 1776 года генерал И.В. Якоби и подполковник Генерального штаба Российской Империи Герман провели тщательную рекогносцировку местности от города Моздока в северо-западном направлении по рекам Терек, Малка, Кура, Подкумок, Сабле, Калаус через крепость Святого Дмитрия (ныне город Ростов-на-Дону) до Азова. В рапорте на имя князя Таврического — Г.А. Потёмкина дали своё соображение о постройке новой, названной ими Азово-Моздокской линии с десятью крепостями или, правильнее, укреплённых селений с промежуточными между ними редутами (укреплениями). На основании доклада Г. А. Потёмкина императрица Екатерина II утвердила проект постройки и заселения Азово-Моздокской линии 24 апреля 1777 года. По сведениям Терского календаря на 1899 год, в кратком историческом очерке указывалось, что до второй половины XVI века по «общепринятому мнению», на территории Терского казачьего войска русских поселений не было.

Мы предполагали, что на территории станицы до 1777 года никаких поселений не было. И изучив материалы архивной службы ЦГА г. Владикавказа, мы убедились в том, что действительно, согласно сведениям Терского календаря на 1889 год [2], в Пояснительной записке Г. А. Потёмкина к Проекту положения об устройстве и правлении станичных обществ и волостей, станица Павлодольская поселена в 1777 году.

Местность на территории будущей станицы была покрыта девственным дремучим лесом из твёрдых и мягких пород дерева (дуб, ясень, клён, тополь, верба). В пойме реки Терека произрастали дикие фруктовые деревья и кустарники: груши, яблони, алыча, орех, шелковица, кизил, боярышник, барбарис, терновник; на лесных полянах было много ежевики, малины, земляники и других ягод. В лесах, степях и озёрах водилось большое количество диких животных и птиц:

медведей, сайгаков, волков, зайцев, барсуков, фазанов, перепелов, уток, гусей, лебедей. Низины Терека с речкой — «рукавом» и острова почти ежегодно затоплялись Тереком. В реке и её протоках водилось много разнообразных рыб: осетровых, сомов, сазанов.

С пригорка на север начиналась бескрайняя степь с сенокосами и пастбищами, на которых росли в изобилии травы: брица, полынь, пырей, ковыль. Всё это давало переселенцам возможность заниматься охотой, рыбной ловлей, заготовкой фруктов, ягод, дров для отопления жилища, трав для корма домашним животным.

По сведениям Терского календаря на 1901 год (Издание статистического комитета под редакцией члена-секретаря комитета Г.Л. Вертепова) [3] станица Павлодольская относилась к Горско-Моздокскому полковому округу, Моздокскому следственному участку, Кизлярскому судебно-мировому округу 5 участка, Моздокскому податному участку, первому акцизному округу, 31 ветеринарному участку.

Расстояние от станицы до Владикавказа 136 километров, от управления или округа 14 километров, до ближайшей железнодорожной станции — 38, Почтовый адрес, куда направлялась корреспонденция — Моздок.

В том же документе даны сведения о том, что к 1901 году в станице были учреждения и примечательности:

- 1) Станичное правление.
- 2) Двухклассное училище.
- 3) Казённая и земская почтовая станции.
- 4) Церковно-приходская школа.
- 5) Две церкви.
- 6) Четырнадцать торговых заведений.
- 7) Базар по субботам.

По нашим предположениям, станица Павлодольская так была названа изначально, т. е. с момента её заселения. Но оказалось, что первоначальное название было Павловская. По мнению старожилов станиц, Дьяченко Марии Георгиевны (97 лет) и Родионова Петра Максимовича (92 года), её название произошло от имени некоего Павла Дольского, первого поселенца. Однако более авторитетные источники говорят о названии в честь Апостола Павла, библейского персонажа. В пользу этого существуют три аргумента. Во-первых, станицу в момент её образования населяли казаки. Являясь верующими-христианами, они глубоко чтили библейские персонажи,

почитали их, называя их именами свои станицы. 29 июня — День Святого апостола Павла — великий праздник, который праздновали все жители станицы. Во-вторых, к 1777 году уже существовала станица Павловская (на реке Куре), а двух станиц Павловских в одной Кавказской линии быть не могло. И в-третьих, в округе Моздока присутствуют другие станицы с подобными названиями, например, Луковская, названная так в честь Святого Луки; Троицкая — в честь Святой Троицы. Вероятнее всего так и было, так как статус станицы поселение получило только в 1825 год.

Решая поставленные перед собой проблемы изучения материалов о людях, первыми заселившими станицу, мы задались целью выяснить ответы на вопросы: кто же были первые поселенцы станицы Павлодольской? Кем они являлись и почему именно они? По сведениям Рапорта управляющего по правам и обязанностям временно образованной межевой комиссии о количестве и времени заселения станиц Терского казачьего войска [4], станица Павлодольская поселена в 1777 году Донскими казаками, жившими на Волге, в числе 410 душ мужского пола и тогда же поступила в состав Линейного казачьего войска. Усилена в числе душ мужского пола в 1847 году -98, в 1948 году — 209 Черниговской и Харьковской губерний, как видно из посемейного списка этих переселенцев. Но, как указывает документ станичного правления от 29 декабря 1865 года [5], на каком основании последовало это усиление и самоё поселение, в делах станичного архива не оказалось.

Однако в книгах В.А. Потто «Два века Терского казачества» и «Кавказская война» есть следующие сведения. После осмотра Хаперских и Волжских казачьих станиц, назначенных к переселению, генерал Иван Варфоломеевич Якоби приказал в боевом порядке без семей им всем прибыть в Царицын (ныне Волгоград), где соединиться с Владимирским драгунским полком, и 6 августа 1777 года вся колонна под командованием подполковника Шульца двинулась в южном направлении на Моздок.

31 августа 1777 года колонна достигла урочища Маджары на реке Калаус, преодолев расстояние в 617 вёрст (863 километра). В конце сентября 1777 года Хаперцы и Владимирский драгунский полк прибыли в Моздок для расселения. В это же время Волжский полк прибыл к урочищу Бештамак (слияние рек Терека и Малки), где их ждал Кабардинский полк для охраны. Волжский полк, как известно из книги М. А. Караулова «Очерки казачьей станицы», участвовал в вос-

стании под предводительством Емельяна Пугачёва. Зачинщики вместе с Пугачёвым были казнены, а рядовые пропущены сквозь строй, получив наказание в сто палок каждый (517 человек), и по указанию Екатерины II были сосланы на Кавказ для поселения и несения кордонной службы.

Послеотбытия Волжского полка со станиц Дубовка и Балыклейская, что на Волге, обнаружилось, что двести казаков под видом «старцев» остались дома. Они получили повторное наказание по сто палок сквозь строй, были немедленно приписаны к Астраханскому войску в «Особую» группу и в спешном порядке отправлены на поселение без семей на Кавказ.

На самом высоком месте (сейчас здесь станичный клуб и школа) в середине октября 1777 года был построен редут (крепость) с валом и рвом, обнесённый терновником. Строил крепость Владимирский драгунский полк. К северу от редута и были поселены двести казаков — «старцев», которые для жилья стали строить землянки. Образовалась здесь первая широкая улица, названная Непочётной (ныне улица Социалистическая). Всем волжским казакам, поселённым в пяти станицах (Екатериноградская, Павловская, Георгиевская, Марьинская, Александровская) регулярные войска оказывали помощь в строительстве жилья, а вот «старцы» строили всё сами, изредка им помогали калмыки и Кизлярские татары, подвозили им строительные материалы на своих арбах.

Все Волжские казаки не пользовались льготами на переселение (по двадцать рублей на строительство жилья и по пятнадцати — кормовое жалованье в год), так как были ссыльные. Но все получили по пятнадцать десятин земли под распашку, а охота, рыболовство и заготовка дров были без ограничения.

Казак, где бы он ни был, всегда готов был защищать своё Отечество и веру с оружием в руках. Но льгота — не призывать три года на службу — не выполнялась. А так как жён с казаками не было, то все их хозяйства в большинстве случаев разваливались, посевов не производилось, домашний скот не содержался. Генерал И.В. Якоби стал бить тревогу о бедственном положении казаков. Об этом он доложил в своём рапорте на имя Г.А. Потёмкина. Якоби просил выдавать казакам денежные жалованья и провиант, ибо по своей бедности и скудности существования они могут разбежаться и покинуть линию. Потёмкин утвердил право на получение казаками провианта наравне с солдатами, решение о выдаче жалованья растянулось на неопределённый срок.

Волжские казаки (Моздокский полк), прибывшие на поселение с семьями в 1769 году, долго враждовали со «старцами», говоря: «Мы воевали против злодея (Пугачёва)! А вы чем занимались в это время? Грабили и убивали своих же? Эх вы, пугачёвцы!».

Только в 1780 году к «старцам» прибыли семьи. Теперь только можно представить, какой волнующей и трепетной была встреча — воссоединение каждой семьи. Семье казака требовался хороший хозяин, заведовала всем в доме, в тои числе и за пахоту, женщина-казачка.

По прибытии семей жизнь казаков пошла на улучшение. Казакам стали платить жалованье за службу. При рождении мальчика к земельным наделам добавлялось по две десятины. Все рекруты из крепости поженились, обзавелись хозяйствами. Им были оставлены лошади и всё военное имущество. Все были приняты в казачьи ряды.

Как известно из сведений Ежегодного статистического сборника Терского областного правления «Терский календарь» на 1910 год [6], не первое января 1883 года по спискам населённых мест Терской области, составленных Терским статистическим комитетом под редакцией секретаря комитета Н. Благовещенским, в станице Павлодольской, что при впадении реки Ярошты в Терек «число дворов 567, население мужское 1820, женское 1776. Земельный надел: десятин 23405, дополнительно 10467, саженей 2260, участков 1946. Народность — казаки. Примечательности: церковь, правление, школа, казённая и земская почтовая станции». Были в то время и хутора при станице на правом берегу Куры: Густомясово, Молоканский.

Сопоставляя сведения документов ЦГА, мы выяснили, что станица разрасталась. И согласно сведениям Терского календаря на 1901 год [7], станица Палодольская, основанная в 1777 году, состояла уже из 785 дворов (дымовых), душ обоего пола 4431, национальность коренного населения — русские казак; вероисповедание: православие, молокане, баптисты.

Генерал И. В. Якоби в 1781 году отбывает в Петербург, его замещает генерал Фабрициане, который внезапно умирает в 1782 году. 8 ноября 1782 года на Кавказ прибыл начальник Кавказских войск граф генерал-поручик П.С. Потёмкин, двоюродный брат Г.А. Потёмкина. 2 февраля 1784 года он назначается генерал-губернатором Кавказским, Саратовским с подчинением всех войск, расположенных между тремя морями: Каспийским, Чёрным и Азовским. Это нужно было не только для военных целей, но и для налаживания мирной жизни на Кавказе. П. С. Потёмкин обращается к внутренним губерниям России

с воззванием к крестьянам-однодворцам, государственным и помещичьим, приглашая их на новые места для поселения. В 1783 году в станицу Павлодольскую прибывают пререселенцы из села Вершаво Харьковской губернии («русские хохлы»). Они получили все льготы на переселение, строительство и заселили новую улицу — Хохлатскую (ныне улица имени Ленина). В 1783-84 годах в связи с ненадобностью редута (крепости) рекруты Владимирского драгунского полка, отслужившие и молодые, которые пожелали, были расформированы. Поженившись, повенчавшись в полковой церкви, образовали семьи, построили жилища, заселив Большую улицу (ныне улица имени Гагарина). В 1784 году слободки всех улиц получили статус станицы Павлодольской.

Работая над вопросами этнографии Павлодольских казаков, мы предполагали, что они селились хаотично, но, изучив сведения историка и лингвиста И. Кравцова, узнали, что проживающие в станице казаки делились по говору: «акающий» — кацапы (пайдём, жана, чаво) и «якающий» — хохлы — (няси, приняси, Ягор, Стяпан). Эти две группы относились к православной вере. Представители этих групп носили фамилии Дьяченко, Карпенко, Сергиенко, Петриченко, Руденко, Носовы, Сараевы, Ивановы, Уваровы. У сектантов — молокан и баптистов — особый говор на «и»: ниси, бижи, лигушки, мишок, чиво, видро, Стипан, Игор), и фамилии они носили следующие: Лисицины, Пушкарёвы, Медведевы, Густомясовы Любимцевы. В результате жители станицы и селились соответственно: Хохлатская улица заселена была переселенцами из Харьковской губернии, которые получили все льготы на переселение и строительство. Отслужившие Владимирские драгуны заселили Большую улицу, на Кривой проживали русские «кацапы», на Непочётной — ссыльные «старцы». Встречаясь со старожилами станицы, мы выяснили, что сейчас в ней проживают потомки казаков Степана Носова, Кондратия Уварова, Ивана Медведева.

Все жители станицы были разными, но всех их объединяла православная вера, труд во благо семей и общества, защита своего дома и Отечества.

Приступая к изучению исторической литературы и документов Архивной службы ЦГА, мы имели смутное представление о жизни и быте Павлодольских казаков и сделали предположение, что казачьи законы и традиции формировались в условиях пограничной полосы, вдали от централизованного государства и правительства.

Наши предположения оказались верными. Казаки были людьми вольными (они никогда не были крепостными) и на протяжении веков сами создавали законы, по которым жили. Все важные вопросы решались на круге или на сходе. Круг был станичным и общевойсковым. Дежурный есаул, который вёл круг, начинал его словами: «Именем Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа» и напоминал казакам об обычаях. На круге должно было присутствовать не менее 2/3 списочного состава. Старики занимали почётные места слева от атамана. Совет стариков обладал правом слова «вето». Священник был вправе остановить круг и напомнить о христианской морали. Затем входил атаман. Приветствуя его, казаки вставали, но головных уборов не снимали. Сидел только священник, к которому первому и подходил атаман, здороваясь с ним и прося благословения. После этого казаки снимали шапки, священник читал молитву, и только тогда круг начинал свою работу. Каждый выступающий на круге, выходя, снимал шапку, а надевал её только тогда, когда заканчивал своё выступление; если головной убор не надет, значит, выступающий не всё сказал. При принятии решения атаман спрашивал: «Так ли, господа старики? Так ли, честное казачество?» Все принятые решения назывались Приговорами. Многие из Приговоров присутствующими на круге подписывались. Так в документе (Приговоре), датированном 26 декабря 1871 года [8] говорится об «увеличении настоящей школы»; с общего согласия определил: «открыть другую школу в наёмном доме с отпуском второму учителю жалованья 200 рублей. Первая школа — крайне стеснительное помещение». Данный документ подписан грамотными стариками: Семёном Козловым, Дмитрием Ефремовым, Михаилом Львовым, Акимом Щербатовым, Данилой Збродовым, Егором Яковлевым, Николаем Токаревым, Владимиром Нимченковым, Кузьмой Машенцовым, Евдокимом Ильиным, Василием Дьяковым и другими (всего 24 подписи) и неграмотными казаками: Антоном Артюховым, Лаврентием Любимцевым, Николаем Сулименковым и другими (всего 53 фамилии). Документ, датированный 18 августа 1885 года [9], говорит «об открытии в станице в 1882 году второго станичного училища для образования молодого поколения при скудных общественных средствах, по обширному народонаселению станицы». Приговор также гласит об именах учителей и их годичном жаловании: «учитель первого училища — Пётр Борисов (жалованье 300 рублей), учителем второго училища оставить Ивана Фильчикова (жалованье 250 рублей серебром)». Из

этих документов следует, что павлодольские казаки не только успешно охраняли южные рубежи Отечества, возделывали земли, воспитывали детей, но и стремились к просвещению, заботясь об образовании подрастающего поколения.

На казачий круг или сход нередко приглашались иностаничные, иногородние граждане и женщины. Сходы были различные: очередные, чрезвычайные. Особые сходы — это собрания, на которых разбирались тяжбы.

Атамана выбирали голосованием на круге. Есаул спрашивал: «Господа честные казаки, люб ли вам атаман такой-то?» Будущего атамана вели, держа за руки, два пристава, причём, по традиции, нельзя было касаться голою рукою руки или щеки атамана, так как считалось, что так он может потерять свою силу. Так его подводили к присяге. Приставы снимали с будущего атамана мундир, разрывали рубашку, чтобы виден был нательный крест, и объявляли: «Православный!» Казаки громким криком отвечали: «Любо!» и голосовали поднятыми вверх обнажёнными клинками сабель. Избранный атаман, стоя лицом к станице, произносил слова присяги: «На Христовом Животворящем кресте, на Священном писании присягаю: служить верно, не щадя головы и живота своего. Беречь казачью честь, приумножать достояние станицы, беречь казаков! Я — отец ваш, вы — мои дети!» Затем целовал крест и лежащее на аналое Евангелие. На него надевали атаманский кафтан, саблю и через левое плечо полотенце — символ его воинской и хозяйственной власти. Далее вручался пернач (символ воинской славы), а старики подносили насеку (посох с насечёнными на нём именами бывших атаманов). Обычно атамана избирали сроком на три года, но в тех случаях, когда общество находило работу атамана неудовлетворительной, его могли переизбрать и раньше. Много сделали для подъёма благосостояния станицы атаманы Черкасов Г.Ф., К.В. Машенцов, А.Н. Уваров, С.А. Козлов.

Казаки не только на протяжении веков создавали свои законы, по которым жили, но и были законопослушными гражданами, уважающими и исполняющими законы власти и командования. Об этом говорится в деле, начатом 10 июля 1861 года и оконченном 26 сентября 1862 года, в котором указаны списки дежурных казаков, в обязанности которых входили дозоры по охране станицы и близлежащих окрестностей. В законном порядке разрешались и казачьи тяжбы. Так документ № 70 от 13 августа 1897 года [10] сообщает о решении вопроса о самовольном захвате урядником Дементьевым земельно-

го участка в станице Павлодольской. Тогда как одиннадцатью днями раньше, 2 августа 1897 года, казачий сход рассматривал прошение о дополнительном отводе земельного участка обществу станицы Павлодольской [11].

Казачьи законы, выработанные веками, хранили в себе много мудрости. У казаков не было тюрем. За проступки всенародно секли, что способствовало пресечению преступности. Однако женщины и дети при наказаниях не присутствовали.

Всей общиной казаки заботились о вдовах, сиротах, стариках. Им отдавали часть добычи, привезённой из походов, и наделяли особыми правами. Сирот называли «атаманскими» детьми. Атаман всегда знал, сколько в общине сирот, и всегда следил за тем, чтобы их не обижали. В случае потери кормильца, вдова через совет стариков могла с просьбой обратиться к атаману объявить её старшего сына, которому не меньше десяти лет, главой семьи. Этот обряд очень торжественен и трогателен. Казачок вставал на табурет, на его плечи набрасывали бурку, её полами накрывали мать и его младших братьев и сестёр. Атаман, касаясь перначом плеча казачонка, говорил: «Я объявляю тебя главою семьи! С этой минуты семья на руках твоих, и домашние должны слушаться твоих советов».

У казаков вся домашняя и сельскохозяйственная работа лежала на плечах женщины. Казачка не только ухаживала за домашним скотом, ткала сукно, шила одежду, заготавливала еду впрок, убирала с полей урожай, но и седлала коня и подводила его мужу. И при таких широких обязанностях она сохраняла миловидность, аккуратность и даже щегольство в одежде. Если же надвигалась опасность, в отсутствии мужчин казачки могли вести вооружённую оборону станицы, защищая детей и родные святыни с оружием в руках. На казачке-матери лежала ответственность за воспитание детей, обучение их разумно жить, честно трудиться, быть порядочными и благородными, добрыми и щедрыми. С детства в ней присутствовало почитание корней родства, к чему казачка приучала и своих детей.

Казаки были глубоко преданы православной христианской вере. Красота Божьего храма — гордость казака. Посещение храма в дни богослужений и по праздникам (Пасха, Рождество, Крещение, Троица и другие престольные праздники) для казаков было обязательным. Казаками строго соблюдались десять Божьих заповедей, читались молитвы «Символ веры», «Молитва за Отечество». Но вместе с глубокой преданностью своей вере, казаки отличались веротерпимостью.

В казачестве были представители более тридцати национальностей, но для того, чтобы стать казаком, не обязательным было принятие христианства.

Политика на Кавказе всегда была сложной. На отношения казаков с горцами влияли, вероятнее всего, два фактора. С одной стороны, была политика Российской империи, с другой — просто отношения людей, живущих рядом. Особое значение в общении горцев и казаков имела меновая торговля. Возле крепости Павлодольской образовывались небольшие слободки, заселявшиеся горцами. Это соседство и на взаимоотношения казаков и горцев. Многие казаки имели в аулах кунаков. Куначество, тесно связанное с законами гостеприимства, представляло собой не просто дружбу, а скорее побратимство. Защищать кунака от нападения было принято даже ценой собственной жизни. Горцы и казаки заключали совместные межнациональные браки. Обычай аталычества, известный среди горцев, распространился и у казаков. Своё название этот обычай получил от слова «аталык» (воспитатель) и заключался в том, что маленького мальчика отдавали на воспитание в другую семью (горцы в казачью, казаки в горскую). Возвращались дети в семью после восемнадцатилетия. В результате аталычества семьи приобретали статусы семей своеобразного кровного родства.

Казаки переняли у горцев национальный костюм, некоторые детали вооружения и быта. Тяжёлые сабли были заменены кинжалами и шашками в сафьяновых ножнах, а черкеску казаки полюбили за лёгкость и удобство покроя.

Закон, по которому казак являлся на службу со своей лошадью, обмундированием, холодным оружием оставался до 1917 года. История сохранила некоторые подробности этого закона. При явке на службу казаку необходимо было иметь две черкески, два башлыка, шапку, шаровары, сапоги, две пары белья, торбу для овса, две уздечки, подковы с гвоздями, седло, кинжал, шашку. Строевую лошадь казака принимала комиссия на соответствие несения воинской службы в войске. Срок службы казака исчислялся двадцатью пятью годами, позже он составлял двадцать лет.

Уже в три года мальчика сажали на коня и подстригали ему чуб. Этот обряд называли постригами. Традиционным напутствием командиру перед выступлением в поход были слова: «Смотри, береги казаков!» У молодых казаков в ушах были серьги, что означало: серьга в левом ухе — единственный сын, серьга в правом ухе — последний в роду наследник, две серьги — единственный ребёнок. В бою командир видел, кого надо особенно беречь.

Подчёркивая своеобразность Терских казаков, генерал А.П. Ермолов отметил: «Из всех казаков, существующих в России, нет им подобных. Я никогда не видел, чтобы они стреляли попусту; никогда не видел, чтобы они скакали под неприятельскими пулями — всегда идут шагом, они всегда отличались от всех прочих казаков особенной ловкостью, исправностью оружия и добротностью лошадей. Осознание собственного достоинства, неукротимая внутренняя страсть к свободе, безграничное величие духа и широта натуры и в то же время твёрдые устои самодисциплины служили основой храбрости и отваги Терских казаков». Эти слова с уверенностью можно отнести и к павлодольским казакам, умевшим с гордостью носить это звание.

По окончании нашей исследовательской работы, мы можем сделать соответствующие выводы: исследование исторических документов Архивной службы ЦГА РСО-Алания дало нам возможность прикоснуться к истории казаков станицы Павлодольской в документах, в исторических сведениях аналитиков XIX — начала XX веков. На основании документальных сведений мы смогли доказать или опровергнуть наши гипотезы и предположения, этим самым пополнив наши познания из взятой нами для исследования темы.

История казачества известна не только на Кавказе, но ив других регионах России. К сожалению, полностью показать все аспекты истории Павлодольских казаков не позволяет объём данной работы. Однако, опираясь на поставленные задачи, нам удалось показать особенности казаков станицы Павлодольской: основание казачьего поселения (над данным материалом работала Горлова Елизавета), его местоположения, историю названия (данный материал освещала Сипович Виктория), быт и нравы (этот материал обрабатывал Радаев Олег). Изначально были изучены литературные материалы, исторические сведения, на базе которых были найдены неизвестные ранее сведения: Приказы о разрешении спорных вопросов казачьих общин, сведения Терского календаря различных годов выпуска, документы, подтверждающие основание станицы, заселение их Волжскими казаками, участвовавшими в восстании под предводительством Емельяна Пугачёва.

Для завершения полной картины нами даны материалы об истории, нравах и быте казаков станицы Павлодольской в период с 1777 по 1913 годы.

Список источников и литературы

Источники

- 1. ЦГА РСО-Алания.Ф.13, оп.1, д.681. Терский календарь на 1899 год, стр.95-97.
- 2. ЦГА РСО-Алания. Ф.13, оп.1, д.681. Терский календарь на 1899 год, стр.18-19.
- 3. ЦГА РСО-Алания. Ф.13, оп.1, д.681. Терский календарь на 1901 год, стр. 140-141
- 4. ЦГА РСО-Алания Ф.13, оп.1, д.580. Терский календарь на 1899 год, стр.20-21.
 - 5. ЦГА РСО-Алания Ф.13, оп.1, д.681, стр.18-19.
- 6. ЦГА РСО-Алания Ф. 14, оп.52, д.225. Терский календарь на 1910 год, списки населённых мест, №56, стр.16
- 7. ЦГА РСО-Алания Ф. 13, оп.1, д.681. Терский календарь на 1901 год, стр. 120-123.
- 8. ЦГА РСО-Алания Ф. 124, оп1, д.6 на четырёх листах. Приговор станичного схода общины станицы Павлодольской (на четырёх листах), стр. 43-47.
- 9. ЦГА РСО-Алания Ф.124, оп.1, д.6. Приговор станичного схода, стр. 90-91.
- 10. ЦГА РСО-Алания Ф.16, оп. 1, д.469. Приговор о деле Дементьева, стр. 102-104.
- 11. ЦГА РСО-Алания Ф.16, оп.1, д. Прошение о дополнительном отводе земельного участка, стр.36.

Литература

- 12. Баранов Е.С. С Северного Кавказа о переселенцах новосёлах. Журнал «Правда», 1904, № №3, 4.
- 13. Караулов М. А. Очерки казачьей старины. Газ. «Терские ведомости», 1909, №128, 1910, № 9,3.
 - 14. Потто В. А. Два века Терского казачества. Т.2, стр. 102.
 - 15. Потто В. А. Кавказская война. Стр.47.
- 16. Савельев Е. П. Казаки. История. Репринтное переиздание книги «Древняя история казачества», выходившей в г. Новочеркасске в 1915 году.

КСЕНИЯ ГРИЦАЕНКО ученица 8 класса МБОУ СОШ № 8 (г. Моздок)

БРАТЬЯ ДУБИНИНЫ — ПИОНЕРЫ НЕФТЕПЕРЕРАБОТКИ. ВКЛАД В ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сегодня мы не можем представить себе жизнь без керосина, бензина, дизельного топлива, мазута, других продуктов нефтепереработки. Автомобили, тракторы, самолеты, военную технику — очень многое движет горючее вещество, полученное из маслянистой жидкости.

История человеческой цивилизации — это постоянная борьба за свет, тепло, а позже и за топливо. Первоначально в качестве топлива использовалась древесина, позже люди научились применять для этих целей торф. Источники света тоже эволюционировали. Простой открытый огонь заменили лучины, свечи и лампады. Человечество постепенно выбиралось из «темного» периода. Но самым большим шагом на пути к свету и теплу стало открытие керосина.

Большая советская энциклопедия утверждает, что своим происхождением слово керосин обязано греческому «keros», то есть «воск». Совсем другое говорит русская энциклопедия, напечатанная в Петербурге. Если верить этому печатному изданию, слово произошло от названия английского торгового дома «Кэрръ и сын», звучание которого так похоже на «керосин» [1].

Еще полтора — два столетия назад многие европейские ученные смотрели на нефть, как на материал, годный лишь для «обмазки колес и других махин». Как же случилось, что, опередив инженерную и научную мысль, простые крепостные крестьяне из нашего города, где и нефти-то никогда не бывало, стали пионерами ее промышленной переработки? Чтобы объяснить это, обратимся к истории.

История знала немало случаев, когда простые люди, не обладающие высокой грамотностью, силой своего таланта, впитавшего разум и опыт народа, делали выдающиеся открытия и изобретения. Так, в городе Моздоке ученые-самоучки Василий, Герасим и Макар Дубинины в начале XIX века изобрели способ «очищения черной нефти в белую» и впервые в мире осуществили промышленное производство керосина.

Изучение истории родного края является актуальным во все времена. В преддверии 250-летнего празднования дня основания города Моздока и 190-летия со дня изобретения первого в мире керосинового завода я решила подробнее узнать о жизни и деятельности братьев Дубининых, о том, как увековечена память первооткрывателей «отечественного нефтеперегонного дела» на территории Моздока.

Посетив Моздокский музей краеведения, я узнала, что в начале XIX века жили в России, в селе Нижний Ландех Гороховецкого уезда Владимирской губернии, крепостные крестьяне графини Паниной — три родных брата Василий, Герасим и Макар Дубинины. Скудна была земля, на которой родились братья Дубинины. Крестьянин, как ни бился, не мог прокормить семью хлебом, потому искал приработок. Обилие вокруг лесов, особенно хвойных, открывало широкие возможности по переработке дерева. Большой спрос в то время был на смолы. Они шли на смоление корпусов военных судов, канатов, использовались как смазка, служили сырьем для перегонки с целью получения осветительных масел и медицинских средств. Из смол вырабатывали канифоль и скипидар.

Когда графиня Панина, наряду с другими титулованными аристократами, получила земли на берегах Терека, она принудительно переселила на Северный Кавказ, в свои новые поместья, часть крепостных крестьян из Владимирской губернии. В числе невольных переселенцев оказались и три брата Дубининых.

Талантливые самоучки, унаследовавшие богатый опыт русских смолокуров, были молоды и полны энергии. В год пуска нефтеперегонной установки (1823) старшему брату Василию было 35 лет, Герасиму — 29, а младшему, Макару, всего 18 лет. Их отцу, Алексею Егоровичу, к тому времени шел 59-й год.

От отца они многому научились. Алексей Егорович был энергичным и предприимчивым человеком, подобно многим нижнеландеховцам занимался торговлей и ремеслами, смело уходил на «отхожие промыслы» в южные районы России. Да и сыновей приучил к этому. До приезда в Моздок, в 1818 году братья помогали ему на Херсонщине заниматься кожевенным промыслом. Участвовали в выделке кож, скупке сырья, продаже готовой продукции. Известно также, что в Моздоке братья вели мелкую торговлю.

Талантливые самоучки, унаследовавшие богатый опыт русских смолокуров, хорошо знавшие аппаратуру и методы перегонки органических веществ, братья Дубинины не растерялись в новой, непривычной для них обстановке. Они побывали в окрестностях Моздока, ознакомились с нефтяным месторождением на северном склоне Терского хребта (позднее это месторождение назвали Вознесенским). Здесь местное население издавна добывало нефть, сооружая «ямы-копанки» или неглубокие колодцы, и использовало ее как топливо. Братья Дубинины, увидели в нефти сходство с древесной смолой и решили попробовать перегонять её, так же как и смолу. В 1823 году они построили и ввели в действие первую на Северном Кавказе нефтеперегонную установку с целью получения из «черной натуральной нефти» более легкого и чистого продукта — «белой нефти», пригодной для использования в качестве осветительного масла (позднее этот продукт стал называться «фотогеном», а затем — керосином).

Местом расположения своего предприятия братья Дубинины избрали Моздок, видимо, потому, что населенный пункт, еще в 1785 году получивший статус города, имел хорошие связи с близлежащими территориями. Это обеспечивало и получение необходимых для завода материалов, и реализацию производимой продукции.

Найденная официальная переписка между республиканским музеем краеведения и центральным государственным историческим архивом СССР 1973 года поведала о пополнении архивных данных, высланных ЦГИА по случаю 150-летия строительства нефтеперегонного завода [2].

Что представляла собой нефтеперегонная установка братьев Дубининых? Основной ее частью был железный куб, вмазанный в кирпичную печь. Печь отапливалась дровами. При подготовке аппарата к пуску куб сверху заливался нефтью и закрывался медной полусферической крышкой, к которой присоединялась медная пароотводная труба. Эта труба проходила через конденсатор-холодильник — деревянную, наполненную водой, кадку. Здесь, для увеличения поверхности охлаждения, труба имела кольцевой оборот. Получаемый дистиллят («белая нефть») стекал в подставляемые под холодильник-кадку деревянные ведра.

Полезная емкость куба составляла 40 ведер (около 500 литров) нефти. За один цикл перегонки Дубинины получали 16 ведер (40 объемных процентов) готового продукта — «белой нефти». В кубе оставалось 20 ведер остатка — мазута. После завершения цикла перегонки его приходилось вычерпывать. Потери исходного сырья (из-за несовершенства аппарата) составляли 4 ведра [3].

Конечно, с современной точки зрения «завод» братьев Дубининых являлся весьма примитивным предприятием. Но для того времени это было принципиально новое, прогрессивное дело: Дубинины предложили использовать нефть не как таковую (сфера ее применения была довольно узкой), а вырабатывать из нее путем перегонки новые, более ценные продукты для широкого использования. В те годы таким продуктом являлось в первую очередь «масло» для освещения.

В восьмидесятых годах XIX века инженер-технолог Тифлисской Казенной палаты С. И. Гулишамбаров заинтересовался историей отечественного нефтяного дела. Он-то и обнаружил в архиве Канцелярии главного управления Закавказским краем многочисленные документы о заводе Дубининых, его описание и, что самое важное, чертеж [4]. Этот чертеж был впервые опубликован в его статье «Материалы для истории фотогенного производства».

В документах, хранящихся в Моздокском музее краеведения есть копии писем из Центрального государственного исторического архива СССР, из которых следует, что крестьянин Василий Дубинин являлся автором описания завода и чертежа [5]. Этот факт свидетельствует о том, что именно Василий, старший из братьев был инициатором и руководителем смелого и трудного начинания. Я не нашла в архивных документах точной даты (месяца и числа) пуска завода Дубининых. Однако в них определенно и весьма достоверно зафиксировано, что «железный куб» был построен братьями и начал действовать в 1823 году. Вполне логично будет предположить, что Дубинины строили завод летом, используя хорошую погоду, и одновременно, до осенней распутицы, заготавливали сырую нефть, а пуск завода осуществили осенью. Поэтому началом его работы следует считать, видимо, сентябрь или октябрь 1823 года [6].

В фондах Моздокской центральной библиотеки им. М. А. Горького при любезном содействии заведующего краеведческим отделом Николая Дмитриевича Иляшенко удалось найти познавательные статьи [7], из которых стало известно о том, что в Моздокский архив из Москвы была получена фотография макета завода. Этот макет экспонируется в отделе химии Московского политехнического музея. Он изготовлен в 1948 году мастерскими «Техничка». Модель нефтеперегонной установки братьев Дубининых экспонируется в Пестяковском краеведческом музее Ивановской области [8]. В этом музее проводилась выставка «Свет братьев Дубининых».

В первые годы работы завода дела у братьев Дубининых шли хорошо. Они вырабатывали несколько тысяч пудов керосина, вывозили его в Москву и Нижний Новгород, снабжали им города и крепости Северного Кавказа. Тяжелый остаток перегонки — мазут — также находил сбыт. Он реализовался на месте и использовался для смазки тележных колес и конной упряжи.

Позднее во второй четверти XIX века, на Кавказе сложились весьма неблагоприятные условия для производственной деятельности Дубининых. В районе Моздока проходила линия фронта русских войск. Военные действия против горцев, естественно, тормозили развитие добычи нефти. Немногочисленные действовавшие нефтяные колодцы были уже истощены. К тому же они являлись собственностью Кавказского линейного казачьего войска. Атаман войска сдавал их на откуп, а откупщики назначали на нефть неимоверно высокие цены. Своей же сырьевой базы Дубинины не имели. А самое главное — ни Правительство царской России, ни наместник Кавказа князь М. Воронцов никакой помощи, никакого содействия Дубининым не оказывали.

В марте 1844 года Дубинины направили наместнику Кавказа «Докладную записку» [9]. В ней они писали о своем безвыходном положении, просили помощи: «Мы подали полковнику Принцу объяснение, в котором, изложив кратко начало трудов в усовершенствовании способа очищения черной натуральной нефти в белую, в обучении тому ремеслу и других русских людей, в распространении того занятия здесь на Кавказе и в вывозе сего материала в течение 20 лет многими тысячами пудов во внутрь России, чем стеснили заграничный привоз сей потребности...» (по-видимому, здесь Дубинины имеют ввиду «фотоген», который в западно-европейских странах в то время получали путем сухой перегонки дерева, торфа, каменного угля) «...с унижение цены, которая от 120 руб. сделалась 40 руб. ассигнациями за пуд, — просили для усиления деятельности нашей дозволить нам из казенных источников в течение пяти лет черною нефтью ежегодно до 60 бочек безденежно или исходатайствовать

нам помощь выдачей из казны 7000 руб. серебром на 10 лет без процентов. А что действительно мы первые завели в Моздоке очищение нейти, обучали других людей и такое производство распространяем с 1823 года, в том представили письменные свидетельства Тамошнего местного начальства и городских жителей...».

Патриотизм Дубининых, понимание ими важности их начинания ярко показывает заключительная часть «Докладной записки»: «...деятельность в выделывании собственных отечественных произведений составляет народное богатство, а народное богатство есть сила государственная. Примеры убеждают нас, что во всех действиях, какого бы они роду не были, поощрение или награды придают вдвое силы и духа к новому преодолению великих препятствий, поощрение оживляет утомленные труды; часто за поощрения не щадят не только трудов, но и самой жизни...».

Однако никакие доводы Дубининых о необходимости поддержки нового и весьма перспективного дела не смогли преодолеть косности царского правительства. Они получили отказ на все их просьбы. Дело, развитию которого Дубинины посвятили почти четверть века, постепенно приходила в упадок и к 1848 году совершенно угасло. Известно единственное «поощрение» царского правительства: 25 октября 1847 года царь Николай I подписал указ о награждении «торгующего в Ставропольской губернии помещичьего крестьянина Василия Дубинина за введение на Кавказе улучшенного способа очищения черной нефти серебряной медалью для отношения в петлице на Владимирской ленте с надписью «За полезное» [10]. Если бы вместо этой «милости» царь оказал Дубининым финансовую помощь да освободил их от крепостной неволи, то, без всякого сомнения, они смогли бы значительно усовершенствовать свое производство.

Но недальновидное царское правительство не имело желания пойти на такой шаг, так как оно не верило в силу таланта простых русских людей, не доверяло им, а крепостная система исключала саму возможность освобождения крестьян из неволи.

О дальнейшей судьбе братьев Дубининых никаких сведений в архивах не нашлось. Но их утверждение, что они обучали нефтеперегонному делу «других русских людей», подкрепляется сообщением видного русского ученого XIX века химика и минералога Р.Ф. Германна. В своих записках, относящихся к 1830 году, он отметил: «в десяти верстах от крепости Грозной есть нефтяной источник. Этот источник дает в день 20 ведер нефти, из которой приготовляется в устроен-

ном близ источника помещении чистое горное масло. Остающийся от перегонки асфальт тут же употребляется вместо топлива под аппаратом для перегонки». Значит, ученики Дубининых, оставшиеся неизвестными используя их опыт, наладили в те годы вблизи крепости переработку грозненской нефти.

В книге «Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности» профессор С. М. Лисичкин писал: «Способ перегонки нефти, открытый Дубиниными, и его аппаратурное оформление оказали огромное влияние на все последующее развитие нефтеперегонного дела. Строительство больших нефтеперегонных заводов пошло позднее по принципу, установленному Дубиниными. Этот принцип в нефтепереработке сохранился вплоть до последней четверти прошлого столетия [11]».

Приоритет Дубининых в области нефтепереработки признан и зарубежными историками науки и техники. В 1908 году в Берлине был издан капитальный «Справочник по истории естествознания и техники». События и факты в нем расположены в хронологическом порядке. Вот что значится под 1823 годом: «Братья Дубинины построили в Моздоке первую установку по перегонке нефти. Технология перегонки была еще очень примитивна. В Америке первые попытки перегонки нефти были предприняты Силлиманом в 1833 году».

А вот более поздний печатный источник, американский. В статье В. Гроссена «Нефть — столетний юбиляр», опубликованной 1959 году: «В 1853-1854 гг. Г. А. Гирн из Кольмара уже производил перегонку минеральных масел, добытых в Ламперстолохе. Еще до него, в 1823 году на Кавказе было основано примитивное нефтеперегонное производство».

Решением исполкома Моздокского городского Совета депутатов трудящихся Северо-Осетинской АССР учитывая исторические заслуги братьев Василия, Герасима и Макара Дубининых в развитии нефтеперерабатывающей промышленности России, а также ходатайство Грозненского научно-исследовательского института, было решено переименовать улицу Боинский тупик и назвать ее именем братьев Дубининых. На этой улице было решено также учредить мемориальную доску с текстом: «Эта улица названа в честь братьев Василия, Герасима и Макара Дубининых, построивших в Моздоке первый в мире нефтеперегонных завод в 1823 году». Архивная копия Решения [12] находится в РГБУ «Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания».

В память о пионерах нефтепереработки в августе 1983 года в городе Моздоке в детском парке возле школы-интерната № 1 установлен памятник братьям Дубининым, автором которого является скульптор Михаил Николаевич Дзбоев.

Именем братьев Дубининых названа улица и в городе Грозном, на которой располагался Грозненский нефтяной научно-исследовательский институт [13]. Грозный — город нефтяной, и хорошо, что одна из улиц города носит имена обычных крепостных крестьян, сделавших прорыв в нефтепромышленности.

В ходе проведения исследовательской работы на электронный адрес Государственного архива Ставропольского края мною был отправлен запрос о предоставлении архивных сведений о великом открытии братьев Дубининых. И, хотя, ответ пришел отрицательный, на сайте Государственного архива Ставропольского края удалось найти статью к 190-летию со времени изобретения братьями Дубиниными нового способа очищения нефти с целью получения керосина. Данная статья показывает неиссякаемые интерес современности к истории родного края.

Архивные документы являются частью уникального и невосполнимого культурно-исторического наследия, передаваемого от одного поколения к другому. С помощью важнейших исторических документов, найденных в фондах Муниципального архива Администрации местного самоуправления Моздокского района РСО-Алания, в краеведческом отделе Центральной районной библиотеки им. А. М. Горького и в электронных архивах сети Интернет удалось восстановить и понять историческое прошлое открытия нефтеперегонного завода на основе достоверности фактов и событий.

Прошло 190 лет со времени создания нефтеперегонной установки братьев Дубининых. Отечественная нефтеперерабатывающая промышленность является сейчас одной из крупнейших и технически совершенных отраслей индустрии. Многочисленные нефтеперерабатывающие заводы и нефтехимические комбинаты, имеющие многомиллионные мощности, построены и действуют во многих республиках и областях нашей страны. И в наши дни мы с благодарностью должны вспомнить и высоко оценить трудовой подвиг наших далеких предшественников — одних из первых нефтепереработчиков мира — крепостных крестьян братьев Василия, Герасима и Макара Дубининых.

Братья Дубинины были патриотами своей родины. Ее интересы они ставили превыше всего.

Жизнь и деятельность братьев Дубининых — яркая и знаменательная страница в истории нашего города. И я ее очень горжусь. Пример братьев Дубининых показывает, что, находясь в непрерывном и активном общении с природой, простые русские люди глубоко постигали ее законы и свойства. Даже на чужбине, живя и трудясь в необычных условиях, они делали замечательные открытия и изобретения, обогащая мировую культуру.

Список использованной литературы и интернет-ресурсов

- 1. Википедия-Керосин/http://ru.wikipedia.org
- 2. Республиканский музей краеведения в Центральный государственный архив Октябрьской революции, запрос от 10.07.1973 г. (Номер единицы хранения ММ 1116/1)
- 3. Республиканский музей краеведения в Центральный государственный архив Октябрьской революции, запрос от 11.07.1973 г. (Номер единицы хранения ММ 1116/2)
- 4. ЦГИА СССР в Республиканский музей краеведения, ответ №1396 от 22.08.1973 г. (Номер единицы хранения ММ 1116/3)
- 5. Интересные факты. История нефтепереработки //http://www.вашехобби.pф/interesnye-fakty/istoriya-neftepererabotki
- 6. Гулишамбаров С.И., Краткий очерк развития керосинового производства на Кавказе, «Записки Русского технич. об-ва», 1888, вып. 2; Пархоменко В. Е., Переработка нефти, 2 изд., М.-Л., 1948.
 - 7. ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 2, д. 602, лл.1-9.
- 8. Кострин К. // Ежемесячный производственный журнал Нефтяник1973 г. №8.
- 9. Баронин Б. Первый нефтеперегонный // Газета «Ленинская правда»/12.12.1972 г. (Номер единицы хранения ММ 1116/5)
- 10. Баронин Б. Завод братьев // Газета «Ленинская правда»/28-29.09.1973 г. (Номер единицы хранения ММ 1116/6)
- 11. Братья Дубинины создатели первого в мире керосинового завода. //http://museum.chintz.ru/grant/pestyaky/pestyaky.htm#dub
 - 12. ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 2, д. 602, л.6.
 - 13. ЦГИА, ф. 1268, оп. 2, д. 602, лл.1-9.
- 14. Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. М.-Л: Гостоптехиздат, 1954. 404 с.

СОСЛАН ХАДАРЦЕВ, ученик МБОУ СОШ гимназия № 5 (г. Владикавказ)

ИСТОРИЯ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ГОСПИТАЛЯ

Ежегодно 23-го февраля, учащиеся гимназии № 5, в которой я учусь, навещаем с подарками военнослужащих, находящихся на лечении в госпитале по улице Церетели. Когда я побывал в госпитале, я обратил внимание на надпись мемориальной доски «Здесь на территории военного госпиталя в 1847 году работал основоположник отечественной военно-полевой хирургии — Николай Иванович Пирогов». О своих впечатлениях от посещения госпиталя я рассказал деду. Каково же было моё удивление, когда он рассказал о том, как его детство, пришедшее на годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., оказалось тесно связанной с историей госпитального дела в Северной Осетии.

Моему деду, Хадарцеву Мурату Алихановичу, в 1942 году было всего 14 лет. Он жил в селении Даллакау, где живет и по сей день. Его отца и дядю репрессировали в 1937 году, и он был старшим в семье Хадарцевых в количестве 10 человек. В 1942 году, несмотря на свой юный возраст, он был бойцом партизанского отряда. К этому времени фашисты захватили селение Дзуарикау, являющееся воротами Куртатинского ущелья. Наравне с взрослыми он выполнял поручения командира партизанского отряда Губиева Михаила Хадзибечировича. Осуществлял доставку боеприпасов и продовольствия в партизанский отряд по горной дороге проложенной военными и местными жителями по лесистому горному хребту. Ему подростку приходилось управляться с повозкой и грузами. Так же он вывозил раненых с поля боя у селения Дзуарикау и возил их в местную Даллагкаускую сельскую больницу.

Из воспоминаний деда. «Однажды, выполняя очередное задание командира, я перевозил раненных бойцов и увидел в бинокль женщину, которая стоя на коленях, удерживала свою корову, а над ней стоял гитлеровец, наставивший дуло автомата на эту бедную женщину. Он кричал, что- то непонятное. Женщина умоляла на родном осетинском языке, чтобы он не забирал корову, ведь это последнее что у нее осталось. Когда моя бричка отъехала от них, я услышал пулеметную очередь и все затихло. Я боялся обернуться, но когда обернулся, увидел лужу крови, мертвую женщину и вместе с ней ее корову, тогда понял, как жестока эта война. На что только не пойдет человек, чтобы получить кусок хлеба. В 14 лет я узнал, что такое смерть, на моих глазах убили человека, не солдата, а женщину».

Наверное, впечатления, полученные и от визитов в госпиталь, и от рассказов деда явились поводом для изучения истории госпиталей. Работа моя является, прежде всего, краеведческим исследованием. Мои попытки проследить историю становления и развития военных лечебных заведений в моем родном городе по печатным изданиям не увенчались успехом. Единственный труд на который я нашел ссылку в интернете — это неизданный очерк врача-психоневролога Моисея Домбы (Мусса Хаким- литературный псевдоним) «Н.И. Пирогов во Владикавказе». Мои беседы со сверстниками на эту тему продемонстрировали, что и они мало, что знают о госпиталях. Но ведь чествуя участников и героев ВОВ надо помнить, что спасенными жизнями они благодарны врачам госпиталей.

Приступив к поиску материалов по избранной теме, я обратился к архивным документам. Я изучил документы фондов: «Управления начальника Владикавказского округа», «Личный фонд профессора М. Г. Домбы», «Министерства здравоохранения СО АССР» и др.

История Владикавказского военного госпиталя тесно связанна с историей города, возникшего на месте военной крепости заложенной в 1784 году. Интересно описание этого события приведено В. П. Потто, который в своем труде «Два века терского казачества» описывает закладку крепости: «Здесь, 6 мая 1784 года после торжественного молебна с водоосвящением при громе русских пушек заложено было четвертое последнее укрепление, названное Владикавказом.

Крепость имела форму многоугольника, в ней располагался гарнизон, на вооружении крепости было 12 пушек. По уставным положениям того времени при крепости был развернут местный лазарет, который обеспечивал «ратников» медицинской помощью, а руковод-

ство лазаретом возлагалось на классного фельдшера. Военные врачи (их называли медицинскими чиновниками) в такие лазареты приезжали периодически.

Военно-временный госпиталь при Владикавказской крепости был развернут в 1808 году, на плане крепости от 15 июня 1808 года уже имеется здание лазарета. Есть и документ, который позволяет уточнить, на сколько коек был развернут этот госпиталь. По мнению коменданта крепости генерал-майора графа Ивелича, «... весьма достаточным и для казны выгоднейшим установить оной гоф-спиталь на 300 человек...»[1]. Обветшавшие помещения лазарета требовали ремонта или строительства новых помещений так, 8 сентября 1845 майор комендант города Владикавказа Михаил Семенович Нестеров, обратился к Начальнику Главного Штаба Войск на Кавказе господину Генерал-лейтенанту кавалеру Гурко (главнокомандующему войсками на Кавказе в городе Тифлис), с предложение о построении новых госпитальных помещений в крепости Владикавказ [2].

6 ноября 1845 года было получено разрешение на строительство новых госпитальных помещений в крепости Владикавказ и выделено было 40 тыс. серебром [3].

Строительство госпитальных помещений было поручено полевому инженеру подпоручику Сокольскому (ЦГА РСО-А Ф.290, Оп.1. Д.80. Л.5). Первоначальный проект предусматривал постройку 5 флигелей 1 офицерский и 4 солдатских, но он был пересмотрен и одобрен проект Сокольского и ему же поручено было его осуществить. По новому проекту было построено 4 флигеля (3 солдатских и 1 офицерский), но с тем же количество размещения больных [4].

Госпиталь строился силами военнослужащих Кавказского линейного №4 батальона, Тенгинского и Навагинского пехотных полков, Грузинского линейного № 15 батальона. Тот факт, что здания первого госпиталя находились на территории крепости, предположительно, в районе нынешней улицы Бутырина, свидетельствует тот факт, что в обращении Сокольского к начальнику крепости М.С. Нестерову с просьбой о постоянном пребывании на строительстве кузнеца Прокофия Волкова, указано: «..., что в числе низших чинов линейного № 4 батальона, находились г/инженера подпоручика Сокольского, при постройке госпиталя в крепости Владикавказ, находится рядовой кузнечного мастерства Прокофий Волков в ком большая нужда в кузнечном деле...»[5].

Окончено строительство госпиталя в крепости Владикавказ в августе 1847 года.

В деятельности госпиталя прослеживается три периода. Первый от момента развертывания госпиталя до преобразования его в окружной госпиталь Терской области. Второй период — охватывает время действия окружного госпиталя Терской области. Третий — после революционный (1917 г.) по настоящее время. Важным событием первого периода является посещение в ноябре 1847 года Владикавказского госпиталя великого русского хирурга Николай Иванович Пирогов. Сам он весьма сухо описал свое пребывание во Владикавказе в очерке «Отчет о путешествии по Кавказу». «В первых числах ноября, мы отправились из Тифлиса в Ставрополь. По пути между Тифлисом и Ставрополем мы осмотрели Владикавказский военный госпиталь. Во Владикавказе из операций произведенных нами под влиянием эфирных паров, замечательно вырезание зоба. Это был первый случай, который мы встретили на Кавказе у одной 17 летней девушки. Когда мы выехали из Владикавказа, дама находилась уже в хорошем состоянии. Во Владикавказском военном госпитале мы употребили также эфирование в двух случаях, а именно притворной неподвижности плечевого и локтевого суставов». За этими скупыми фразами, несомненно, стоят конкретные люди, встречи, события, подробности о которых хотелось бы знать. Сохранить детали пребывания Н. И. Пирогова помог народный художник Осетии Махарбек Туганов, а донес их до нас его близкий друг, известный врач, психоневролог и физиотерапевт Моисей Григорьевич Домба, так же он занимался и литературной деятельностью. Он работал над книгой о биографии и пребывания Пирогова во Владикавказе. М. Г. Домба задумал написать «повесть» к 150 — летию со дня рождения Н. И. Пирогова. Рукопись для рецензирования он отослал Михаилу Константиновичу Делю, председателю комиссии по увековечиванию памяти Н. И. Пирогова и организатору музея дома-усадьбы в г. Виннице, в связи с чем между ними завязалась переписка. В своей работе Домба пишет: — «Память Николая Ивановича Пирогова для меня священна. Этот великий гуманист, как солнце, появившееся в 1847 г. в г. Владикавказе, несмотря на всю краткость пребывания его, здесь предопределил на ряд десятилетий развитие медицинской мысли в этом, в то время глухом и отдаленном уголке Империи Российской.

До начала 20 столетия цитаделью развития здешней медицинской мысли был Владикавказский военный госпиталь. Традиции Николая

Ивановича свили прочное гнездо, и недаром в нем был впервые изобретен инъекционный шприц с полой иглой и риханотрефин, бывший в течение десятилетий на вооружении хирургов всего цивилизованного мира. Недаром с 1847 года и до 1917 научно-практические конференции, регулярно созываемые госпитальными врачами два раза в месяц, благоговейно назывались «Пироговскими чтениями».

Так как мне посчастливилось узнать некоторые детали о коротком пребывании «Чудесного доктора» я счел долгом своим записать их на бумаге, создав небольшое произведение «Николай Иванович Пирогов во Владикавказе». Об этих деталях мы можем узнать из переписки М.Г. Домба с М.К. Далю:

— «...мой близкий друг Махарбек Туганов, за год до своей кончины в 1951 году перевел мне фрагменты из дневника своего деда Аслангирея Туганова. О созванными Тугановым в 1932 году конным дигорским ополчением, разгромившими двигавшихся на штурм Владикавказа войска Гази-Магомета. Дневник был написан на дигорском диалекте осетинского языка арабской вязью. Совершенно попутно, полагая, что это для меня интересно Махарбек перешел к записям 1847 года, когда Аслангирей, писал о своих и его брата Асламбека Туганова встречах с Пироговым. Три встречи, первая на обеде у коменданта, вторая на конференции в госпитале и на прощальной встрече перед отъездом». Эти встречи Домба описал, использовав записи со слов М. Туганова — «8 ноября 1847 года в Тифлиские ворота Владикавказское крепости въехали три экипажа. То были Академик и профессор С-Петербурской Медико-хирургической Академии. Главный врач хирургического отделения Санкт-Петербургского 2-го Военно-сухопутного госпиталя, Член Медицинского совета, Действительный Статский Советник и Кавалер Н. И. Пирогов, его ассистент Надворный Советник профессор Петр Юлавич Неммерт и классный фельдшер Коллежский, регистратор Калашников. Первое знакомство с крепостью и ее жителями было устроено для Пирогова в доме коменданта крепости Нестерова, который был не только радушным хлебосолом, но и человеком политичным. Хорошо зная живой интерес Пирогова к жизни и быту кавказских народов Нестеров, собрал у себя дома малую, но в тоже время разнохарактерную компанию. Ему хотелось показать именитому гостю основные элементы, нового зарождающегося горского общества. И в этом он преуспел. Гости его являли собою представителей разных сословий и разных общественных взглядов. Это ретивый генерал-майор Асламбек в

крещении Игнатий Туганов — дигорский землевладелец, его младший брат Аслангирей, настоятель осетинской церкви благочинный отец Алексей Колиев (ему было 24 года), его молодые сподвижники Даниил Гонгадзе и Василий Цораев, а также начальник крепостного отряда горской милиции майор Базоркин. На этой встрече Асламбек Туганов обратился к Пирогову с просьбой, чтобы их родственница по матери, дочь крепостного казначея Софья Щелпочева, которая лежала в местном военном госпитале с какой то тяжелой болезнью, спасти от которой ее могла только операция. Пирогов согласился прооперировать ее со следующими словами: «Пусть мой труд станет скромным подарком осетинской молодежи, которую я сегодня узнал и полюбил. Размер гонорара за операцию я доверяю определить Вашей щедрости и великодушию, а передадите Вы ее инспектору и учителю местного духовного училища отцу Алексею, дабы он употребил эти деньги на переводы учебников для осетинских детей и вообще на дела просветительные». И как уже упоминалось выше, ей была проведена операция и еще двум офицерам казачьему есаулу Сердюку Шан Григорьевичу и пехотному прапорщику Володе Евдокимову с огнестрельными ранениями.

Пирогов не только оперировал, но и попутно объяснял и обучал новым приемам операций, делился новостями медицины с врачами госпиталя, но и учился сам. Ему показали как местные «знахари» заворачивали и крепко фиксировали в шкуре барана поломанные конечности. Это привело его к мысли о сильном накрахмаливании бинтов и создание гипса. В конце пребывания ученых гостей во Владикавказе состоялась конференция лекарей госпиталя и врачей войсковых частей гарнизона. Помимо медиков в конференц-зале госпиталя собрались любознательные штаб- и обер- офицеры, прекрасные дамы и уже старые знакомые Пирогова. Длилась конференция 4 часа, в течение которых Николай Иванович вел лекцию живо, увлекательно, доступно для понимания слушателей. Закончил лекцию он следующими словами: — «Вам господа военные врачи нового Владикавказского военного госпиталя выпала редкая честь участвовать в построении крупнейшего армейского лечебного заведения, которому, я в том убежден уготована на многие десятилетия блестящая роль образцового очага практической медицинской мысли и вы должны показать себя достойными этой чести. Таков мой вам завет, и если вы уразумели сказанное не только рассудком, но и сердцем, то я считаю дни, проведенные в вашей семье и для ваших гостей и для

Вас...». Окончание речи ученого утонуло в шуме бурной нескончаемой овации, аплодировали стоя.

Проводить Пирогова явились все жители крепости, в подарок ему преподнесли прекрасной работы синей вороненой стали ружье, а Асламбек Туганов подарил Калашникову пистолет из собственной коллекции»[6]. Славные традиции, заложенные Пироговым, продолжили его последователи. В 1851 году врач Владикавказского военного госпиталя Лазарев предложил впервые в истории медицины шприц «для подкожных иньекций», опередив на четыре года англичанина Вуда. А в 1871 году для окружного госпиталя Терской области строится новый корпус и выделяется территория в районе бывшей Госпитальной улицы, ныне улица Титова. Во второй период развития госпиталя врачи его в основном выпускники военно-медицинских академий Московского, Петербургского, Киевского университетов, активно внедряли достижения современной им медицины, особенно в борьбе с инфекционными заболеваниями — холерой, дифтерией, проводили профилактическую работу среди населения по предупреждению чумы. В госпитале были развернуты отделения: заразное, хроническое, женское, грудное, венерическое и лихорадочное. Самостоятельные отделения были открыты для офицеров и арестан-

С 1883 года госпиталь имеет 3 класс (600 коек). Оказывая медицинскую помощь военнослужащим, военные врачи проводили лечение больных и раненных горцев, оказывая стационарную помощь бедным. Приходилось вести колоссальную работу с невежеством и предрассудками. Вспоминая об этом времени на съезде врачей Терской области Н.А. Поляков говорил; «...было время, нам во Владикавказе пришлось пережить его, когда мы не могли получить больного в госпиталь. Прошло некоторое время, недоверие исчезло и от больных не стало отбою». О большой общественной деятельности военных врачей говорит и такой факт. В 1885 году старший ординатор госпиталя Н. В. Яшин организовал приют для престарелых и душевно больных и был бессменным попечителем вплоть до 1919 года. Его благородную миссию отметила общественность Владикавказа и уже после Октябрьской революции улица Низовая стала называться Яшина.

В период холерных эпидемий (1892,1910 гг.) военные врачи активно включались в работу по проведению противоэпидемических мероприятий и энергично лечили холерных больных. В 1893 году при

Владикавказском военном госпитале открыты отделения для психиатрических больных, в котором работами ученики В.М. Бехтерева Денов, Солодко, Соболевский, Мансуров. Последний уже после революций, оставшись на жительство во Владикавказе, стал видным организатором психоневрологической помощи на Северном Кавказе [7].

Список некоторых глав.врачей

ОИФ	Дата рождения	Звания и награды	Период службы	
1	2	3	4	
Козловский Каземир Станиславович	28.02.1825 г.	Доктор медицины Награжден орденом святой анны второй степени	4.05.1868-1.01.1879 гг.	
Шмидт Эдуард Егорович	5.04.1832 r.	Награжден орденами Св. Анны 2 ст., Св. Владимира 4 ст., Св. Станислава 2 и 3 ст., орденом Персидского Льва и Солнца 2 ст.,	13.01.1885-28.02.1890 гг.	
Текутьев	5.03.1853 г.	Не известно	11.04.1904-1914 гг.	

Основание [8]:

В годы первой империалистической (мировой) войны в госпитале лечилось много раненых с различными нейрохирургическими повреждениями. В этот период впервые во Владикавказе и одним из первых в России военные врачи Восторгов и Салтыков довольно широко осуществляли военную нейрохирургию. Широко применялось физиотерапевтическое лечение. Отделением физиотерапии руководил врач А.Я. Шмиргельд.

19 декабря 1914 года госпиталь посетил император Николай II.

В 1920 году госпиталь вошел в состав медицинских учреждений Красной Армии. В годы гражданской войны основное внимание врачей было направлено на борьбу с инфекционными заболеваниями сыпным и возвратным тифом. Самоотверженно работали врачи госпиталя, оказывая помощь, бойцам Красной Армии, часто подвергая свою жизнь опасности. При лечении больных сыпным тифом заболели врачи Г. Антиох-Вербицкий и Л. Савальский. Савальский умер, а у Антиох-Вербицкого сыпной тиф вызвал тяжелые осложнения.

В конце 20-х годов XX в. учреждение было реорганизовано в гарнизонный госпиталь. В этом качестве его застала Великая Отечественная война. Коллектив, выполняя основную задачу, подготовил и отправил на фронт несколько полевых госпиталей. С июля 1941 года по апрель 1942 госпиталь находился в г. Орджоникидзе, оказывая помощь раненым, пребывавшим с фронта, с приближением фронта к городу в 1942 году был эвакуирован и сам начал боевой путь от Кавказа до предгорий Карпат, преодолев более трех тысяч километров. Этапы пути: Дербент, Грозный, Краснодар, станица Варениковская, Черновцы. 25 июля 1945 года директивой штаба Ставропольского военного округа от 07.09.1945 г. был сформирован 12-й гарнизонный лазарет на 50 коек для медицинского обслуживания частей гарнизона в г. Дзауджикау СОАССР [9].

Изучая документы Наркомздрава СОАССР, из них следует, что Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков потребовала от советских людей колоссального напряжения сил и средств. В эти тяжелые для страны дни вся жизнь и деятельность были подчинены лозунгу «Все для фронта, все для победы». Первой задачей выдвинутой войной перед органами Здравоохранения являлось быстрая организация тыловых госпиталей для лечения раненых. Во второй половине 1941 года г. Дзауджикау (Орджоникидзе) было развернуто два госпиталя №1620 на 500 коек и №1621 на 200 коек.

Развернувшиеся военные действия на обширном фронте вскоре потребовали увеличения госпитальной сети, в связи с чем, решением правительства Наркомздраву Северо-Осетинской АССР был дан дополнительный план формирования госпиталей (2-ой очереди). По этому плану во второй половине 1941 года одновременно развертывается еще 3000 коек.

Таким образом, госпитальная сеть Наркомздрава Республики в первой половине 1942 года уже имела 13 госпиталей со штатной численностью 6700 коек [10].

В нынешнем художественном училище по ул. Маркова был организован приемный пункт, куда поступали все раненые в ожидании развозки их по госпиталям города. Госпиталь № 386 располагался по улице Церетели 8 [11], в здании осетинского Пединститута [12]., в школе №18 [13], в школе №30 [14]. К моменту полного развертывания госпитальной сети (1942 г) врачей состояло 80% от требуемого количества. В абсолютных цифрах укомплектованность госпиталей определялась следующее:

	По штату	фактически
Врачей	194	163
В т.ч. хирургов	66	66
Средний медперсонал	639	635

В период Отечественной войны проводились множество курсов повышения хирургической квалификации врачей и медперсонала. Наряду с теоретическими основами получали практические навыки по хирургии и в своих профилированных отделениях. За тот же период в госпиталях проведено 218 внутригоспитальных научных конференций и 20 конференций, объединенных с врачами города. Вне города на съездах и конференциях врачами госпиталей было сделано 34 научных доклада. Кроме врачей подготовлено путем курсов и индивидуальной специализации, 46 медсестер по лечебной физкультуре, 18 сестре по физиотерапии, 16 по массажу, 58 по гипсовой технике, 10 наркотизаторов, и 13 операционных сестер, 16 перевязочные и 127 по переливанию крови. Врачами госпиталей на богатом госпитальном материале написан целый ряд научных работ и небольших статей, имеющих большое практическое и научное значение. Так, врачами госпиталя №1620, оформлено свыше 10 научных работ, из которых 6 напечатано и принято для опубликования в медицинской печати. Кроме того, 2 работы оформлены, как докторская и кандидатская диссертация (Питенко и Лебедева) и на материале госпиталя оформляются еще 2 кандидатские диссертации врачей мединститута (Кочергина и Дзилихова). Таким образом, из этого небольшого обзора видно, что госпиталями Северной Осетии проведена во время войны большая эффективная, по своим результатам, научно-исследовательская работа, внесшая определенный вклад в развитие нашей военной медицины, способствовавшему окончательному разгрому ненавистного фашизма. В большинстве госпиталей, развернутых НКЗ Северо-Осетинской АССР, были оборудованы все необходимые для надлежащей постановки лечебной работы подразделения, как-то: лаборатория, кабинеты по физиотерапевтическому лечению, кабинеты по лечебной физкультуре, зубкабинеты, ренгенкабинеты и др. те из госпиталей в которых отдельные из этих кабинетов не могли быть в полной мере обеспечены всем необходимы, были прикрепленные, в части того или иного обслуживания к соседнему, более оснащенному

госпиталю и местным предприятиям и организациям, которые обеспечивали всем необходимым. На средства предприятий и простых жителей г. Владикавказа оборудовались госпитали кроватями, мебелью, питанием больных и уходом за ними. Госпиталями НКЗ Северо-Осетинской АССР за время отечественной войны было обслужено большое количество раненых и больных. Дать точную цифру всех больных находящихся на излечении в этих госпиталях не представляется возможным ввиду того что при эвакуации этих госпиталей из г. Дзауджикау по некоторым госпиталям (№5048,№5049,№5051) документации о движении ранбольных не сохранилось. После эвакуации в Орджоникидзе (Дзауджикау) были возвращены только 2 госпиталя №1620 и №1621, каковые продолжали свою работу и до расформирования [15]. В газете «Социалистическая Осетия» от 5 ноября 1980 г. есть статья полковника медицинской службы в отставке г. Ленинграда И. Озорина. В своих воспоминаниях о своей службе он пишет: «...К концу 1942 года сложилась очень тяжелая обстановка с обслуживание многочисленных раненых, скопившихся в медучреждениях Куртатинского ущелья в результате захвата противником города Алагир и блокирования шоссе в г. Орджоникидзе. Для разгрузки госпиталей командование 37 Армии вынуждено было организовать новый путь их эвакуации через горы. Естественно медицинское командование 37 Армии учитывая наш опыт эвакуации раненых в горах, направило медгруппу из состава нашего госпиталя в горы с задачей организовать медобслуживание и эвакуации раненых в с. Даргавс, с. Кобань. Медгруппа организовала свою основную базу дислокации в школе с. Даргавс, где также разместилась санитарно-транспортная группа. Группа работала здесь с декабря 1942 года по январь 1943 года, обеспечивая медобслуживание раненых. Можно с гордостью сказать. Что с этой задачей медгруппа справилась успешно и ни один тяжело раненый в пути не погиб, все раненые успешно были эвакуированы в г. Орджоникидзе». И. Озорин вспоминает о сердечном гостеприимном отношении местных жителей горных сел. Медгруппа и им оказывала помощь при их и так крайней ограниченности каких-либо терапевтических медикаментах и отсутствия возможности лабораторных исследований. В конце своей статьи он писал: «...Достаточно сказать, что провожать нас пришло практически все население. На наших глазах и глазах многих местных жителей блестели слезы. Мне не стыдно об этом вспоминать и теперь, по прошествии более 37 лет, я об этом пишу с гордостью и мечтаю побывать там еще раз, обнять милых моему сердцу друзей — осетин». Роль госпиталя в развитии здравоохранения на Кавказе и в Северной Осетии неоценимо, как Крепость Владикавказ стала началом города, так и госпиталь стал очагом развития здравоохранения на Северном Кавказе и в частности в нашей республике.

Примечания

- 1. Материалы Владикавказской госпитальной библиотеки.
- 2. Национальной научной библиотеки РСО-Алания.
- 3. Центрального Государственного архива РСО-Алания.
- 4. ЦГА РСО-А Ф. 290, Оп. 1, Д. 80, Л. 1.
- 5. ЦГА РСО-А Ф.290, Оп.1, Д.80 Л.2, 2 об.
- 6. ЦГА РСО-А Ф.290, Оп.1. Д.80, Лл.17, 18.
- 7. ЦГА РСО-А Ф.290, Оп.1., Д.80, Л.83.
- 8. ЦГА РСО-А ФР.960, Оп.1, Д.8 Лл.36, 46, 48-50, 77, 80, 83, 95-100, 102, 111, 115, 117.
 - 9. ЦГА РСО-А Ф.238. Оп.1, д.21, 46, 40.
 - 10. ЦГА РСО-А ФР. 580, Оп. 1, Д. 83. Л. 1-14
 - 11. Центр ИПД ГАНИ РСО-А.
 - 12. ФП. 1, Оп. 4, Д. 288, Л. 82.
 - 13. ФП. 1, Оп. 4, Д. 288, Л. 58.
 - 14. ФП. 1, Оп. 4, Д. 288, Л. 18.
 - 15. ФП. 1, Оп. 4, Д. 288, Л. 21.

23-26 октября в г. Тбилиси (Грузия) состоялся III Международный конгресс кавказоведов «Мультикультурализм и толерантность на **Кавказе**», проведенный Институтом кавказоведения гуманитарного факультета Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили и Институтом языкознания им. А.С. Чикобава, собравший ученых со всего мира.

Столь престижный форум проводится каждые 3 года. Это своеобразный отчёт кавказоведов об их вкладе в общую науку о Кавказе.

На конгрессе были представлены историки, этнологи, археологи, лингвисты, фольклористы, искусствоведы практически из всех государств кавказского регион и из других стран — Польши, Белоруссии, Израиля, США. В течение четырёх дней шли оживлённые обсуждения заслушанных докладов, высказывались замечания и пожелания для последующих работ.

В работе Конгресса приняли участие и сотрудники СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-А — ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания, доктор филологических наук Елена Бутусовна Бесолова и старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы, кандидат филологических наук Мадина Владимировна Дарчиева.

В рамках работы секции фольклора и литературы к.ф.н. М.В. Дарчиева выступила с докладом «Организация пространства игрищ и танцев (хъазт) в осетинских эпических текстах». Д.ф.н., профессор Х. Мамисимедишвили отметил при обсуждении оригинальность и глубину темы. Доклад был выделен и, по представлению директора Института Кавказоведения Ц.Р. Барамидзе, напечатан в «Кавказоведческих разысканиях».

С 31 октября по 10 ноября 2013 года группа ученых из Северо-Осетинского института гуманитарных и Социальных исследований

им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО — А была направлена в Турецкую Республику для этнографического, фольклорного и лингвистического изучения осетин эмигрировавших в Османскую империю в середине XIX века и во время Октябрьской революции 1917 года.

«Экспедиция в Турцию с целью комплексного изучения анатолийских осетин (этнография, язык, фольклор)» была проведена при поддержке программы целевых расходов Президиума РАН 2013 года «Организация научных экспедиций и содержания научных стационаров».

Руководителем экспедиции стал ведущий научный сотрудник отдела источниковедения, кандидат исторических наук, турколог Г.В. Чочиев, ее участниками — старший научный сотрудник отдела источниковедения, кандидат филологических наук Д.В. Сокаева, старший лаборант отдела осетинского языкознания Э.Т. Гуриева и стажер-исследователь отдела этнологии, член Совета молодых ученых СОИГСИ Э.И. Тавасиева.

В Республиканском Дворце Детского творчества состоялось закрытие XI Регионального конкурса молодых исследователей «Ступень в науку», проводимого среди учащихся школ Северной Осетии. Сотрудники СОИГСИ были привлечены организаторами конкурса в качестве консультантов.

После завершения конкурса от имени СОИГСИ им. В.И. Абаева победителям среди гуманитарных дисциплин вручили сертификаты на приобретение научной литературы СОИГСИ.

11 февраля 2014 г. в рамках Дней российской академической науки в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО — Алания состоялась Зимняя школа-семинар молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования».

Организатором мероприятия выступил Научнообразовательный центр СОИГСИ «Гуманитарий», который с каждым годом расширяет круг участников Школы-семинара.

Участниками ежегодного научного мероприятия стали молодые ученые, преподаватели, аспиранты и магистранты из Чеченского государственного университета, Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Южного федерального университета, Южного научного центра РАН, Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова и СОИГСИ им. В. И. Абаева.

Гостями мероприятия стали — директор Республиканского дворца детского творчества А. А. Гучмазова и учителя городских школ.

Основными направлениями в работе школы-семинара стали: изучение социально-культурной истории Кавказа; сохранение и изучение историко-культурного наследия; социально-экономическое, по-

литическое и этнокультурное развитие Осетии в период общественных модернизаций; мониторинг социальной и этнополитической ситуации на Северном Кавказе; фундаментальные и прикладные исследования теории, структуры и исторического развития языков народов Кавказа; духовные и эстетические ценности литературы и фольклора народов Кавказа.

Директор СОИГСИ, д.и.н., профессор З.В. Канукова поздравила присутствующих с Днем российской академической науки: «Этот праздник мы проводим в исключительно деловой обстановке. Наша задача — плодотворно поработать и оказать вам всестороннюю поддержку. За последние полгода многое произошло в научной жизни нашей страны, в том числе проводится реформа РАН. Но по какому бы варианту не пошли преобразования, совершенно неизменным остается одно — это поддержка молодых ученых. В этом совершенно сходны в своих мнениях и Академия наук, и Министерство образования и науки РФ, и новое Федеральное агентство научных организаций».

Профессор КБГУ, д.и.н. П.А. Кузьминов пожелал успехов молодым исследователям и призвал не только внимательно слушать представленные доклады, но и поддержать выступающих словом и вопросами.

Директор Республиканского дворца детского творчества А.А. Гучмазова поприветствовала участников школы-семинара и

рассказала об итогах прошедшего накануне XI регионального конкурса молодых исследователей «Ступень в науку», проводимого среди учащихся школ Северной Осетии. «Рассматривая работы юных конкурсантов, мы почувствовали большой недостаток научной составляющей, — отметила Анна Аркадьевна. — Исправить подобную ситуацию возможно только путем привлечения в качестве консультантов научных сотрудников СОИГСИ. Но уже сегодня мы чувствуем вашу поддержку. Нам было очень приятно получить сертификаты на приобретение научной литературы СОИГСИ для победителей в конкурсе среди гуманитарных дисциплин».

В свою очередь заместитель директора СОИГСИ по науке, д.и.н., профессор С. А. Айларова призвала к сотрудничеству школьников и их учителей. Одной из форм сотрудничества, по мнению профессора С.А. Айларовой, может стать публикация лучших исследовательских работ школьников на страницах научного журнала «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых».

В дальнейшем работа школы-семинара проходила по трем секциям: Секция языкознания, фольклора и литературы (руководитель к.ф.н., доцент А.Ф. Кудзоева); Секция этнологии (руководитель — заведующий отделом этнологии СОИГСИ, д.и.н., профессор **Л. А. Чибиров**); Секция истории (руководитель — д.и.н., профессор КБГУ **П. А. Кузьминов**).

Руководители секций и эксперты — научные сотрудники СОИГСИ -отметили высокий уровень исследовательских работ и глубокое знание исследуемой проблематики.

Научно-образовательный центр «Гуманитарий», на счету которого более полутора десятка всероссийских и международных проектов, согласно заключенному соглашению ВНЦ РАН и Правительства РСО — А и ЮОГУ, а также Договора о сотрудничестве СОИГСИ и ЮОГУ, создает в своей структуре базовую кафедру гуманитарных дисциплин ЮОГУ.

20 марта 2014 г. в зале «ЮНЕСКО» Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова состоялась церемония награждения победителей республиканского конкурса учебно-исследовательских работ «Юный архивист (2013-2014)», организатором которого стала Архивная служба РСО-А.

Основной целью конкурса учебно-исследовательских работ среди учащихся 7-11 классов школ республики явилось формирование среди молодежи и юношества правдивого представления об истории России и о современном обществе, а также приобщение школьников республики к традициям отечественной исторической школы. Обязательным условием конкурса было изучение учащимися архивных документов как самых достоверных источников исторических фактов и событий.

36 школьников из 15-ти образовательных учреждений представили на конкурс 25 работ, 7 из них были выполнены коллективно. По каждому из пяти направлений, определенных Положением о конкурсе, школьники проводили поиск и разрабатывали свои исследования. Лауреатами конкурса стали 23 школьника из Владикавказа, Моздокского и Пригородного районов республики.

Научные сотрудники СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-А выступили рецензентами в четырех из пяти направлений, определенных Положением о конкурсе. Свои отзывы на работы школьников в направлении «Человек в истории: моя родословная» представил заведующий сектором генеалогических исследований, старший научный сотрудник отдела этнологии, доктор исторических наук И.Т. Марзоев. В направлении «Образование и культура: история, традиции и современность» рецензентом выступила старший научный сотрудник отдела истории, кандидат исторических наук И.Т. Цориева. Работы юных исследователей в конкурсной номинации «Отечественная история» своими рецензиями отметила старший научный сотрудник отдела этнологии, кандидат исторических наук Л.К. Гостиева. Научный сотрудник отдела социально-политических исследований, кандидат исторических наук Б. А. Синанов оценил исследовательские работы школьников в номинации «Религия: история и современность».

Искушенные в оценке научных исследований историки были приятно удивлены умению подростков работать со сложными историческими документами, в том числе рукописными, собирать полевой материал и делать научные опросы. Почти все представленные на конкурс работы получили хорошие и отличные оценки рецензентов.

Выступая на церемонии награждения победителей, директор СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-А доктор исторических наук, профессор З.В. Канукова предложила опубликовать работы призеров конкурса в рецензируемом научном журнале «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых». Данное издание входит в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых — российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Для юных исследователей в журнале создана специальная рубрика.

Гимназисты Православной гимназии имени Аксо Колиева занимаются проектной деятельностью, одним из направлений которой является исследование жизни и творчества Аксо Колиева. Естественно, все, что связано с его именем, представляет интерес как для преподавателей, так и для гимназистов. Директор гимназии Калоева З. Э., замдиректора по воспитательной работе Торчинова Л.Г., куратор проектно-исследовательского общества учащихся гимназии «Кладезь» Найфонова Ф. Т. обратились к директору СОИГСИ З. В. Кануковой с просьбой разрешить доступ к рукописям Аксо Колиева, дореволюционным периодическим изданиям, которые о нем писали, хранящимся в Научном архиве СОИГСИ.

Ученица 3-го класса гимназии Каболова Мария, несмотря на свой юный возраст, очень хотела посмотреть и изучить вместе со своими преподавателями первоисточники. Аксо Колиев был замечательным проповедником, переводчиком и поэтом, человеком высокой духовности. Он вошел в историю осетинской культуры и как основатель женского образования в Осетии.

Дирекция Православной гимназии им. Аксо Колиева выразила благодарность З.В. Кануковой и заведующей Научным архивом СОИГСИ им. В.И. Абаева Р.Н. Абисаловой за уникальную возможность прикоснуться к бесценным рукописям Аксо Колиева — одного из выдающихся личностей Осетии.

Встреча с Институтом стала для гимназистов знаменательным и незабываемым событием.

В конце 2013 года в издательской серии «Первая монография» Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева вышли книги:

кандидата филологических наук, Абаевой Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика).

В своей монографии Ф.О. Абаева провела системное изучение и описание лексики свадебной обрядности осетин, разработала особенности построения обрядового текста на внешнем и внутреннем уровнях. Установила, что обрядовый свадебный текст осетин содержит в себе способ организации пространства, отражающий мифопоэтическое видение мира, отражает этнокультурологические и мифологические представления народа. Выявила семантику и символику компонентов обряда, праструктура текста ритуала, его специфические черты на лингвоэтнографическом уровне. Ввела новые терминологические образования, не зафиксированные в словарях.

❖ кандидата психологических наук **Цопановой А. В. Психология** политического терроризма.

В монографии представлен подробный анализ экономического, физического, идеологического, информационного и политического терроризма как самостоятельных видов, и одновременно элементов единой системы. В работе предложен анализ системы формирования террористического поведения, включающей три фазы (латентную, наблюдаемых отклонений и предъявленного поведения). Проведено сравнительное исследование восприятия политического терроризма на территории двух регионов Российской Федерации: в Республике Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ) и г. Санкт-Петербург.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 11

Научный журнал

Компьютерная верстка — А.В. Черная

Подписано в печать 28.05.2014 Формат бумаги 70×108 $^{1}/_{16}$. Печать цифровая. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта «Minion». Усл.п.л. 33,04 Тираж 100 экз. 3аказ №47

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания

362040, РСО–Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10 e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано в ИПЦ СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А

362040, PCO-Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10 e-mail: rio-soigsi@ mail.ru